

СОН ХЁНГЭН

18+

Потомки Солнца

Признание Моён

태양의 후예

Сон Хёнзён

18+

Потомки Солнца

Признание Моён

Сон Хёнгён

Потомки солнца. Признание Моён

На основе сценария Ким Ынсук и Ким Вонсока

태양의 후예: 소설

THE DESCENDANTS OF THE SUN. NOVEL

Original Korean edition published by

Wisdomhouse Mediagroup Inc.

Copyright © 2016 by Hyun Kyoung Son

This Product is made by Wisdomhouse Mediagroup Inc. and is licensed by NEW.

© Descendants of the Sun SPC.

All rights reserved Original Korean edition published by Wisdomhouse Mediagroup Inc.

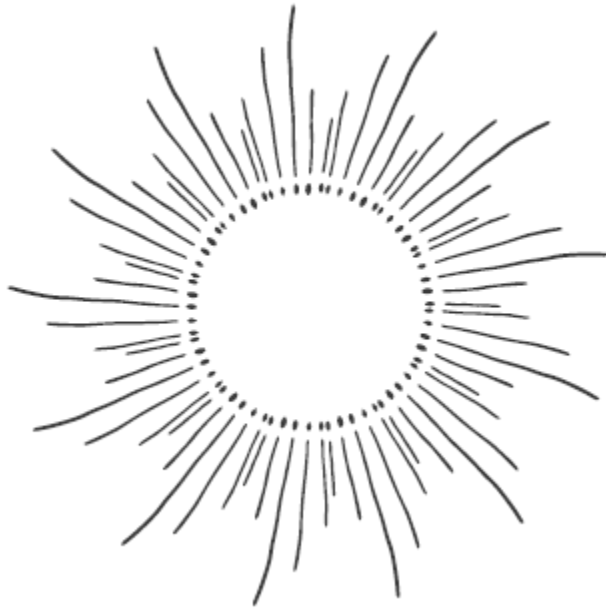
Russian language copyright

© 2020 by AST Publishing group Russian language edition arranged with Wisdomhouse Mediagroup Inc.

태양의 후예

Глава 1.

Признание

1

Наконец Сичжин нашел холм, с которого можно было полностью увидеть Моуру. Он поднялся сюда впервые с момента возвращения из Кореи. Пейзаж, открывавшийся с горы, сильно изменился. Величественная скала выглядела смятой, словно старая жестянка, а там, где раньше был зеленый луг, раскинулось пепелище, все в темно-багровых пятнах, как обожженная кожа. Сам холм, на котором стоял Сичжин, казалось, служил могилой какого-то чудовища. Только небо оставалось прежним, светлым и ясным, – ему не было дела до людских проблем. И под этим бесконечным пространством Сичжин ощутил пустоту. Каким бы смелым и сильным ни был человек, не все он может предотвратить, не со всем справиться. И несколько дней назад подобное случилось в Уруке.

В любви все точно так же. Безответность – это трагедия. Душа отвергнутого опустошена, как земля после землетрясения. Сердце Сичжина сейчас пребывало именно в таком состоянии. Как животное, выжившее при лесном пожаре, навсегда запомнит адское пламя, так и в душе Сичжина навсегда останется боль, которую причинила ему любимая. Конечно, Моён не жгла его буквально. Однако ее бесконечные увертки и отговорки разрушили его гордость, похожую на скалу, и превратили в мелкую пыль. Моён была лишь дымкой перед глазами, неуловимой птицей счастья.

Смеркалось. На тренировочной площадке тут и там зажигались фонари, в казарме и госпитале загорелся свет. Из трубы казармы поднимался белый дым – наверное, армейский повар готовил ужин. Отбросив бесполезные мысли, Сичжин стряхнул с обуви налипшую грязь и спустился с холма.

Откуда-то доносилась музыка. Кажется, Даниель починил проигрыватель. У него золотые руки. Даниель служил в отряде миротворцев и помогал персоналу в госпитале, но, едва появлялась свободная минута, он в своей мастерской принимался чинить сломанные предметы.

Звуки сонаты Шопена порхали, подобно бабочке, и украдкой садились на плечи солдат, спешно собравшихся на тренировочной площадке и в казарме, целовали в лоб пациентов, которые лежали в госпитале.

Сичжин пошел на звук и оказался у диспетчерского центра. Войдя, он обнаружил Даниеля, сидящего перед проигрывателем. Тот наслаждался музыкой, прикрыв веки, но, почувствовав чужое присутствие, открыл глаза. Встретившись с Даниелем взглядом, Сичжин показал большой палец.

– Какая мелодия будет следующей? – спросил он, присев на краешек стола.

– Не знаю, за музыку отвечает доктор Кан.

Даниель указал на телефон, подключенный к проигрывателю. Это был телефон Моён. Значит, Сичжина сюда привела не мелодия, а душа девушки: сам того не замечая, он следовал за ней. В следующую секунду он не поверил своим ушам. Как только прекрасная мелодия закончилась, в колонках проигрывателя раздался отчаянный голос Моён. Время от времени его заглушали грохот падающих камней и рев двигателя. Судя по всему, это голосовое сообщение Моён записала в машине, тогда, когда не справилась с управлением и повисла на краю обрыва. Девушка плакала.

«Если бы я знала, что умру вот так, не старалась бы стать профессором, а жила в свое удовольствие... Гуляла бы, не думая о деньгах, черт... Нет. Слишком неправильно оставлять такое послание перед смертью... Ю Сичжин... Где же вы? Он едет, он меня спасет... Но что, если я не смогу продержаться до его приезда?.. И все же, если я умру, первым меня найдет Ю Сичжин. Но если бы я знала, что умру

вот так... Давно бы призналась в своих чувствах... Меня поцеловал такой замечательный мужчина... Мое сердце всегда трепетало...»

Музыка трогает человека за душу намного сильнее других видов искусства. Но заставить человеческое сердце биться еще быстрее может только признание в любви. И прямо сейчас Сичжин испытал это на себе.

В следующий миг распахнулась дверь и влетела Моён. Проворная, как белка, она резко выдернула провод из телефона и умчалась без оглядки.

– Ого, вот это сила музыки! – многозначительно улыбнулся Даниель.

– Кажется, виновник этой силы я.

Сичжин радостно улыбнулся и лихо перемахнул через подоконник на улицу, чтобы успеть перехватить Моён.

– Мамочки, напугал! – воскликнула Моён, когда Сичжин неожиданно появился из-за угла. Она с недоумением озиралась по сторонам. – Почему вы здесь? Как вы тут оказались?

– О, это для меня раз плюнуть. – Сичжин тяжело дышал.

– Вот как вы используете специальные навыки, полученные, чтобы защищать нашу страну? В личных целях?

– Просто кто-то проводит слишком публичные выступления, – попытался подразнить девушку Сичжин.

– Кому-то же надо выступать на телевидении. Вы сами это сказали! Нет, а это забавно. Вы всегда вот так просто слушаете чужие записи?

– Я не слушаю, а случайно услышал.

– Если услышали случайно, то дальше ведь можно не слушать.

– Так мило, что вы нервничаете. Но почему вы сбегаете? Перед смертью хотели мне признаться, а выжили и сразу передумали?

– П... признаться? Это было не признание. – Моён растерялась, как маленький ребенок.

Сичжин наконец осознал, насколько он был слеп. Все это время правда была у него перед глазами, но он поверил, лишь когда сам это услышал. Смущение Моён развеивало все сомнения: чувства девушки были искренними, и он ей действительно нравится. Ее бездонный взгляд поглотил Сичжина так, что даже дыхание перехватило, словно он завладел целой Вселенной.

2

Был еще один человек, который все это время скрывал правду и прятал свои чувства, – Тэён. Наслаждаясь музыкой, наполняющей тренировочную площадку, он умывался, накинув полотенце на шею. Мелодия всколыхнула его чувства и разворошила эмоции, которые он так старался подавить. До сих пор выдержка не изменяла ему: он не поддавался импульсам найти Мёнчжу, спросить, не поранилась ли она, сильно ли испугалась, когда произошло землетрясение, не голодна ли, сильно ли скучала по нему. Но музыка могла сломить его решимость, она испытывала его терпение на прочность.

Когда Тэён закончил умываться и выпрямил спину, он вдруг почувствовал, как кто-то стащил полотенце с его шеи. Это была Мёнчжу. Она обиженно глядела на него за то, что он не захотел отыскать ее первым. Как только их взгляды встретились, девушка отвела глаза и принялась вытирать мокрое лицо мужчины.

– Вы приехали сюда по своей воле или по приказу отца? – Голос Мёнчжу был твердым, как сталь.

Тэён пришел в замешательство, не зная, какие подобрать слова. Поначалу ему хотелось признаться, что в тот момент, когда он узнал об опасности, грозившей Мёнчжу, не мог спокойно дышать... Но он снова отступил.

– Отправлять лучших бойцов в наиболее опасные места – самая большая ответственность командующего. – Тэён постарался вложить как можно больше чувств в свой ответ.

– Не знаю, на чью сторону ты пытаешься встать, но хочу заметить, что мне это не нравится. – Из груди Мёнчжу вырвался легкий вздох.

– Позвоните ему. Он наверняка переживает.

Тэён взял полотенце из рук девушки и развернулся, чтобы уйти.

– А что насчет тебя? – поспешно бросила ему вслед Мёнчжу. – Как бы ты себя чувствовал, если бы со мной что-то случилось?

Дрожащий голос девушки тронул Тэёна. Казалось, в его груди образовалась трещина, откуда хлынула кипящая лава, и огромный ледник в душе растаял в одно мгновение. Он не мог допустить, чтобы Мёнчжу плакала. Тэён повернулся к ней и внимательно посмотрел в глаза.

– Я бы жалел о каждой секунде, в которую был не с тобой, – признался Тэён, и его слова согрели душу девушки.

– И ты все равно просто стоишь?

Глаза Мёнчжу наполнились слезами. Тэён крепко прижал ее к себе, и ночное небо над ними усыпало такими яркими звездами, что от их света слепило глаза.

3

После того как все услышали запись Моён, Сичжин еще несколько дней поддразнивал девушку. Она старалась его избегать, но он ходил за ней по пятам. Моён была права: Сичжин использовал навыки специальной подготовки, необходимые для защиты страны, исключительно в личных целях. Для солдат и медицинского персонала Сичжин и Моён официально стали парой. Лишь упрямая Моён не хотела принимать этот факт; остальные в отряде «Моуру» одобряли и поддерживали их отношения. Все радовались тому, что статный мужчина повстречал красивую женщину.

С раннего утра Сичжин приводил себя в порядок: тщательно побрился, начистил ботинки и отглаживал форму. Сегодня они наконец останутся с Моён наедине. Их пригласили на совещание ООН в качестве представителей отряда «Моуру» и команды медиков. Поездка до места проведения встречи и обратно на машине займет два часа. По меньшей мере два часа девушке придется находиться наедине с Сичжином. Чтобы не упустить такой шанс, он с самого утра отправился на поиски Моён.

– Я очень тороплюсь, потому что скоро должна быть на совещании. Так что мне пора. – Девушка по-прежнему была не очень приветлива.

– Я тоже должен быть на этой встрече. Кажется, я очень кстати встретил человека, которого нужно подвезти, – преградил ей путь Сичжин.

– Я доеду сама.

– Чтобы снова повиснуть на краю обрыва?

– Когда повисну, тогда и позвоню.

– Почему вы постоянно сбегаете? Сбежали от меня после признания, сбежали после того, как оставили завещание...

– Это не было завещанием.

– Вы говорили, что ваше сердце трепещет.

– Это была не я.

– Я не спрашиваю о том, что у вас на душе. Не думайте, что проиграли, когда ваши чувства раскрылись. Вы в любом случае нравитесь мне сильнее, чем я вам. И сегодня вы особенно красивы.

– Ну хватит!

Моён покраснела. Выражение ее лица подсказывало, что она уже была готова уступить. И улыбка потихоньку расцветала на ее лице.

4

На совещании ООН обсуждались серьезные темы: экстренные поставки питьевой воды, так как большинство колодцев в регионе пересохло, доставка по воздуху палаток и туалетов в поселения, разрушенные оползнями, повсеместные санитарные проверки для предотвращения инфекционных заболеваний, которые могли вспыхнуть из-за антисанитарии. И все же встреча проходила легко и непринужденно. Для Сичжина такая атмосфера казалась привычной, но для Моён это все было чем-то новым.

На обратном пути в лагерь Моён призналась:

– Я думала, раз совещание ООН, обстановка будет строгой, а все были такими радостными...

– Людям, которые встречаются, только чтобы обсудить опасную ситуацию, без юмора не обойтись, – пояснил Сичжин.

– Ясно...

Моён вдруг замолчала. В ожидании продолжения Сичжин открыл окно машины. В салоне подул легкий свежий ветерок.

– Вы ведь всегда такой. Чем серьезнее ситуация, тем больше шутите.

– Ситуация становится серьезной, только если воспринимать ее так.

Девушка улыбнулась. Видимо, ей понравился ответ Сичжина.

– И каково вам заниматься работой, которую хоть кто-то должен выполнять? Наверное, гордитесь? Интересно, у вас бывают промахи?

– Да вот личная жизнь не ладится, – коротко ответил Сичжин.

– Неужели?

– А вы? Сколько у вас было парней?

– Почему мужчины всегда об этом спрашивают?

– И кто тот парень, который задавал такие же вопросы?

Моён искоса взглянула на Сичжина – он ведь сейчас шутит? И вдруг под колесами раздался оглушительный взрыв. Моён испуганно вскрикнула, а Сичжин одной рукой приобнял девушку, при этом второй начал старательно выкручивать руль. После нескольких разворотов, подняв в воздух клубы пыли, машина с трудом остановилась.

– Что это? У нас шина взорвалась? – спросила Моён, открыв дверцу машины.

– Сначала я все проверю. Не выходите, оставайтесь в машине. – Сичжин остановил девушку, которая собиралась выйти наружу, и усадил ее на место. Тяжело дыша, мужчина открыл водительскую дверь и поднял с земли камень.

– Что это? – спросила Моён со страхом в голосе.

– Если я прав, то мы наткнулись на мину.

– Что? Мина?..

Сичжин с силой бросил камень в сторону поля. Раздался новый взрыв. Моён съежилась и громко закричала.

– Это и правда мина? Мы действительно наехали на мину? – Голос девушки дрожал.

– Да, видимо, после землетрясения необезвреженные мины поднялись на поверхность, так что не вздумайте шевелиться. Мы сейчас в самом центре минного поля.

Сичжин сначала хотел успокоить девушку, но решил рассказать все как есть. Моён побледнела от страха.

– И что нам теперь делать? Телефон здесь не ловит. – Девушка водила телефоном из стороны в сторону, пытаясь поймать связь, но вскоре опустила руку.

– Рация тоже не работает. Возьмите сумку и положите это туда. – Сичжин собрал оборудование с заднего сиденья джипа и передал его Моён.

– Что вы собираетесь делать? Разве нам не нужно ждать, пока нас спасут? – спросила девушка, выполняя его приказ.

– Нет, сейчас мы попытаемся отсюда выбраться.

Сичжин перелез на капот джипа через лобовое стекло и протянул руку Моён.

– Но здесь же повсюду мины! – Девушка осмотрела окрестности, в которых затаилась смерть, а затем, схватившись за руку мужчины, забралась на капот.

– Идите за мной след в след. Я не позволю вам умереть, так что не переживайте.

Сичжин осторожно спустился с капота и ступил на землю.

– А что произойдет, если мы действительно наступим на мину? – Стараясь не выказывать эмоций, Моён осторожно последовала за мужчиной.

– Вариантов нет. Это в фильмах бывает всякое, а в жизни мина обязательно взорвется. Ступайте сюда.

Сичжин присоединил к небольшой лопате штык-нож и получил предмет наподобие щупа. Осторожно проткнув им землю, он сделал первый шаг.

Вокруг не было ни души. Над брошенным полем пепельного цвета воцарилась тишина. И лишь теперь Моён и Сичжин осознали, что только они и есть друг у друга. Они стали одним целым.

– В этот раз шаг будет широким. Справитесь?

Сичжин протянул руку Моён. Девушка крепко схватила его за руку и сделала большой шаг навстречу его объятиям.

– Я молодец?

– Во многих смыслах. Осталось чуть-чуть. Держитесь.

– И вы.

Сичжин тепло улыбнулся Моён и продолжил прощупывать почву. В этот момент штык-нож во что-то упёрся. Мужчина пригнулся и осторожно расчистил землю. Показались очертания большой мины.

– Это мина? – спросила Моён.

– Да. Крупная мина М16А1. Подадите мне флажки из сумки?

Сичжин начертил вокруг мины большой круг и воткнул рядом с ним флажок.

– Единственный способ бороться с минами – это не спешить. Будьте спокойны и любуйтесь моей сексуальной спиной.

– Вот теперь-то нам действительно не мешает немного юмора, – сказала Моён с улыбкой. На душе сразу стало легче.

Спустя час они наконец выбрались с минного поля, по пути оставив три-четыре флажка. Эти флажки могли спасти кого-то от смерти.

Выбравшись на дорогу, Моён плюхнулась на землю. Идти дальше не было сил.

– Вы молодец. Большая молодец. – Сичжин присел рядом с девушкой и похлопал её по плечу.

– В который уже раз? Почему я всегда на волосок от смерти? Две машины угробила... – Моён расплакалась, как ребенок.

– И правда. Я хотел снять с вами мелодраму, а получается боевик.

– Спасибо, что снова спасли.

– Я был сильным, потому что вы прикрывали мой тыл.

– Благодаря вам буду жить дальше. – Моён поднялась, отряхивая штаны.

– С другим? Если с другим, то конечно, – сказал Сичжин, поднимаясь вслед за девушкой. – Я слышал, вы разговаривали с Мёнчжу, не переживает ли она из-за опасной работы ее молодого человека.

– Она уже успела вам доложить?

– Она сказала спросить ответ у вас. Что ответила Мёнчжу?

– Лейтенант Юн ответила, что жизнь без старшего сержанта Со ее пугает больше, чем его работа.

– А что насчет нас? Мы скоро расстанемся?

Моён промолчала.

– В списке медицинского персонала, возвращающегося в Корею, есть доктор Кан? – прямо спросил Сичжин.

– Нет, – наконец ответила девушка.

– Нет?

– Нет. Я не еду.

– Почему? Явно не из-за меня.

– Именно из-за вас.

Ее слова пронзили душу Сичжина, словно острие фляжка – минное поле. Прямолинейный ответ Моён заставил сердце мужчины сжаться от непонятной боли.

– Я не еду из-за вас. Хочу побыть вместе хотя бы еще немного.

Моён была так откровенна с ним, что Сичжин растерялся. Да, он уже знал о чувствах девушки, но сейчас, услышав эти слова, испытал нечто совершенно новое. В его душе подул теплый ветерок, и фляжок внутри затрепетал. Бывает, тебе становится невероятно грустно, когда видишь что-то прекрасное. Вот и Сичжина сейчас одолели чувства,

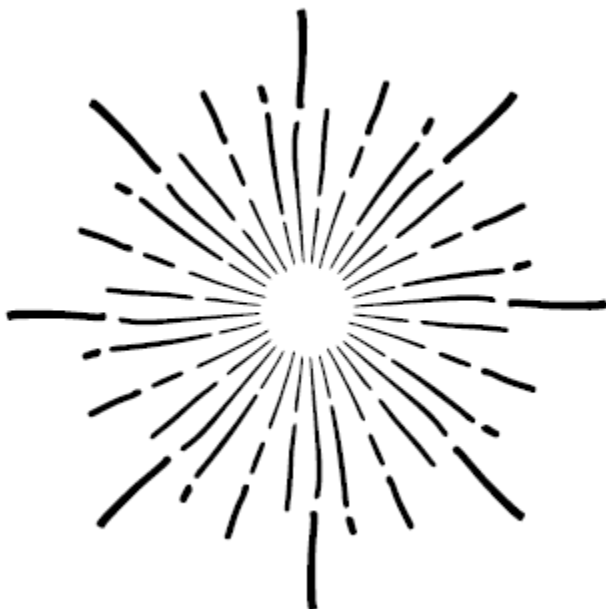
напоминающие грусть, но вперемешку с радостью, отчего ломило все тело.

– Кажется, я только что призналась вам в своих чувствах. Мне попросить прощения? – осторожно спросила Моён, не дождавшись реакции.

– Как будто я приму ваши извинения.

Наконец Сичжин обнял Моён и притянул к себе. Талия девушки изящно изогнулась. В его пристальном взгляде пылал огонь. Горячая волна захлестнула их. Сичжин нежно приподнял лицо девушки за подбородок и поцеловал. Казалось, поцелуй будет длиться вечно – такой страстный, словно он последний в их жизни.

Глава 2. Деревня-призрак

1

Перед медицинским корпусом стоит автобус. Именно он доставит сорок пять пассажиров – пациентов и медиков – в аэропорт, откуда они вылетят в Корею. Первым, как только открылись двери, в автобус вошел управляющий Чин и быстро проследовал к последнему ряду сидений. Съездившись в углу, он выглядел подавленным; казалось, будто он бежит от преследователей: на глаза надвинута черная кепка, воротник поднят. Но никто из пассажиров не обращал на него

внимания. Пациенты спешили занять удобные места, а медики прощались с коллегами, которые оставались в Уруке.

Наконец автобус тронулся. Только теперь Чин Ёнсу отважился выглянуть в окно – там медицинский персонал и солдаты махали вслед отъезжающим. В толпе Чин заметил грустное лицо доктора Ли Чхихуна, своего спасителя, ведь именно он отдал управляющему свой билет на самолет в Корею.

Узнав, что всех пострадавших при землетрясении отправят в корейскую больницу, Чин Ёнсу понял: это его шанс покинуть Урук и скрыться с глаз Аргуса. Прошлой ночью он отправился в медицинский корпус и, едва переступив порог, схватился за шею, будто бы падая в обморок, и потребовал билет до Кореи. Якобы ему требуется срочно сделать МРТ. На медперсонал его выходка не подействовала – они уже видели подобное на руинах электростанции. Тогда управляющий повалился на пол, схватился за живот и начал истошно вопить. На звуки примчались военные и, схватив Чин Ёнсу за шкуру, поставили на ноги. Но управляющего это не остановило. Он завопил еще громче, словно его резали ножом. Какой у него выбор? Погибнуть от пули Аргуса либо от кулаков солдат – разница невелика. Если не достанет билет на ближайший рейс, он покойник. И в этот момент появился Ли Чхихун, который бросил ему спасательный круг – уступил свое место в самолете. Чин Ёнсу даже подумал, что, будь у него возможность, он извлек бы пару алмазов из живота и отдал врачу.

Да, алмазы у него в животе. Сокровище, которое Чин с таким трудом и унижением достал из-под обломков электростанции. В окружавшей его кромешной темноте блеск драгоценных камней был единственным лучиком света, и отдавать его Аргусу Чин Ёнсу не собирался. Мало ли, что он обещал. Но с того дня прошел уже месяц, Аргус ждал, и Чин снова увидел налитые кровью глаза и дуло пистолета. Плевать Аргус хотел на то, что недавно было землетрясение и доступ к зданию закрыт. Наоборот, намекнул, что на месте стихийного бедствия, так же как и на войне, никто не обратит внимания на еще одну жертву. Если управляющий не выполнит обещание, то скоро попрощается с жизнью. Поэтому, как Орфей,

отправившийся в царство мертвых на поиски своей жены, Чин Ёнсу забрался в разрушенное здание, чтобы отыскать свое сокровище. Это и правда была битва не на жизнь, а на смерть.

Но стоило Чину взглянуть на алмазы, он крепко задумался. Он мог потерять не только камни, но и свою жизнь. Однако Чин Ёнсу не хотел повторять судьбу Орфея и видеть, как его драгоценная Эвридика навсегда его покидает.

Оставался только один выход. Он схватил все камни и разом их проглотил. Затем запер сейф и сломал замок. Чин Ёнсу стал одним целым с алмазами. Он взял помятый сейф и вышел наружу.

Аргус ждал неподалеку. Управляющий осторожно положил перед ним сейф и попытался оправдаться:

– Я с трудом его нашел, но, как видите, замок поврежден, так что придется вам самим...

– Но ты опоздал на встречу на 27 часов и 15 минут. – Аргус в мгновение ока достал пистолет и приставил ко лбу управляющего.

– Не убивайте меня. Это все... все из-за землетрясения, – заикаясь, произнес Чин Ёнсу.

– Знаешь, что общего у войны и подобной катастрофы? Никто не удивится еще одному мертвецу.

Аргус был взбешен: из-за сломанного замка он не мог сразу же открыть сейф и убедиться, на месте ли алмазы. Его взгляд становился все более свирепым.

– По... пощадите меня. Я сделаю все, все, что вы скажете! – Управляющий рухнул на землю и вцепился Аргусу в ногу.

– Не нужно делать все, делай лишь то, что тебя просят. Окей? – сострил Аргус, стряхивая его, словно грязную букашку.

– Окей, конечно! Никаких проблем! Йес, йес!

Чин Ёнсу был готов целовать Аргусу ноги. Тот бросил перед ним пачку долларов, словно перед попрошайкой. Вскоре вся шайка вместе с сейфом исчезла. Управляющий неподвижно лежал на земле, пока не убедился, что вокруг полная тишина. Наконец успокоившись, он поднялся и направился в медицинский корпус, где и заполучил билет на самолет.

Как только автобус прибыл в международный аэропорт Урука, управляющий, не желая тратить ни одной лишней секунды, пулей вылетел на улицу. Руки и ноги тряслись, а сердце колотилось так, словно того и гляди выпрыгнет из груди. Он бросился к стойке регистрации, намереваясь поскорее пройти необходимые процедуры. Но там его уже ждали – перед стойкой ошивались подозрительные типы, обшаривая глазами толпу. Это были прихвостни Аргуса. В панике Чин Ёнсу резко сменил направление и спрятался за колонной.

2

Сейф оказался пуст, а самолет улетел. Аргус был в бешенстве. Взглядом, наполненным яростью, он буквально расстреливал ни в чем не повинных подчиненных. Его шайка обливалась холодным потом и следила за настроением босса. Прошло менее суток с тех пор, как они получили испорченный управляющим Чином сейф и вернулись в свое укрытие, но казалось, что они постарели на десятки лет. Бандиты лучше других знали, что бывает, если разозлить их босса. Аргус не знал пощады. Это был настоящий убийца, лишенный моральных принципов, жестокий и хладнокровный. С трудом верилось, что в прошлом он был военным.

– Он не объявился. Наверное, догадался и сбежал. Мы с помощью полиции расставили ловушки, – сказал один из подчиненных, которому Аргус доверял больше остальных, и повесил винтовку на плечо.

– Он любыми способами попытается выбраться из страны. Поймаю – разорву на куски. Сегодня вместо оружия отправьте полковнику розу. Ту самую, красную, которую я выбрал в прошлый раз, – сквозь стиснутые зубы процедил Аргус.

– Есть! – дружно выкрикнула в ответ его шайка.

Аргус посмотрел на них с сожалением и вышел, громко хлопнув дверью. Как только босс покинул комнату, банда расслабленно выдохнула и расселась по своим местам. Мужчины выполняли много грязной работы, которой мало кто бы позавидовал, но даже они выглядели невинными котятками перед Аргусом. Их главарь способен на любую жестокость, и они об этом знали.

До появления Аргуса Урук раздирала вражда. В каждом городке, в каждой деревне заправляла своя шайка, и все они пытались поделить

землю и власть. Аргус в одно мгновение изменил порядки. Став главарем всех группировок Урука, он насобирал денег и закупил оружие. А после передавал это оружие полковнику, который был одним из претендентов на пост главы правительства Северного Урука. Никто не знал, на каких условиях совершались их сделки, но Аргус подкупал полковника не только оружием и драгоценностями. Он поставлял ему молодых девушек. И сейчас, говоря про красную розу, он имел в виду одну из них.

Красная роза жила в деревне-призраке – поселении, которого не было на карте и где нашли пристанище военные сироты. За деревней присматривал Аргус, а свое название она получила из-за того, что им часто приходилось кочевать с места на место. Все дети, жившие здесь, были источником заработка для Аргуса. Симпатичных девушек он отдавал полковнику или получал за них деньги от состоятельных стариков, а девушек с внешностью похуже продавал в богатые страны в качестве прислуги. Парней, подающих надежды, он оставлял для выполнения мелких поручений. Больных и слабых же морил голодом, пока те не умирали от истощения. Деревня-призрак лучше всяких слов говорила, насколько бессердечным человеком был Аргус.

Бандиты поднялись с мест – им нужно было поскорее украсить красную розу, чтобы Аргус не разозлился еще сильнее. Они торопливо вышли из укрытия, расселись по машинам и направились в сторону деревни-призрака.

3

Все говорили, что Чхихун родился с золотой ложкой во рту. Он был единственным сыном в состоятельной семье, отлично учился, да ещё и красавчик к тому же – не было ничего, в чем бы ему не везло. Дома его ждала прекрасная и умная жена, которая скоро должна была подарить ему первенца. Что еще нужно для счастья? Однако мужчина был несчастен. Его душа никак не могла успокоиться, а землетрясение в Уруке разорвало ее на мелкие кусочки.

Волонтерская деятельность закончилась, да и работы по восстановлению районов, пострадавших при землетрясении, подходили к концу. Пусть из-за недостатка мест в самолете пока не все могли вернуться домой, но при желании это было осуществимо. И все же Ли Чхихун добровольно отказался от этой возможности. Он

уступил место пациенту, которому срочно требовалась МРТ, не из-за клятвы Гиппократу, как сделала это медсестра Ха. Не стремился он также выглядеть лучше в глазах остальных членов медицинской команды. Наоборот, Моён всеми силами старалась отправить Чхихуна обратно, ведь его жена доживала последние недели беременности. И все же доктор не сел на самолет, летевший в Корею.

Самолет, везущий пассажиров на родину, покидал воздушное пространство Урука, а доктор Чхихун, сжавшись в комок, сидел в углу склада с медикаментами. В последнее время ел он от случая к случаю, его щеки впали, а под глазами появились черные круги. Взгляд был рассеян, на голове воронье гнездо. Подумать только, каких-то десять дней назад Чхихун следил за модой, стараясь подбирать наряды под свой медицинский халат. Но парень, что прятался сейчас на складе медицинского корпуса, был очень далек от прежнего себя.

В крохотную форточку пробивались оранжевые лучи вечернего солнца. Ослепленный внезапным светом, Чхихун приподнялся и выглянул в окно. В этот момент кто-то открыл дверь склада. Это Санхён вернулся с проводов.

– Вот ты где, паршивец. Где прячешься весь день? Здесь я тебя тоже искал. – Санхён сел рядом с Чхихуном.

– Все уехали? – Чхихун с неохотой поднял голову и взглянул на Санхёна.

– Все-то уехали, а вот ты почему до сих пор здесь? – Несмотря на интонацию, в глазах Санхёна читалось беспокойство.

Молодой врач не ответил. Замерев, он пристально следил за постепенно угасающим закатом.

– Ну да, не сказать, чтобы я тебя не понимал. Пожалуй, доктор Чан набрала слишком много, даже учитывая беременность. Это уже не та девушка, которую ты во время медового месяца готов был носить на руках. И все же ты засранец. Обычно те, кто хочет сбежать из дома, максимум за город выбирают. Тебе не кажется, что уезжать на другой конец земли, в Урук, – это слишком? – пытался пошутить Санхён, чтобы разрядить обстановку.

– Ты прав, это очень далеко. Но я врач. И если я бы я сейчас уехал... Это бы означало... что я вовсе не врач. – В голосе Чхихуна словно сгущалась вечерняя тень.

– Ли Чхихун, я спрошу всего раз. – Голос Санхёна стал спокойным и доверительным. – Между тобой и пациентом Кан Минчжэ что-то произошло? Что именно? Я ведь могу тебе помочь.

– Не сейчас. Помощь... она тоже сравнима с побегом. Сначала я попробую сам. Если у меня не получится, тогда я все расскажу...

Сказав это, Чхихун закрыл глаза и прислонил голову к стене. Санхён понаблюдал за ним некоторое время, а затем похлопал по плечу и вышел со склада. Услышав звук закрывающейся двери, Чхихун открыл глаза. Солнце село, и наступила темнота. Стены склада, выкрашенные в белый, растворились во мраке. На душе стало спокойнее. Для людей с разбитым сердцем свет – наказание. При свете дня Чхихун вновь и вновь слышал упреки Кан Минчжэ: «Разве человек, бросающий пациента, может считаться врачом?» Эти слова пронзали душу и обнажали все то, что Чхихун так старательно скрывал. Он мог терпеть чудовищную нагрузку, физическую боль. Но сдерживать душевные страдания было невозможно. Это был непосильный труд.

Рабочий Кан, доставленный в медицинский корпус, наотрез отказывался от лечения. Он со злобой говорил Чхихуну, который пытался поставить укол с обезболивающим, что одно его лицо причиняет ему боль.

– Убери это. Откуда я знаю, что ты там мне колешь? Ты бы на моем месте захотел у ТАКОГО лечиться? У человека, который не рад твоему спасению? Ты что, не слышишь, что тебе говорят? Проваливай! Я не собираюсь ничего принимать!

Если бы не капельница в руке пациента, он наверняка схватил бы Чхихуна за грудки. Но так было бы даже лучше. Чхихун хотел, чтобы Минчжэ его побил. Если бы так он смог получить прощение, если бы это спасло его от мучительных угрызений совести, он бы согласился.

– Пощадите меня... Я... Мне было страшно. Вы абсолютно правы. В тот момент я не был врачом. Я сбежал... Мне так жаль... – на всю палату разрыдался Чхихун.

– А вы эгоист. Решили покаяться мне, чтобы облегчить душу?

– Если бы эту ношу можно было сбросить, я бы сделал это раньше. Просто я не знаю, как поступить. Подскажите мне. Я сделаю все, что вы скажете. Сколько бы я ни думал... Но я могу поговорить лишь с вами.

Из глаз Чхихуна снова потекли слезы.

– Даже если так, я не подам вам руку. Вы же не протянули мне свою. Вы же меня не спасли! И перестаньте просить меня о помощи. Потому что я не собираюсь вам помогать, – отрезал Кан Минчжэ и отвернулся.

– Вам обязательно нужно принять это лекарство. Я попрошу доктора Сона, – с отчаянием в голосе ответил Чхихун и выбежал из палаты.

Склад утопал в темноте: полки, забитые медикаментами, еле можно было разглядеть. Чхихун посмотрел на свой медицинский халат: ярко-белый, он превратился в тускло-серый. Врач снял его и небрежно смял. В этот момент что-то выпало из кармана. Телефон. Прошло уже больше суток с тех пор, как в медицинском корпусе была восстановлена связь, но Чхихун до сих пор не включал телефон. Врач немного помедлил, но все-таки включил аппарат. Телефон завибрировал, а экран ярко засветился. Как и предполагал Чхихун, больше всего пропущенных звонков было от супруги. Она засыпала его сообщениями: спрашивала, почему он не отвечает, переживала, не поранился ли, требовала вернуться как можно скорее и напоминала, что сейчас самое важное – это состояние их малыша. Чхихун листал сообщения, но ни на одно из них не мог ответить. Точно так же, как он сорвал с себя медицинский халат, он закрыл дверь в ослепительно-яркий мир жены и малыша. Все потому, что бросил человека в беде.

4

Моён ничего не знала о переживаниях своего подчиненного. Каждый раз, когда представлялась возможность выбраться за пределы военной части, они с Сичжином брали машину и наслаждались обществом друг друга, разъезжая по окрестностям Урука. Конечно, после землетрясения пейзажи уже не были такими красивыми, но пара с удовольствием проводила время вместе.

Сегодня их путь лежал на берег лазурного моря. После встречи с генерал-лейтенантом Юном, который лично приехал, чтобы

поблагодарить отряд «Тхэбэк» за самоотверженность во время восстановительных работ, они решили сделать небольшой крюк.

Моён пребывала в прекрасном настроении. Она полной грудью вдыхала морской воздух, врывавшийся в открытое окно машины, любовалась пейзажем и с восхищением поглядывала на Сичжина, ведущего машину. Моён любовалась мужчиной, как произведением искусства, а тот наслаждался ее откровенным взглядом.

Но иногда влюбленным женщинам нравится терзать себя нелепыми подозрениями. И внезапно Моён захотелось узнать об отношениях Мёнчжу и Сичжина. От одной этой мысли ее тело покрылось холодным потом. Наконец она не выдержала и спросила:

– Почему вы не начали встречаться с Мёнчжу? Она молода, у нее отличное образование, хорошая семья, прекрасная фигура. Нет ничего, в чем она была бы плоха.

– И что, мне встречаться со всеми красивыми девушками из хороших семей? – хмыкнул в ответ Сичжин.

– Значит, Мёнчжу все-таки красива. Хотя я этого не говорила, – сказала Моён, надув губы, как маленький ребенок.

– Боже мой, вы что, ревнуете?

Сичжин усмехнулся – ну что за нелепость! – и резко вывернул руль. Глаза девушки удивленно округлились: уж не разозлила ли его эта ребяческая ревность? Однако вскоре она увидела вывеску заправки и с облегчением выдохнула. Но как только Моён успокоилась, ее снова накрыла ревность.

– Вот и нужно было встречаться с Мёнчжу! Но что же в ней такого красивого?

В этот момент Сичжин повернулся к Моён и поцеловал ее в губы.

– Что вы делаете? – спросила Моён с удивлением.

– Прерываю вас, таким вот вульгарным образом... Можете продолжать. – Мужчина широко улыбнулся.

Девушка почти растаяла от этой улыбки. Но тревога не отступала: может быть, он нахватался этих приемов от какого-то ловеласа, чтобы соблазнять женщин. Сичжин погладил Моён по голове, словно догадываясь о ее потайных мыслях, и вышел из машины.

– Я рассчитаюсь и вернусь.

Заправив автомобиль, Сичжин пошел платить за бензин. Моён со своего места любовалась его безупречными движениями. Навстречу

ему из здания заправки, где на первом этаже находился магазин, выбежал мальчик лет десяти, крепко сжимая что-то в руках. Вслед за ним выскочил владелец магазина, громко ругаясь по-урукски. Судя по всему, он хотел задержать воришку. Сичжин пулей бросился к мальчишке и схватил его за загривок. Удивленная Моён вышла из машины и побежала к магазину. Мальчик громко разрыдался и выпустил из рук все, что успел схватить в магазине. Это были лекарства: аспирин, тайленол, таблетки от несварения, что-то еще... Сичжин в растерянности устался на упаковки, разбросанные по земле. Моён обняла горе-воришку и внимательно осмотрела его лицо. Оно было покрыто сыпью.

– Уложите его.

Среагировав на голос Моён, Сичжин приобнял мальчика и уложил к себе на колени. Девушка потрогала лоб и затылок ребенка, чтобы проверить температуру. Он был явно болен. Хозяин магазина топнул ногой, разозлившись, что не сможет наказать хулигана.

– Позже разберемся, насколько он виноват. Судя по всему, он болен и поэтому решил стянуть хоть что-нибудь из лекарств. Давайте пока отвезем его в полевой госпиталь, – сказал Сичжин, переводя взгляд с Моён на владельца магазина.

– Нет, нужно ехать в деревню этого малыша. Высокая температура, пятна, сыпь... Если мой диагноз верен, то у него корь, а это инфекционное заболевание. Нужно остановить его, пока оно не распространилось дальше, – решительно произнесла Моён, в одно мгновение превратившись из влюбленной женщины во врача.

Выслушав инструкции мальчика, как добраться до его дома, пара отправилась вглубь леса, где располагалась деревня беженцев. Это была та самая деревня-призрак, которой управлял Аргус. Но Моён и Сичжин об этом ничего не знали. Они лишь подметили унылый пейзаж и тот странный факт, что в деревне были только дети и ни одного взрослого.

В деревне Моён поскорее собрала всех детей с сыпью в одном месте и начала их осматривать. Их было довольно много.

– Ребята, как давно вы болеете?

Хоть Сичжин и перевел вопрос на местный язык, дети не решались ответить.

– Кажется, они не понимают. Но теперь я уверена, это точно корь. Нужно собрать всех детей из деревни и сделать анализы, – сказала Моён с нарастающим волнением.

Но в этот момент вмешалась длинноволосая девушка в красивом красном платье:

– Их не будут кормить три дня, если они заговорят с незнакомцами.

Английский девушки был на удивление хорошим.

– А тебе можно с нами разговаривать? – спросил Сичжин.

– Мне уже все равно, – ответила девушка с таким выражением на лице, словно жить ей так или иначе оставалось совсем недолго.

– Поможешь собрать всех ребят этой деревни? У этих детей корь. А корь – очень серьезное инфекционное заболевание. Если не начать лечить на ранней стадии, то семеро из десяти ребятишек здесь умрут или останутся инвалидами, – спокойным голосом, медленно произнесла Моён.

– Лучше умереть, чем жить здесь, – последовал холодный ответ.

Моён внимательно посмотрела на девушку. Что же заставило эту юную красавицу взирать на мир с таким отчаянием? Сердце Моён защемило от печали.

– Мальчишки, когда подрастут, прибиваются к шпане, а девочек продают богатым старикам. И сегодня моя очередь. – Девушка на мгновение замолчала, наблюдая за реакцией Моён и Сичжина. Она была не по годам осмотрительна. – Я вам помогу. Но у меня есть условие – вытащите меня отсюда.

Ее слова можно было бы счесть за наглость, но Моён уловила в них волнение.

5

Моён и Сичжин наткнулись на банду Аргуса возле храма недалеко от деревни-призрака. Моён проверяла окрестности – нет ли где зараженных детей, а Сичжин, укрывшись в роще, связывался по рации с Тэёном. Банда Аргуса приехала за красной розой, чтобы передать ее полковнику.

– Вы присматриваете за этими ребятишками? – осторожно спросила Моён.

– А у нас гости? – Приосанившись, Аргус с интересом смотрел на девушку.

– Я врач из Кореи. Несколько ребят из деревни заражены корью. Можно ли забрать их в наш военный госпиталь?

– Нечасто встретишь такую красавицу, занимающуюся добрыми делами. – Рот Аргуса расплылся в многозначительной улыбке.

Моён внезапно почувствовала страх, ее тело непроизвольно сжалось. На выручку к ней примчался Сичжин. Прикрыв собой девушку, он повернулся к Аргусу.

– Снова встретились, капитан? Да еще в таком месте, – усмехнулся Аргус.

– Вы знакомы? Кто... это? – с тревогой спросила Моён.

– Рядовой Райан, – ответил Сичжин, не сводя взгляда с Аргуса.

Моён глубоко вздохнула. Она вспомнила их разговор несколько дней назад: Сичжин сожалел, что спас рядового Райана. По взглядам, которые мужчины кидали друг на друга, девушка догадалась, что между ними произошел какой-то конфликт.

И в этот момент неожиданно прозвучал выстрел. Из горла Моён вырвался крик. Сичжин и бандиты автоматически выхватили оружие. Одновременно с этим Аргус скрючился и рухнул на землю. Кровь, хлеставшая из раны в его животе, растеклась под ним ярко-красной лужей.

– Бежим! Забирайте меня, и бежим! Я же вам помогла! – закричала девушка в красном платье. В дрожащих руках она держала пистолет.

Аргус смотрел на нее красными от ярости глазами. Пока бандиты с криками бежали к своему боссу, Сичжин приблизился к девушке и отобрал у нее пистолет. Угрожая оружием, он приказал никому не шевелиться.

– Чем занят ваш врач? Пусть сделает что-нибудь! – закричал один из бандитов, кивая на Моён.

– Эй, чего замерла? Давала клятву Гиппократу, значит, лечи. Не отбирай у меня шанс поквитаться с этой девкой, – сказал Аргус, не сводя свирепого взгляда с девушки в красном.

– Спасти... или нет... Если вытащу его, потом умрут многие другие... – Моён растерялась. Она бормотала что-то несвязное, не понимая, что происходит вокруг.

– Выполняйте свою работу, вы же врач. Если понадобится кого-то убить, то это сделаю я, – хладнокровно ответил Сичжин.

– Нет, не спасай его! Просто оставь его умирать, пожалуйста! – с полным отчаяния взглядом молила девушка в красном платье.

– Заткните ее! Стреляйте! – злобно выкрикнул Аргус и тут же закашлялся кровью.

– У него шок, вызванный кровотечением, – неосознанно поставила диагноз Моён. – Нужно перенести его в помещение.

– Решайте. Опустить оружие и перенести его или оставить здесь умирать. Хочу заметить, что второй вариант мне больше нравится, – жестко сказал Сичжин.

Наконец Аргуса подняли и отнесли внутрь маленького храма, уложив там на пол. К голове Моён приставили пистолет, давая понять, что ей не следует делать ничего лишнего. Но к девушке уже вернулось самообладание. В руках она держала аптечку и готовилась провести операцию. Сейчас Аргус был для нее обычным пациентом, а бандиты – его близкими. Кроме того, мысль о том, что рядом мужчина, который защитит ее любой ценой, избавляла от любого страха.

Анестетиков в аптечке не было, но сомневалась Моён недолго. Продезинфицировав скальпель, она сделала разрез на пораженной области.

– Больно! Ты что, не вколола обезболивающее? – закричал очнувшийся Аргус.

– Забыла. Просто я не очень хороший врач.

Моён отважно извлекла пулю из раны при помощи пинцета. Аргус заорал и затрясся всем телом как одержимый.

Один из бандитов, что оставался снаружи, вошел в храм.

– Кажется, сюда едут военные. Собрать ребят? – спросил он, взглянув на искаженное от боли лицо Аргуса.

– Если сюда едут военные, то нужно сваливать, – ответил Аргус, крепко сжав зубы.

– Но...

– Это корейский отряд специального назначения. Тот самый, которого учат сражаться с северокорейскими солдатами, самыми дорогими на рынке наемников. Вы им не ровня. Так что сматываемся.

Отдав приказ, Аргус при помощи одного из бандитов поднялся на ноги. Его раны были перебинтованы и залеплены пластырем.

– Я, конечно, достала пулю, но все же лучше тебе поехать в больницу. Я сделала ровно столько, чтобы ты не умер прямо сейчас. И ее ты не заберешь, – как можно спокойнее проговорила Моён, приобняв за плечи девушку в красном платье.

Притворно улыбаясь, Аргус посмотрел на Моён, а затем перевел взгляд на девушку:

– Когда мы встретимся в следующий раз, от твоего прекрасного личика мало что останется, Фатима, я тебе обещаю.

– Отступайте как можно быстрее. И как можно дальше. Моя доброта заканчивается здесь, – громко сказал Сичжин, не сводя глаз с Аргуса.

Бандиты поспешили убраться. Не прошло и нескольких минут, как приехали военные. Увидев их, Фатима, которая до сих пор была в объятиях Моён, без сил рухнула на месте. Напряжение спало, и в ногах девушки совсем не осталось сил. Моён опустилась на колени и заглянула ей в глаза.

– Зачем ты его спасла? Нужно было просто оставить его умирать, зачем было спасать? – укорила девушка Моён.

– Если бы я оставила его умирать, ты стала бы убийцей. Я предотвратила это, – сказала Моён, с жалостью наблюдая за Фатимой.

– Я не стала убийцей, но теперь меня саму убьют!

– Ты не умрешь. Здесь тебя защищают военные...

– Военные? Поверить солдатам? Ты была на войне? Видела солдат на войне? Поэтому не останавливай меня. Я ухожу.

Когда Фатима поднялась на ноги, сердце Моён сжалось. Сколько же всего довелось испытать этой девушке: войны, землетрясение, животные под маской людей... В ее жизни – все ужасы этого мира. Моён тоже встала на ноги и крепко обняла Фатиму. Сначала та сопротивлялась, изворачиваясь и отталкивая руки врача, но скоро сдалась и громко разрыдалась, почувствовав себя словно в объятиях матери. Поглаживая девушку по голове и похлопывая по плечам, Моён крепко задумалась. Фатиму нужно любой ценой вытащить из этого адского болота, но она не могла придумать способ.

6

Тем времени Мёнчжу вместе с Тэёном ждала отца. Генерал-лейтенант Юн прибыл в Урук, чтобы поблагодарить батальон «Тхэбэк»

и провести совещание с начальником штаба ООН. Мёнчжу была не очень-то рада. Приезд отца именно тогда, когда их отношения с Тэёном начали налаживаться, казался ей шуткой злого рока.

С самого начала командующий войсками специального назначения видел пару для своей дочери в капитане Ю Сичжине: молодой человек был выходцем из семьи военных, и его, несомненно, ждало успешное будущее. Однако Мёнчжу уважала Сичжина как военного и товарища, но никогда не воспринимала в качестве избранника. Сколько бы ни встречались они взглядом, искра между ними не пробежала. С Тэёном все было по-другому. Одного раза оказалось достаточно. Только она встретила с его грустными глазами – глазами раненого тигра, – ее будто ударило током. Отец не понимал выбора дочери. Он вызвал Тэёна и приказал расстаться с Мёнчжу. Он превысил полномочия – и как военный, и как отец. Мёнчжу, узнав об этом, не смогла его простить. Собственно, поэтому она покинула Корею и прилетела в Урук.

– Не стоит обо мне волноваться, – спешно бросил Тэён, сжимая руку Мёнчжу, пока они ждали ее отца.

– А я и не волнуюсь. Было бы из-за чего, – ответила Мёнчжу, хотя и переживала за Тэёна. А если выразиться точнее, она боялась, что он снова покинет ее из-за отца.

Окончив совещание с начальником штаба ООН, генерал-лейтенант Юн вернулся в оперативный центр военного лагеря. Мёнчжу с Тэёном поднялись со своих мест и отдали честь. Приняв приветствие, генерал-лейтенант Юн присел на диван. Мёнчжу и Тэён встали по стойке смирно, словно перед трибуналом.

– Ну что? Ты снова встретила с Тэёном и он тебе все еще нравится? – обратился генерал-лейтенант к Мёнчжу.

– Так точно, – ответила девушка.

– А ты, Со Тэён? Ты думаешь так же?

– Спрашивай меня. Почему ты обращаешься к нему? – вмешалась Мёнчжу, испугавшись ответа.

– Так точно, – перебил ее Тэён.

– Я думал, мы с тобой совпадаем во мнении, что ты проиграл эту битву за лейтенанта Юн. – Генерал-лейтенант Юн встал со своего места и злобно посмотрел на Тэёна.

Тэён молча выдержал этот полный ненависти взгляд.

– Со Тэён, отвечай! – Голос генерал-лейтенанта сочился холодом.

– Мой ответ...

– Мне не важно, что он ответит. Я не оставлю этого человека, – воскликнула Мёнчжу, в свою очередь перебивая Тэёна. В какой-то момент девушка ухватила за его руку. Парень высвободился и уверенно взял Мёнчжу за руку.

– Я буду держать... только эту ладонь, – решительно произнес Тэён.

– Думаешь, ты имеешь право держать ее? – резко спросил генерал-лейтенант Юн, словно окатив ледяной водой.

– Если решите меня перенаправить, я, как и прежде, поеду куда угодно. Но руку Мёнчжу я больше не отпущу.

– Юн Мёнчжу, выйди, – приказал генерал-лейтенант.

– Не хочу. Говорите при мне. – Крепко обхватив ладонь Тэёна, девушка пристально взглянула на отца.

– Я же говорил, не волнуйся за меня, – успокаивающе сказал Тэён, отпустив руку девушки.

Немного посомневавшись, Мёнчжу кивнула и вышла из комнаты. Теперь оставалось одно: довериться Тэёну.

– За тридцать лет военной службы я желал лишь двух вещей: стать почетным командиром и заслужить уважение дочери, решившей пойти тем же путем, что и я, – донесли до Мёнчжу слова отца. Притворившись, что закрыла дверь, девушка стала подслушивать.

Отец продолжил свою речь:

– Но, кажется, я не преуспел ни в том, ни в другом. Тот приказ был несправедливым, а дочь меня не уважает. В любом случае теперь я знаю, что ты думаешь, поэтому поговорим начистоту. Если начать с выводов, то ты можешь встречаться с Мёнчжу. Конечно же, это подразумевает и женитьбу.

Обрадовавшись, Мёнчжу хотела в ту же секунду открыть дверь и броситься в объятия отцу, но она подавила в себе этот порыв и наострила уши – разговор еще не закончен.

– Вы серьезно? – Судя по всему, Тэён удивился.

– Серьезно. Но меня не устраивает старший сержант в качестве зятя. Так что тебе придется уйти со службы.

Сердце Мёнчжу с глухим стуком рухнуло вниз. Уход со службы для Тэёна был равносильен концу жизни. Девушка прекрасно знала, как

много для Тэёна значила военная служба.

Отец тем временем продолжал:

– Уходи со службы и устраивайся в фирму родственников Мёнчжу по материнской линии, чтобы подучиться. Тебе подготовят место в одном из филиалов, где ты сможешь применить свой опыт работы. Подумай. Ты скоро вернешься на родину, и я буду ждать от тебя ответ: готов ли ты стать достойным лейтенанта Юн мужчиной.

Мёнчжу развернулась и побежала по коридору. Ей было очень стыдно, что она дочь такого отца. Она чувствовала свою вину перед Тэёном. Даже не глядя на него, девушка могла представить выражение его лица. Она добежала до тренировочной площадки штаба; ее дыхание сбилось. «Как мне теперь общаться с Тэёном, как смотреть ему в глаза?» – с тоской подумала Мёнчжу.

Скоро появился Тэён, и, к удивлению Мёнчжу, парень был в отличном расположении духа. Она с трудом подавила тяжелый вздох. Неужели ради нее он решил отказаться от карьеры? С печалью и гневом, переполнявшими ее душу, она взглянула на Тэёна. Не догадываясь о ее переживаниях, Тэён радостно передал слова генерал-лейтенанта, умолчав об уходе со службы.

– Быть не может! Он разрешил? – спросила Мёнчжу, подавив подступающие слезы и подстроившись под настроение парня.

– Если передумала, говори сейчас. Потом шанса не будет.

– Но это же правда? Он серьезно разрешил?

– Так точно! Старший сержант Со Тэён получил приказ вступить в официальные отношения с лейтенантом Юн Мёнчжу. Доклад окончен. Честь имею!

– Но почему? Что-то случилось? Может, у папы рак? Но он же не умирает? Нужно ему позвонить. Я по его голосу сразу могу определить, правда это или нет.

Тэён крепко обнял Мёнчжу, которая радовалась, словно ребенок, получивший огромный воздушный шар в парке аттракционов.

– Погода просто прекрасная. А мужчина рядом еще лучше, – сказала Мёнчжу, уткнувшись в грудь Тэёна.

Огромной рукой он нежно поглаживал девушку по голове. Если бы только могла, она бы всю жизнь притворялась и любила этой эгоистичной любовью. Но девушка знала, что так нельзя.

– Ты когда-нибудь думала... уйти со службы и заняться чем-нибудь другим? – осторожно отстранившись, спросил Тэён.

– Ты сейчас про меня? – спросила в ответ Мёнчжу.

– Я сейчас про себя.

– Что ты имеешь в виду?

– Это опасная работа, да и зачастую приходится надолго расставаться.

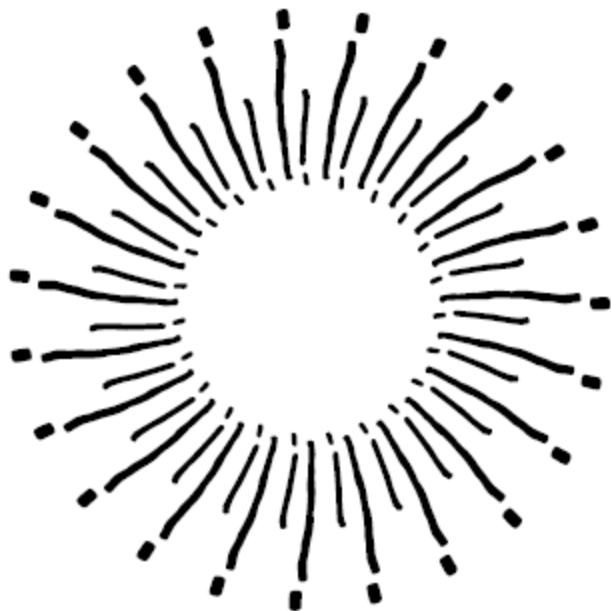
– Ты говоришь это сейчас, потому что думаешь обо мне? Потому что переживаешь за меня?

– Потому что переживаю за нас.

– Кажется, это должен был быть очень трогательный момент... Но мой ответ – «нет». Мне нравится нынешний старший сержант Со Тэён. Со Тэён, которого я знаю, либо одет в военную форму, либо полностью раздет – одно из двух. Пока я не заговорю об уходе со службы, даже не смей думать об этом.

Наигранно улыбнувшись, Мёнчжу отвернулась. В уголках ее глаз собирались слезы. Она четко представляла грустное выражение лица Тэёна, хоть и стояла к нему спиной. Урук восстанавливался после катастрофы, а между Тэёном и Мёнчжу разразилось новое бедствие.

Глава 3. Аргус

На следующий день после неожиданной встречи с Аргусом в деревне-призраке Сичжин отправился в главный штаб «Тхэбэка»; генерал-лейтенант Юн приказал ему прибыть одному. С тяжелым сердцем он подчинился, размышляя, не касается ли это Тэёна и Мёнчжу.

В кабинете командующего миротворческим батальоном генерал-лейтенант Юн находился один. Подполковника Пака, которому принадлежал этот кабинет, не было на месте. Сичжин отдал честь генерал-лейтенанту и встал по стойке смирно. Главнокомандующий жестом указал на стул рядом со столом и предложил присесть. Как только Сичжин сел, генерал-лейтенант Юн достал из кармана фотографию и положил перед ним. Сичжин бросил подозрительный взгляд на снимок.

– Ты наверняка знаешь, кто это. Младший лейтенант в запасе американских сухопутных войск. Кодовое имя «Аргус». В данное время занимается контрабандой оружия. Насколько мне известно, он был задействован в операции, когда мы потеряли капитана Ким Чинсока, – рассказывал генерал-лейтенант. – Через начальника штаба ООН нам поступил запрос о сотрудничестве от ЦРУ США.

– Это объединенная операция по предотвращению незаконной торговли оружием? – Оторвав взгляд от фотографии, Сичжин взглянул на генерал-лейтенанта.

– Нет. В этот раз операция не за справедливость, а за политику. – Генерал-лейтенант Юн достал еще одну фотографию и продолжил рассказ. – Сейчас в Северном Уруке два полковника претендуют на место правителя. Америка при помощи своего кандидата хочет устроить в стране переворот и установить там свое правление. Поэтому они через Аргуса собираются массово поставлять оружие своему претенденту. Американское спецподразделение «Дельта» уже начало операцию, ты же с ними знаком?

Генерал-лейтенант Юн достал очередной снимок. На этот раз перед глазами предстала фотография Джордана, с которым они проводили совместную операцию против Талибана^[1]. Сичжин молча рассматривал снимки и ждал продолжения.

– Поэтому до конца операции, повторюсь еще раз, пока они используют Аргуса, избегать любых разногласий, – закончил генерал-лейтенант Юн. Другими словами, что бы ни творил Аргус в Уруке,

нужно было притворяться, что ничего не знаешь. Даже если он продает невинных молодых девушек богатым старикам.

Сичжин попытался тактично возразить командиру:

– Атакующих операций мы проводить не будем, но так как обеспечение безопасности и благополучия граждан на данной территории является прямой обязанностью нашего отряда...

– Ю Сичжин, – перебил генерал-лейтенант Юн.

– Капитан Ю Сичжин, – машинально отреагировал Сичжин.

– Это не просто наставление старшего по званию или доклад о ситуации. Это приказ главнокомандующего. Я лично прилетел сюда, чтобы сделать это заявление; через десять минут мне нужно улететь обратно. Я проявил добросовестность по отношению к вам. С этого момента наш отряд прекращает любое вмешательство. Это приказ.

– Так точно. – Сичжин впервые засомневался в профессии военного.

Вернувшись в отряд «Моуру», он не пошел напрямик в казарму, а направился в открытую галерею, чтобы разобраться в запутанных мыслях.

Но он здесь был не один. К нему приближалась Моён с дымящейся кружкой в руках.

– Я подумала, вы захотите сладкого. Это последняя порция, и я отдаю ее вам! – Девушка передала чашку Сичжину – в ней был горячий растворимый кофе.

– Спасибо. Поделиться с вами?

– От него толстеют. Пейте всё. Можете считать это лекарством.

Сичжин улыбнулся и сделал глоток.

– Что случилось с остальными ребятами из деревни-призрака? – спросила Моён, присев рядом с Сичжином.

– Все разрешилось. Правительство Урука перенаправило их в безопасное место и взяло под защиту.

Это была ложь. Все дети из деревни-призрака бесследно исчезли, и за этим стоял Аргус. По старому плану Сичжин собирался найти его убежище и выволить детей, но он не мог воспротивиться приказу старшего по званию. Особенно когда речь шла о правительстве.

– Отлично. Ребят в госпитале тоже начали лечить вовремя, поэтому они быстро идут на поправку.

Моён не знала правды и широко улыбалась. Подул ветер, свежий, как ее улыбка, и растрепал волосы девушки.

– Поэтому вы были так заняты, что даже не собрали волосы? Подержите. – Сичжин передал девушке чашку.

Моён взяла ее, наклонив голову. Сичжин потянулся рукой к белоснежной шее девушки, чтобы помочь ей собрать волосы.

– Не нужно. Я сегодня не мыла голову, – испугалась Моён и попыталась отстраниться.

– Почему? Не было питьевой воды? Вы же ее не часто моете, зачем притворяетесь?

Сичжин вдруг вспомнил день, когда пришел к девушке домой. Моён собиралась помыть голову, не зная, что воду вот-вот отключат, и в итоге истратила все бутылки с питьевой водой из холодильника.

– Это не я, – невпопад бросила Моён.

– Когда же я наконец встречусь с доктором Кан?

Сичжин посмотрел на Моён влюбленным взглядом и снова потянулся к ее волосам.

– Я могу это сделать сама. – Признав поражение, она сменила позу, чтобы было удобнее собирать волосы.

– Обычно отношения – это когда то, что ты можешь сделать и сам, делает твой партнер.

– В следующий раз я тоже сделаю то, что капитан может сделать сам.

– Сдержите обещание.

Моён закивала, словно марионетка, и это утешило Сичжина.

2

Сичжин даже представить себе не мог, что свидание вслепую может обернуться такой катастрофой. А всему виной прилетевшая из Кореи посылка.

– Старший сержант Со, вам пришла посылка от Син Чжиён, вы в кабинете? Конец связи.

Они вместе с Тэёном составляли отчет для отправки в главный штаб. Услышав голос Моён по радиосвязи, Сичжин резко вскочил с места. Тэён среагировал так же. Обменявшись горящими взглядами, они выбежали из кабинета, словно им предстояло совершить марш-бросок, и понеслись в сторону галереи, где находилась Кан Моён.

Посылка была от стюардессы и двоюродной сестры Со Тэёна, который и познакомил ее с другом. Сичжин встретился с этой девушкой всего раз, в попытке заглушить грусть после расставания с Моён. Естественно, Тэён тоже был с ними, правда, не как участник свидания, а как третье лицо, его организовавшее.

Они бежали изо всех сил, но все-таки опоздали: в глазах Моён и Мёнчжу, проверивших содержимое посылки, уже полыхал огонь.

– Это недоразумение! – выкрикнул Тэён, на секунду опередив Сичжина.

– Определенно недоразумение! – встал рядом с Тэёном Сичжин. Никогда прежде он так сильно не нуждался в товарище.

– Недоразумение? Эти отношения – недоразумение? – Мёнчжу трясла вытащенной из посылки фотографией. На фото были Сичжин и Тэён с двумя очаровательными девушками.

– Первый раз вижу у Ю Сичжина такую широкую улыбку, – подколола Моён.

– Это не улыбка. Я просто выгляжу улыбающимся. Разве не так? – Ища поддержки, Сичжин ущипнул за бок Тэёна.

– Это моя двоюродная сестра. Вы же знаете, что моя сестра – стюардесса, – начал подыскивать оправдания Тэён.

– Ради посылки от сестры вы компанией примчались со всех ног? – сказала Моён.

– Потому что развлекались они тоже компанией. Кто из них двоюродная сестра? – покачивая фотографией, спросила Мёнчжу, словно прокурор на допросе.

Мужчины растерялись от неожиданного вопроса и лишь бросали друг на друга обескураженные взгляды.

– Отвечайте оба одновременно. Слева или справа от старшего сержанта Со? Раз, два, три! – скомандовала Мёнчжу.

Как два прилежных студента, оба молодых человека хором ответили, и это был провал: их ответы не совпали.

– Я лишь посодействовал организации свидания вслепую для командира роты, ничего более, – сделав шаг назад, оправдался Со Тэён. Он бросил своего товарища.

Сичжин искоса взглянул на друга.

– Вы продолжаете общаться даже после приезда в Урук? Судя по тому, что она знает этот адрес. – Моён своим вопросом наступила на

больную мозоль.

– Правда? Зачем же вы так поступили, старший сержант Со? – внезапно начал отчитывать Тэёна Сичжин и, глупо улыбнувшись, посмотрел на Моён. – Я его сейчас очень сильно отругал. Я же молодец?

– Я надеюсь, вы поймете правильно. Все это уже в прошлом, – серьезным голосом сказал Тэён.

– Поговори мне тут еще. Значит, это посылка из прошлого? – спросила Моён, изучая коробку.

– Это посылка из Сеула.

– Значит, ты поэтому меня избегал? А я-то думала, что камень преткновения между нами – это мой отец.

– Ваш отец – определенно камень преткновения.

– Что ты сейчас сказал?

– Что я сейчас сказал? – не находя себе места, переспросил Со Тэён.

– Не важно. Как далеко вы зашли? – глубоко вздохнув, задала очередной вопрос Мёнжу.

– До университета Конгук.

– Я разве об этом спрашивала? Я имела в виду ваши отношения. Вы к ней прикасались или нет? – Мёнчжу перешла на крик.

– Не прикасался. Все было очень невинно. Мы просто попили чай, – влез Сичжин.

– Боже мой, какой джентльмен, – с издевкой сказала Моён.

– Вы мне льстите.

– Значит, время от времени вы вот так чай с девушками попивали. Я-то думала, что после расставания со мной вы даже смотреть в сторону женщин не сможете. Вот уж не знала, что вы так сладко поживали.

– Я плохо поживал. На самом деле мне просто пришлось туда идти, потому что я хороший друг.

– Да бросьте. На вашем лице написано, что вы не знаете, куда от счастья деться.

– Вы невнимательно посмотрели, поэтому неправильно поняли. Я сидел с безразличным выражением лица. И с таким вот выражением пил чай.

– Не смешите меня. Еще нужно выяснить, чай вы с ними пили или до дома подвозили! – вмешалась Мёнчжу.

– Не подвозили, – поспешно ответил Тэён.

– Ложь только усугубит ваше положение.

– Подвозили. Но это была не моя машина. Это была машина командира роты. Я правда не понимаю, зачем он приехал на машине.

Сичжин нахмурился, услышав ответ Тэёна. Неизвестно, куда может завести этот разговор. Пожалуй, будет лучше разбиться на пары и продолжить диалог отдельно друг от друга. В компании с Мёнчжу и Тэёном он чувствовал себя дураком, и больше всего Сичжин хотел сейчас остаться с Моён наедине. Ревность этой девушки была очень милой и забавной – он хотел потрепать ее по макушке или ущипнуть за щеку. Он и подумать не мог, что будет так благодарен Син Чжиён, лица которой уже и не помнил.

В этот момент сработала рация Моён и зазвучал голос младшей медсестры из медицинского блока:

– Доктор Кан, я на складе медицинских препаратов. Подойдите сюда, у нас беда!

Приняв вызов, Моён бросила еще один недовольный взгляд на Сичжина и вышла. Мёнчжу, ударив Тэёна по руке, отправилась вслед за Моён. Оставшись вдвоем, парни спокойно выдохнули.

3

Моён не могла оставить Фатиму, которая выстрелила в Аргуса в деревне-призраке, одну, поэтому привезла вместе с детьми, заболевшими корью, в полевой госпиталь. Но сегодня Фатима обчистила склад медикаментов и сбежала. Среди пропавших лекарств в основном были обезболивающие, содержащие наркотические вещества. Сичжин, узнав об этом, сразу же взял машину и отправился в город вместе с Моён. Если тут в самом деле проводились тайные сделки по продаже наркотиков, то о них не могла не знать владелица бара в центре города.

Сичжин сразу направился к хозяйке бара – женщине европейской внешности, лет тридцати. У нее были непоколебимые принципы, гласившие, что даже если она продает алкоголь, то женщин и информацию – никогда, поэтому она наотрез отказала Сичжину в просьбе поделиться тем, что ей известно. Но, услышав, что от этого

зависит жизнь шестнадцатилетней девушки, изменила свое решение и рассказала все, что знала.

Черный рынок, на котором совершались тайные сделки по продаже наркотиков, действовал неподалеку от центра. В мрачном и пустынном месте вплотную друг к другу стояло множество контейнеров, служивших складом. Сичжин остановил машину у въезда в переулок.

– Это здесь, – сказал он, отстегивая ремень безопасности.

– И как нам ее здесь найти? – спросила Моён, осматривая окрестности в окно. – Придется обыскать все.

Словно в ответ на ее слова где-то раздался женский крик.

– Это там!

Моён отстегнула ремень безопасности и спешно выбралась из машины. Сичжин последовал за ней.

Крик доносился из глубин переулка. Сичжин обогнал Моён и прижался спиной к стене. Он медленно двигался вперед, изучая территорию.

– Подлец! Ты обманул меня! – послышался пронзительный голос Фатимы.

– Нет. Это ты мне поверила. Пошли со мной, пока опять не получила. Босс очень обрадуется. Хотя и жалко, что мы больше не увидим это прекрасное личико.

Говорил человек явно молодой, но голос был незнакомым. Внимательно прислушиваясь, Сичжин делал шаг за шагом.

– Отпусти! Пусти меня! – закричала Фатима.

– Прекрати! Не бей ее!

Моён ворвалась на склад так внезапно, что никто не смог бы ее остановить. Казалось, ее терпение кончилось. Бандиты, схватившие Фатиму, уставились на доктора. Тут появился Сичжин, прикрывая собой девушку.

– Солдат? Зачем сюда приперся солдат? – пробормотал парень с голубыми волосами, увидев форму Сичжина.

– Не переживай. Оружия у нас все равно больше. Не знаю, кого они ищут, но надеюсь, что не нас, – успокоил его парень, державший Фатиму за шиворот, и достал из кармана пистолет. Из всей шайки у него была самая приятная внешность. Видимо, Фатима повелась на смазливое личико.

– Снова оружие? Что за страна такая, где повсюду оружие? – застонала Моён, увидев пистолет, направленный в их сторону.

– Просто кое-кто действовал, не продумав план. – Сичжин поднял руки, показывая, что они сдаются.

– Если бы мы задержались, Фатима могла пострадать еще больше.

– Отличная работа. Мы можем получить пулю, но главное, что Фатима в безопасности.

– О чем они там болтают? – вмешался синеволосяй парень. Его раздражало, что он не понимал их разговора на корейском.

– Положи пистолет, если не хотите сдохнуть! – выкрикнул смазливый парень, перезарядив оружие.

– Что же делать? – искоса взглянув на Сичжина, спросила Моён.

– Слушайте меня внимательно. Когда я скажу «сейчас», бегите со склада, садитесь в машину и ждите. Пяти минут будет достаточно. Если через пять минут я не появлюсь, немедленно уезжайте. Этим вы мне поможете. Все понятно?

Голос Сичжина был очень серьезным. Моён качнула головой в знак согласия.

– О чем этот придурок болтает? Заткни пасть и положи пистолет! – снова крикнул смазливый.

– Опускаю, я уже опускаю. Могу положить сюда? Тебе нравится это место? Я все равно не смогу им воспользоваться, иначе мне придется писать кучу отчетов. Поэтому...

Бандиты внимательно наблюдали за тем, как Сичжин медленно опускает пистолет. Смазливый подошел максимально близко к капитану.

– Воспользуюсь вашими пистолетами. Сейчас!

В ту же секунду мужчина резким движением атаковал парня и схватил его оружие. Услышав сигнал, Моён со всех ног бросилась бежать не оглядываясь. Она сделала это так стремительно, что можно было хоть сейчас нанять ее на работу в отряд специального назначения. Сичжин остался доволен Моён. Пока девушка бежала к машине, военный расправился с бандитами, метнувшимися к нему, подскочил к трясущейся от страха Фатиме, упавшей на колени, и приобнял ее. Банда не могла так просто их отпустить и начала беспорядочную пальбу. Спрятавшись с Фатимой за столбом, Сичжин открыл стрельбу по бандитам. Но целился он не в них, а в коробки,

громоздившиеся наверху, чтобы они свалились бандитам прямо на головы. И когда это произошло, раздался оглушающий рев мотора. Пробив ворота, на склад въехал джип Сичжина. Отчаянно крутя руль, Моён разогнала бандитов.

– Садитесь скорее! Фатима, давай! Быстрее!

Сичжин вытащил Фатиму из-за столба и помог ей забраться в машину, прикрывая спиной. Как только он тоже сел в джип, Моён рванула со склада.

– Ничего себе! Так здорово! Нас же никто не преследует? Вау, у нас получилось! – Моён принялась победно сигналить. – Не могу поверить. Вы поэтому стали военным? Ура! Я расправилась с врагами!

Моён радостно подпрыгивала на сиденье. Сичжин удивленно уставился на девушку. Он не знал, что тут сказать: то ли это было мило, то ли безрассудно.

– Откуда она узнала, какие лекарства содержат наркотические вещества? – спросила Моён, глядя на Фатиму в зеркало заднего вида, когда волнение немного прошло.

– Ее с детства учили различать, что дорого, а что дешево, – ответил Сичжин.

– Людей обычно спасают дешевые лекарства вроде дезинфицирующих средств, антибиотиков и противовирусных. Было бы здорово, если бы их сначала учили этому, – с сожалением произнесла Моён и намеренно громко обратилась к Фатиме: —Теперь ты поняла, что была не права? Как сказать это по-английски?

Фатима опустила голову, словно поняла каждое слово.

– Теперь ты будешь слушаться меня. У тебя нет выбора. Сейчас же начнешь ходить в школу, – строго сказала Моён на английском.

– Тебе-то какая разница? – как типичный подросток воспротивилась Фатима.

– Что значит – какая разница? Я тебе жизнь спасла. И вообще, не спорь! Из-за того, что ты споришь, мне приходится переходить на английский. А мне это не нравится, потому что с английским у меня не очень. В любом случае я заплачу за твою школу, так что тебе придется туда ходить. Да, это не бесплатно. Я одолжу тебе денег, чтобы ты могла их потом вернуть. Поняла?

В жестком взгляде Фатимы мелькнуло смирение, и она закрыла глаза.

– Она ведь поняла все, что я ей сказала? – спросила Моён, сменив передачу.

– Особенно часть про деньги, – поддразнил ее Сичжин.

– Я специально так сказала. Я уже пообещала... Вот же...

Моён вела машину, слегка наклонившись к рулю и легонько постукивая по нему пальцами. Сичжину она казалась бесконечно милой. Он положил руку на макушку девушки, чтобы погладить.

– Я не мыла голову, – строго ответила Моён, выпрямляясь.

Сичжин резко отдернул руку и громко рассмеялся. Фатима на заднем сиденье затихла, словно погрузилась в сон.

– Вы правда собираетесь оплачивать обучение Фатимы? – тихо спросил Сичжин.

– А что? – спросила в ответ Моён, сосредоточившись на вождении.

– Кажется, врачи неплохо получают. Настолько, что можно взять на себя ответственность за чью-то жизнь.

– Я делаю все, что в моих силах, чтобы помочь, даже если другие люди не разделяют моих принципов... Пусть это и неразумно, но вы помните, кто это сказал? Потому что я этого точно не забуду.

– Вы не сможете взять ответственность за всех людей. Да и мир от этого не изменится.

– Пусть я не смогу изменить этот мир, но я смогу изменить жизнь Фатимы. Мне будет достаточно того, что ее мир станет лучше.

– Вы говорили мне, что вы не такой врач.

– А вы мне говорили, что именно такой.

– Почему вы такая привлекательная? Хотя я все равно уже влюбился.

– Потому что у меня много долгов. Девушку с долгами проще бросить.

– Спасибо, что спасли меня сегодня.

Моён посмотрела на него влюбленными глазами и широко улыбнулась.

4

Известно, что проблемы не приходят поодиночке. Вернувшись в казарму после схватки с бандитами, Сичжин тут же получил отчет от Тэёна о деле управляющего Чин Ёнсу: его поймали в международном

аэропорту при попытке покинуть страну с поддельным паспортом. Беда в том, что управляющего Чина забрал не Интерпол и не американские военные, а полиция Урука. После случая с грузовиком ООН Сичжин не доверял полиции Моуру, потому что знал, что они в сговоре с бандой Аргуса. Но сколько бы ни размышлял, он не мог найти связь между Аргусом и управляющим Чином. Подсказку дал рабочий Кан Минчжэ, шатавшийся по казарме:

– А это, случайно, не из-за алмазов?

– Алмазы? Расскажи поподробнее, – попросил Сичжин.

Рабочий признался, что, пока дремал днем в офисе на электростанции, видел, как управляющий Чин прятал алмазы в сейф, скрытый в полу под столом. Также он добавил, что за все материалы и технику, которые проходили государственную границу, тоже отвечал Чин Ёнсу. Полной уверенности пока не было, но все факты сходились. Стало понятно, зачем управляющему понадобился экскаватор: он любой ценой хотел попасть в офис разрушенного здания.

Сичжин приказал Тэёну созвать только пятерых членов специальной группы «Альфа». Они встретились впервые за долгое время. Приказ генерал-лейтенанта не трогать Аргуса связал им руки.

Найти логово Аргуса оказалось несложно – достаточно было лишь проследить за одним из его приспешников, слоняющихся по центру города.

Аргус устроил убежище в одном из переулков по пути из центра города на пляж. Перед трехэтажным зданием стояли черный легковой автомобиль и фургон на двенадцать мест. Была глубокая ночь, поэтому в переулке было темно и тихо. Сичжин передал руль сержанту Чхве и приказал припарковать машину за углом, а сам, взяв с собой Тэёна, направился к зданию.

Свет горел только в подвале. Пригнувшись и стараясь не производить ни малейшего шума, Сичжин ступил на лестницу, ведущую вниз. Подстроившись под его шаги, за ним последовал Тэён, безмолвно подав знак прибывшей группе «Альфа». Сержант Им и младший сержант Кон осторожно поднялись по лестнице к окну, выходящему в сторону переулка. В этот момент Сичжин, Тэён и

сержант Чхве остановились перед дверью в подвал. Сичжин кивнул Тэёну. Трое мужчин одновременно достали противогазы и надели их. Сичжин по очереди загнул указательный, средний и безымянный пальцы. Одновременно с безымянным пальцем капитана Тэён ногой выбил дверь, а сержант Им и младший сержант Кон, которые были за окном, бросили внутрь дымовую шашку. В здании повсюду раздавались звуки выстрелов. Одна за другой взрывались слезоточивые бомбы. Дым с резким запахом заполнил подвал. Бандиты, застигнутые врасплох, слишком поздно достали оружие. Управляющий Чин, полуголый и связанный, лежал на столе. Воспользовавшись суматохой, Аргус попытался сбежать и, кашляя, ринулся к задней двери. Но Сичжин не позволил ему уйти: он выстрелил в пол прямо под ноги Аргусу, перекрывая ему путь.

– Не шевелись. Двинешься – и в этот раз точно умрешь, – жестко сказал Сичжин.

Задыхаясь от едкого дыма, Аргус в ответ пронзил капитана злобным взглядом. Тэён тем временем отвязал управляющего Чина.

– Цель захвачена. Цель в безопасности, – объявил по рации Тэён, поддерживая Чин Ёнсу, чтобы не упал.

– Мы правда отпустим их просто так? – с сожалением в голосе спросил сержант Чхве.

– Следуем плану и забираем лишь подонков нашей страны. Всей команде – отступить.

Сичжин бросил последний злобный взгляд в сторону Аргуса и скрылся в дымовой завесе. Он надеялся больше никогда не увидеть этого типа. За спиной он слышал его кашель.

Когда группа «Альфа» вместе с управляющим Чином вернулась в отряд «Моуру», был час ночи. Моён еще не спала и читала книгу в процедурной. Сичжин попросил ее сделать рентген живота Чин Ёнсу. Девушка с готовностью кивнула.

После процедуры сержант Им и младший сержант Кон вывели управляющего Чина в коридор, и Сичжин отвел его в самое безлюдное отделение госпиталя, уложил на больничную койку и пристегнул наручниками к кровати.

– Алмазы, которые вы присвоили себе, они ведь принадлежат Аргусу? – прямо спросил Сичжин.

– Алмазы? Какие алмазы? Что может быть у человека, одетого в одни только трусы? – отнекивался управляющий Чин, пытаясь привстать.

– Говори прямо. Мне нужно знать, во сколько тебя оценивает Аргус, чтобы и самому посчитать, во сколько обойдется твоя защита, – сквозь зубы сказал Сичжин, смерив Чин Ёнсу гневным взглядом.

– Я болен... Больно... Врача... Позовите врача... – Управляющий схватился за живот.

– Врач уже здесь. Кажется, я нашла то, что искал капитан. Вы, видимо, наелись камней, – сказала Моён, войдя в палату с рентгеновским снимком в руках.

Сичжин взял снимок и внимательно его рассмотрел. На черно-белой картинке явно были видны твердые белые предметы. Наверняка те самые алмазы.

– Значит, он их проглотил.

Сичжин переводил взгляд то на управляющего Чина, то на снимок. В этот момент Чин Ёнсу зашелся кашлем.

– Ну какой смысл сейчас-то притворяться? – спросил Сичжин с явным недоверием.

Однако в ответ управляющий закашлял кровью. Моён сразу же достала стетоскоп и приставила к груди Чин Ёнсу.

– У него слабое дыхание. И пульс тоже. Кажется, алмазы спровоцировали внутреннее кровотечение!

Кровь управляющего Чина, который кашлял без остановки, попала и на Моён. Она по рации сообщила остальным членам медицинской бригады, что появился срочный пациент, и начала готовиться к операции. Было два часа ночи.

5

В пять часов утра в госпитале объявили чрезвычайную ситуацию. Моён и Мёнчжу, которые оперировали управляющего Чина, оставались в операционной... По словам Санхёна, они могли быть заражены вирусом типа М. Это никак не укладывалось в голове у Сичжина. Санхён терпеливо объяснил ему все еще раз с самого начала:

– Высока вероятность, что управляющий Чин подхватил заболевание, вызываемое вирусом типа М. Из-за того, что у вируса очень высокая степень распространения, Моён и Мёнчжу, которые

соприкасались с кровью пациента, будут временно изолированы. Это было решение Моён, которая вела операцию, и очень разумное.

Для Сичжина же все это было подобно белому шуму.

– Что такое вирус типа М? Можете объяснить поподробнее? – спросил он, глубоко вдохнув и пытаясь успокоиться.

– Это одна из инфекций, которые находятся под пристальным контролем ВОЗ. Для того чтобы определить, М2 это или М3, нужно провести ПЦР^[2]. – Для большей наглядности Санхён расписал все подробности на листке.

– А чем они отличаются?

– М2 чуть посерьезнее простуды, а М3 чуть полегче Эболы.

Лицо Сичжина стало белым как бумага. Побледнел и Тэён. Они помнили, сколько жизней забрала лихорадка под названием «Эбола».

Сичжин и Тэён не могли войти в операционную, доступ в которую был закрыт, поэтому стояли около двери и наблюдали за происходящим внутри через окно. Медсестра Ха, одетая в маску и защитный костюм, брала у Моён и Мёнчжу кровь. Рядом с ними лежал управляющий Чин. Он еще не отошел от анестезии и был без сознания.

– Вы в порядке? Больно? Сильно болит? – нетерпеливо спросил Сичжин, постучав по стеклу.

– С чего бы так сразу заболело? Нужно подождать. У нас как раз взяли кровь, – бодро произнесла Моён с улыбкой на лице.

– Юн Мёнчжу! – с жалостью в голосе позвал Тэён, положив ладонь на стекло.

– Похвально. Вы прибежали сюда быстрее, чем за посылкой от стюардессы, – не смогла сдержать улыбки Мёнчжу.

– Я спросил, в порядке ли ты? – повысил голос Тэён.

– Вот это да! Мне что, удалось заставить Со Тэёна нервничать? – Глаза Мёнчжу заблестели.

– Что нужно сделать? Что от меня требуется? Только скажите, – умолял Сичжин, пытаясь сократить расстояние.

– Ответить, кто написал: «День встречи с Сичжином» – и поставил сердечко. Девушка слева или справа? – пошутила Моён.

– Слева. Она была очень милой, – серьезно ответил Сичжин.

– Вот как. Значит, она была милой. Значит, если спросить этого мужчину, он ответит на любые мои вопросы.

– Мне кажется, сейчас неподходящий момент для шуток.

– Мы уже мертвы? Не надо воспринимать все, что мы говорим, как завещание. Расслабьтесь оба. Мы не умрем, – упрекнула Мёнчжу.

– Конечно. Все готово. Вот только есть ли поблизости больница, в которой можно провести анализ ПЦР? – спросила медсестра Ха, закончив забор крови.

– В двадцати минутах от американской воинской части есть одна лаборатория. Но будут ли они сотрудничать... – неуверенно начала Мёнчжу.

– Я с этим разберусь! – выкрикнул Сичжин.

Он вспомнил, как замаскированный Джордан проник в лабораторию, которая находилась на месте дислокации американского биохимического отряда. Как объяснил генерал-лейтенант Юн, Джордан был агентом под прикрытием – якобы коррумпированным младшим лейтенантом, который тайно хранил оружие. На деле же он наблюдал за группой Аргуса. Скорее всего, Джордана даже не придется уговаривать, если он услышит просьбу Сичжина. Вот что называется товарищескими отношениями.

Сичжин и Тэён забрали у медсестры Ха контейнер с образцами крови и отправились в место дислокации американских войск.

6

Вирусом оказались заражены управляющий Чин и Юн Мёнчжу. Тэён не поверил своим ушам. Он попросил Джордана повторить. Джордан странным взглядом посмотрел на мертвенно-бледного Тэёна и четко произнес:

– Юн Мёнчжу.

Сердце Тэёна опустилось в пятки. Пусть хотя бы М2, но это был вирус М3. В голове крутились слова Санхёна о высоком уровне смертности. Тэён винил небеса. Он только решился отказаться от всего, чтобы быть рядом с любимой женщиной. Оставалось лишь проклинать судьбу за случившееся.

Сразу по прибытии в отряд «Моуру» Тэён помчался в госпиталь. Невзирая на карантин, он влетел в операционную и крепко обнял удивленную Мёнчжу.

– Ты с ума сошел? Уходи! Ты что, не знаешь, что я в изоляции? – Девушка сопротивлялась всем телом, но в конце концов замерла.

– Это же я...

Глаза Тэёна покраснели. Он лишь сильнее сжимал Мёнчжу в своих объятиях. Ее хрупкое тело затрепетало. Сичжин и Моён, стоявшие рядом, смотрели на пару в смятенных чувствах.

– А это уже страшно... – Голос Мёнчжу был слабым, словно плач птицы. – Моён... Забери его и уходите.

– Я не уйду. Я останусь здесь. Я буду здесь вместе с тобой.

– Мой диагноз подтвержден. С сержантом Со был прямой контакт, поэтому его нужно изолировать. Это мой диагноз как врача и приказ как командира. Уходите.

Мёнчжу решительным жестом вырвалась из объятий Тэёна. Сичжин похлопал друга по плечу. Сжав зубы, Тэён покинул операционную. За его спиной послышался тихий плач Мёнчжу. Сердце Тэёна разрывалось изнутри.

Его изолировали на складе припасов, потому что специального отделения для содержания пациентов в госпитале еще не было. В тесном пространстве можно было сойти с ума. Гнев, накопившийся в душе, выплескивался наружу, мужчина рвал и метал. Он хотел выбить дверь склада, взять Мёнчжу за руку и сбежать с ней. Он не мог простить себя за то, что так долго избегал девушку, используя ее отца как отговорку. Перед глазами, словно кадры из фильма, проносились все те моменты, когда он ее обижал.

Открылась дверь, и вошли Сичжин и Моён в масках и защитных костюмах. В руках у врача были инструменты для забора крови.

– Что с Мёнчжу? – спросил Тэён, сглотнув в напряжении.

– Не двигайтесь. – Вместо ответа Моён затянула на руке Тэёна резиновый жгут.

– Я слышал, что летальность составляет пятьдесят процентов и что этот вирус ничем не лучше Эболы. Это правда? – ревел Тэён, словно животное, которое потеряло свое дитя.

– Да, все верно. Но у лейтенанта Юн организм молодой и здоровый, у нее хороший иммунитет, так что шансы на выздоровление высокие, – объяснила Моён с глубоким вздохом, поняв, что избегать ответа больше не получится.

– Не нужно размытых фраз... Она выживет или умрет?

– В медицине нельзя быть уверенным на сто процентов. Поэтому обычно врачи выражаются, используя фразы «высокий», «низкий»,

«очень высокий», «очень низкий». Поэтому я прошу вас не волноваться. Вероятность смерти очень низкая, большая вероятность, что она выживет.

– Да... Спасибо.

После забора крови Тэён протер лицо сухим полотенцем и попытался успокоиться. Увидев его в таком состоянии, Моён глубоко вздохнула и вышла со склада.

– Простите, что в такое сложное время еще и я... – проговорил Тэён Сичжину, прислонившись спиной к стене.

– Если жаль, то выходите здоровым. Можете даже натворить что-нибудь, главное, будьте в порядке, – сказал Сичжин, сделав шаг в сторону Тэёна.

– Как себя чувствует Мёнчжу?

– Она все еще врач, а не пациент. Очень занята проверкой своих показателей и показателей управляющего Чина. А вы?

– Передайте ей, что я в порядке и чтобы она не переживала.

– Думаете, я пришел сюда, по просьбе Мёнчжу? Это моя собственная инициатива! Мы же сослуживцы, и вы мне небезразличны. И потом, я был под стражей и представляю, каково вам сейчас.

– Вы были под стражей, потому что совершили ошибку.

– Ошибку? Еще недавно вы утверждали, что мое решение было верным и вы мной гордитесь. Что же переменялось?..

Не дождавшись ответа, Сичжин попытался разрядить обстановку.

– Третий канал, – сказал он с улыбкой и передал Тэёну рацию. – Поговорите с ней. Это благодарность за то, что однажды ради меня вы нарушили правила.

– Спасибо.

– Как было бы здорово заразиться радиоволнами, – пошутил напоследок Сичжин. – Я пойду.

Включив рацию, Тэён услышал голос Мёнчжу.

– Это Мёнчжу. Если сержант Со слышит, ответьте.

– Прием, – сказал Тэён, сглотнув и прочистив горло, чтобы голос его не выдал.

– О? Это же Со Тэён... – В голосе Мёнчжу послышался смех.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Тэён, сев на пол и прислонившись спиной к стене.

– Я скучаю, – ответила Мёнчжу.

– Вы поели?

– Я скучаю... А как вы? – спросила Мёнчжу.

Тэён ничего не смог ответить и лишь смотрел в темную стену напротив.

– Глупый. Я же подсказала ответ, – сказала Мёнчжу.

– Я скучаю. – Тэён подавил подступающие слезы.

– Вы поели?..

– Я скучаю...

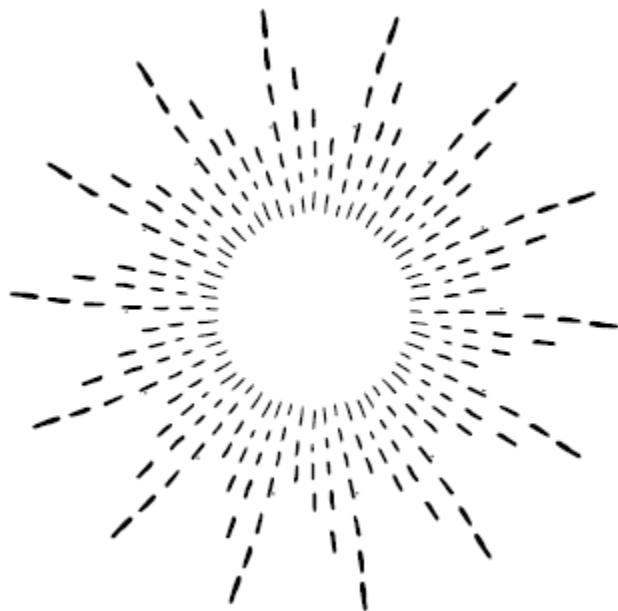
– Я знаю... – В голосе Мёнчжу тоже послышались слезы.

– Вы плачете?

– Вы помните? То белое платье, в которое я была одета в нашу вторую встречу. Вы мне тогда сказали, что я призрак девственницы. Внезапно я об этом вспомнила... Кажется, это было предсказание... Если я умру сейчас, то правда стану призраком девственницы... Так обидно...

– Вы ангел. С самого первого момента, как вы появились в моей жизни, вы были ангелом. Запомните это.

Глава 4. Вирус

Борьба с вирусом – это война для врачей. Вирус МЗ вызывает серьезное заболевание с уровнем летальности более 50 %. Заразиться им можно при непосредственном контакте с кровью заболевшего. Против МЗ нет лекарств, кроме вакцины. Обычно пациенты с высоким уровнем иммунитета сами справляются с болезнью. Но ирония в том, что хороший иммунитет может сыграть злую шутку. Когда незнакомый вирус проникает в тело человека, иммунная система посылает специальные клетки-киллеры, которые атакуют не только зараженные клетки, но и здоровые, вызывая серьезное повреждение тканей и внутренних органов. Например, при атаке легких блокируются дыхательные пути, что может привести к летальному исходу. Такую реакцию называют чрезмерным иммунным ответом. Следовательно, при заражении вирусом риск умереть у молодых людей двадцати – сорока лет намного выше.

В полевом госпитале был оборудован особый пункт для борьбы с вирусом МЗ, и первыми пациентами стали управляющий Чин и Юн Мёнчжу. Отделение интенсивной терапии было изолировано, и все силы брошены на лечение заболевших с симптомами вирусной инфекции: кашлем, высокой температурой и другими, характерными для вируса МЗ. Теперь даже пациенты с обычной простудой проходили особые процедуры.

Вокруг госпиталя возвели ограждение, военные с оружием и в масках не пускали внутрь никого, кроме врачей. Пациентов-иностранцев, нуждавшихся в медицинской помощи, направляли в амбулаторию для иностранных граждан.

В реанимационном отделении были изолированы Чин Ёнсу и Юн Мёнчжу, чьи диагнозы уже подтвердились. Их одежду упаковали в специальные пакеты для опасных отходов. Прежде чем войти в отделение, медики надевали противозаразные костюмы.

У первого зараженного – Чин Ёнсу – не затягивались швы после операции. Иммунитет пациента держался на глобулине и антибиотиках, но не исключалась возможность возникновения осложнений. У второй зараженной – Юн Мёнчжу – пока не было никаких явных признаков заболевания.

Миротворческий батальон «Тхэбэк» и силы ООН тщательно отслеживали тех, с кем контактировал управляющий Чин. Всех, кого

находили, делили на потенциальные группы риска и при необходимости отправляли в американский изолированный госпиталь.

Это был настоящий бой с невидимым врагом. А война диктует жесткие правила, и никто не может быть в безопасности, если не следует им. Строжайший карантин, безукоризненная личная гигиена – только так можно снизить риск заражения. Нельзя быть беспечным, но и паниковать не следует.

2

Санхёна бил кашель, поднялась температура, поэтому его тоже изолировали. Сняв медицинский халат и переодевшись в пижаму, он лежал на больничной койке и смотрел в потолок. Впервые после землетрясения он мог просто лежать. Весь этот месяц он постоянно задерживался на дежурствах, заботясь о пострадавших во время катастрофы. Видимо, перегрузка не прошла даром: его иммунитет ослаб.

Дверь в палату открылась, и вошла медсестра Ха, одетая в защитный костюм. Санхён с улыбкой приподнялся. Как обычно, он хотел сказать что-нибудь забавное, но зашелся в кашле. Медсестра Ха устремилась к нему. Санхён поднял одну руку, давая знак остановиться, и она замерла. К счастью, приступ быстро прекратился. Женщина с облегчением выдохнула и протянула мужчине его ноутбук.

– Зачем тебе ноутбук? – спросила медсестра Ха, доставая градусник.

– Мне скучно. Хоть поиграю. Потрачу все баллы, что копил. К чему они мне теперь.

Мужчина сел так, чтобы медсестре было удобнее измерять ему температуру.

– 38,7... Температура не снижается. Будет немного больно. – Голос медсестры Ха из-под маски звучал холоднее, чем обычно. Похоже, она сильно переживала.

За те тридцать лет, что Санхён знал медсестру Ха, он не раз мог убедиться: чем холоднее ее голос, тем теплее у нее в душе и тем легче ее ранить.

Медсестра Ха ввела в руку Санхёна иглу для забора крови.

– Ты всегда хорошо брала кровь. С первого раза попадаешь, – сказал Санхён, чтобы успокоить женщину.

– Не всегда. Как-то исколола руку друга-студента, когда проходила практику.

– Ты помнишь!

– Вспоминаю с благодарностью каждый раз, когда беру кровь. Прижми покрепче.

Медсестра Ха вытащила иглу и приложила к ране проспиртованный тампон.

– Не нравится мне твое настроение. Думаешь, я помру? У меня положительный результат?

– Положительный на то, чтобы получить. – Медсестра Ха стукнула Санхёна по спине.

Тот притворился, что ему больно, на что медсестра лишь косо взглянула и продолжила говорить:

– На мой взгляд, это обычная простуда. Из особых симптомов – притворство. Будет больно – позовешь.

Чтобы скрыть набегающие слезы, женщина развернулась и поспешно вышла из палаты.

– А если соскучусь? – спросил Санхён ей вслед, скрывая улыбку.

– Я приду раньше.

Услышав эти слова, Санхён почувствовал себя полностью здоровым. Он еще долго смотрел на дверь палаты, за которой скрылась медсестра Ха.

Они познакомились в детском саду, когда им было по семь лет. Санхён с детства не ладил с ровесниками: он отличался худощавым телосложением и был слабее, чем остальные ребята. Играм на улице он предпочитал книги, шумным компаниям – время, проведенное в одиночестве. Высокая и активная Ха Чаэ, наоборот, пользовалась у сверстников популярностью. Она терпеть не могла проигрывать, особенно мальчишкам, – дух соперничества был одним из самых сильных качеств ее характера. Санхён поражался Ха Чаэ и даже завидовал. Но, конечно, подружиться они никак не могли, ведь не сходились ни характерами, ни интересами.

Однажды случилась сильная гроза. Напуганные громом, дети льнули к воспитателю. На Санхёна внимания не хватило, и он

спрятался за страницами любимой сказки и перечитал ее несколько раз. Тогда-то к нему и подошла Ха Чаэ, из ее глаз ручьем текли слезы – наверное, тоже не досталось места около воспитателя. Чаэ села рядом с Санхёном и попросила почитать ей вслух. Он не мог выразить словами свою радость от того, что его одиночество скрасила Чаэ, поэтому постарался вложить в чтение всю душу. Когда в истории появлялся тигр, мальчик принимался рычать, а если говорилось про зайчика, начинал прыгать по всей комнате. Каждый раз, когда менялась его интонация, Ха Чаэ звонко смеялась. А Санхёну очень нравился ее смех. С того дня они стали неразлучны. И их дружба длилась вот уже тридцать с лишним лет.

Санхён каждый раз удивлялся правдивости статей в интернете. В них говорилось, что построить дружбу между мужчиной и женщиной можно, только если один из пары влюблен в другого. Все было именно так. Санхён любил Чаэ. И только это помогало им сохранять дружбу.

Санхён включил ноутбук. Одна из папок на рабочем столе называлась «Рыжеухий бюльбюль»^[3]. Он кликнул на эту папку. В ней он держал фотографии Ха Чаэ за все эти тридцать лет. На некоторых снимках они были вместе с Санхёном, на некоторых – она одна. Бережно взращиваемая им любовь хранилась в этой папке. Однажды он покажет эти фото женщине и сделает предложение, лишь бы наступил тот день, когда она посмотрит на него не как на друга, а как на возлюбленного. Но сейчас планы Санхёна немного изменились. Он твердо решил, что если победит в борьбе с вирусом МЗ, то обязательно признается в своих чувствах. Жизнь очень коротка и скрывает много разных сюрпризов, поэтому больше ждать было нельзя. Ведь любовь возможна, только если ты жив.

Санхён закрыл папку «Рыжеухий бюльбюль» и открыл другую – «Серая неясность»^[4]. В этой папке хранились все статьи и материалы о вирусах, а также документы, составленные им за время работы в больнице. Санхён отобрал материалы, имеющие отношение к вирусу МЗ. Началось полноценное сражение.

3

В восемь часов вечера в полевом госпитале произошел сбой в электросети. Многие приборы на время вышли из строя. И в их числе

самый важный – аппарат искусственной вентиляции легких в реанимационном отделении.

Из реанимации послышался странный крик. Чхихун, который рылся в ящиках в поисках свечей, прибежал туда быстрее всех. В темной палате заходился в приступе управляющий Чин. Он задыхался и был похож на наркомана во время сильнейшей ломки. В слабом свете аварийной лампы было видно, что он грубо вырвал иглу капельницы, и теперь из раны на его руке сочилась кровь. Чхихун запрыгнул на пациента и прижал его руки к кровати. Но его сил не хватало, чтобы усмирить Чин Ёнсу. Как назло, другой врач-мужчина сейчас тоже лежал в изолированной палате с подозрением на вирус.

– Успокоительное! – крикнул он медсестре Ха, которая подоспела чуть позднее. Она была одета в защитный костюм.

– Поняла!

Медсестра Ха убежала за медикаментами. Из-за двери отделения послышался крик вооруженного солдата, который спрашивал, что случилось.

– Не входите! Вы можете заразиться! – выкрикнул Чхихун. И, не подумав о защите, рискуя заразиться сам, он всем телом навалился на управляющего Чина и держал его за обе руки. – Это поле боя для врачей. Я здесь сам все проконтролирую, просто поскорее восстановите электричество!

В это время управляющий Чин широко раскрыл глаза и, как дикое животное, впился в руку врача зубами. Чхихун скорчился от боли, но не выпустил пациента. Прибежала медсестра Ха и поставила Чин Ёнсу укол с успокоительным. Наконец управляющий Чин ослабил хватку. Чхихун, совершенно позабыв о своей ране, сразу же схватился за стетоскоп.

– У него слабый пульс. – Нахмурившись, Чхихун слушал сердцебиение потерявшего сознание Чин Ёнсу.

– Вас укусили? – крикнула медсестра Ха, увидев следы от зубов на руке врача.

– Мешок Амбу, срочно! Раз, два, три! Раз, два, три!

Чхихун положил руки на грудь управляющего Чина и начал сердечно-легочную реанимацию.

– Вас же укусили! – Медсестра приставила ко рту пациента аппарат и, подстроившись под ритм Чхихуна, начала искусственное

дыхание.

В этот момент в палату вошла Моён в защитном костюме. Она увидела кровь, капающую с руки Чхихуна, и громко спросила:

– Что случилось? Ты в порядке?

– Пожалуйста, не разговаривайте со мной. Мне тяжело. Раз, два, три!

Со лба Чхихуна струился пот. Он ничего не слышал и думал лишь о пациенте, лежавшем перед ним. Второй раз он не сбежит, не бросит человека в опасности.

Наконец электричество в полевом госпитале было восстановлено. Лампы загорелись, и все оборудование, включая аппарат искусственной вентиляции легких и аппараты, отслеживающие показатели пациента, заработали. К счастью, сердечный ритм Чин Ёнсу тоже пришел в норму.

Моён обеспокоенно позвала Чхихуна. Врач, с отсутствующим видом проверявший показатели пациента, повернулся на ее голос.

– Ты же знаешь, что из-за укуса вероятность заражения увеличивается? – спросила Моён, нанося на рану дезинфицирующее средство.

– Да... – кивнул Чхихун.

– И ты знаешь, что, если бы не ты, этот пациент бы умер? – Моён наложила на руку Чхихуна повязку.

Тот не ответил.

– Ты стал настоящим врачом. Я возьму у тебя кровь.

После забора крови Чхихун пошел вслед за Моён. Теперь ему предстояло переодеться в больничную пижаму и ждать в изолированном отделении. В коридоре к ним подошел поджидавший их рабочий Кан и спросил у Моён:

– Он тоже заразился?

Кан Минчжэ застал Чхихуна врасплох, и тот опустил голову, словно человек, закованный в наручники.

– Будем надеяться, что нет. Пока его нужно изолировать.

Рабочий Кан уставился на Чхихуна:

– В этот раз вы поступили как настоящий врач.

Эти слова Кан Минчжэ были для Чхихуна как долгожданный дождь посреди пустыни. Душа его начала наполняться горячей живительной влагой. Чхихун сжал губы и разрыдался.

– Почему ты плачешь? Ты где-то еще поранился? – спросила Моён с удивлением.

– Нет... Все в порядке... Теперь я в порядке... Теперь я могу позвонить домой...

– О чем ты? Что случилось, Ли Чхихун? – с тревогой спросила Моён, явно не понимая, что происходит.

Но Чхихун больше ничего не сказал, а лишь продолжал всхлипывать. Он наконец выбрался из тьмы. Ему хотелось услышать голос жены и рассказать ей абсолютно все.

Как только Чхихун добрался до палаты, он позвонил домой.

– Меня изолировали, – сообщил он новость радостным голосом.

– Изолировали? Почему? Ты что, заразился вирусом МЗ? – спросила перепуганная супруга.

– Мог заразиться, но пока еще нет. Наверное, меня изолировали, чтобы я стал врачом.

– Ты звонишь мне первый раз за месяц. О чем ты вообще говоришь, дурачок? Ты хоть представляешь, как сильно я волновалась?

– Я люблю тебя, Чан Хиын. Я очень-очень тебя люблю, Хиын.

– Ты мой прежний Чхихун... Ты вернулся... – заплакала Хиын.

4

Над полевым госпиталем поднимался тусклый дым: солдаты со стерилизатором обрабатывали территорию в профилактических целях. Ребята, которых вывезли из зараженной корью деревни-призрака, бегали за дымом и радостно кричали. Казалось, поправилось не только их здоровье, но и духовное состояние. Хотя Сичжин знал, что вирус МЗ не передается через насекомых, он все же не исключал такой возможности. Важно было не допустить, чтобы пациентов с вирусом МЗ укусили малярийные комары.

Закончив дезинфекцию, военные подошли к Сичжину, наблюдавшему за госпиталем, и отдали честь. Он похвалил бойцов за хорошую работу, приказал отдыхать до переклички и отпустил. Солдаты разошлись, и Сичжин уже собирался вернуться в казарму, но увидел Даниеля, направлявшегося к парковке. Он возвращался из кампуса ООН, куда ездил за вакциной. Капитан Ю встретился взглядом с Даниелем и помахал в знак приветствия. В этот момент

прибежала самая младшая из медсестер госпиталя, размахивая листом бумаги.

– Пришли результаты анализов крови. Все отрицательные.

Не дослушав медсестру, Сичжин сразу же помчался на склад снабжения, чтобы сообщить новости изолированному там Тэёну. Капитан сильно переживал из-за того, что произошло между Тэёном и Мёнчжу, хоть и не подавал виду, чтобы не беспокоить Моён. Он ничем не мог помочь Мёнчжу, но что, если бы заразился и его лучший друг? Об этом он старался не думать.

Как только карантин с Тэёна сняли, без каких-либо подсказок он отправился к Мёнчжу. Девушка спала. Тэён прислонился к стеклу и с печалью наблюдал за ее сном, как за младенцем в инкубаторе. Он очень волновался и сочувствовал любимой, но что можно было поделать? И это выражение бессилия отражалось на его лице. Сичжин как никто другой понимал чувства друга. Ему казалось, что если бы на кушетке лежала Моён с положительным результатом, то он переживал бы еще сильнее.

– Она следит за военной дисциплиной ребят, хорошо питается и вот недавно уснула, – тихо сказал Сичжин.

– Похоже на правду. – В голосе Тэёна прозвучала дрожь.

– Говорят, что в редких случаях симптомы вируса никак не проявляются.

– Она редкая женщина, поэтому надеюсь, что так и будет.

– Кстати, а вы слышали?

– Что слышал?

– Благодаря моей быстрой реакции заразившихся в городе больше нет. Когда закончится вакцинация, нас понизят с уровня «опасно» на «внимание». Поэтому капитану отряда «Моуру», а это я, объявили благодарность, – пытался пошутить Сичжин.

Тэён не отреагировал и все продолжал смотреть на Мёнчжу. Затрещала рация: сержант Чхве сообщал о происшествии в столовой.

Сичжин с Тэёном моментально направились туда. Все выглядело как обычно: галдели пациенты, медики, солдаты. Но сержант Чхве был не из тех, кто стал бы шутить по рации. На всякий случай Сичжин прошел в толпу и решил все проверить. Около фонтанчиков с водой стояла Моён, спиной прикрывая Фатиму. Девушка застыла, во взгляде мелькала злость. Перед ними, вальяжно развалившись на стуле и

грязно ухмыляясь, сидел некто. Это был Аргус. Сичжин сжал кулаки и сделал шаг в их сторону. Пять-шесть человек охраны, которые не отходили от Аргуса ни на шаг, предупреждающе посмотрели на Сичжина и Тэёна.

– Столько знакомых лиц. Здесь и бывший сослуживец, и спасительница моей жизни, и моя красная роза. Как дела, Фатима? – Аргус сложил большой и указательный пальцы в пистолет и изобразил, что по очереди стреляет в Сичжина, Моён и Фатиму.

Напуганная Фатима сильнее прижалась к Моён.

– Он пришел провериться на вирус МЗ? – спросила Моён Сичжина, который медленно приближался.

– Вирус? Не переживай, доктор. Я уже подтвердил, что у меня отрицательный результат. Американцы нашли меня первым и проверили. Говорят, мне нельзя болеть. Теперь я получаю больше любви от них, чем когда был капитаном подразделения «Дельта».

– Говори по делу. Хватит болтать, особенно про чепуху, что мы раньше были сослуживцами, – сказал Сичжин сквозь стиснутые зубы, сделав еще шаг.

– Хорошо. Поделимся сокровенным между сослуживцами в следующий раз. Я приехал навестить моего нового корейского друга, который очень сильно болен. Я про мистера Чина. Могу я его увидеть?

– Кем бы ни был твой друг, во встрече тебе отказано. Проваливай отсюда.

– Тогда и посещение отложим на следующий раз. Но взамен ответьте на вопрос. Говорят, мои вещи здесь. Очень дорогие, блестящие, а еще их очень любят женщины. Могу я их увидеть?

– Здесь тебе не бюро находок. Даю тебе десять секунд, чтобы уйти. Десять, девять...

– Как я и думал, надо было еще тогда ему живот вспороть.

Аргус схватился за живот, изображая, что его ранили, и сунул руку в карман пиджака. Сичжин на автомате достал пистолет из заднего кармана и направил его на Аргуса. Медики и пациенты, до этого не обращавшие никакого внимания на происходящее, как по команде смолкли и замерли. В одно мгновение всех в столовой охватил страх. Аргус жестом показал всем успокоиться, а другой достал из кармана пиджака пузырек с лекарством.

– Это иммуноглобулин, – уверенно сказала Моён, с первого взгляда узнав пузырек.

– Я же не мог прийти с пустыми руками. Это подарок, доктор. Взамен обязательно спасите моего друга. Мне нужно многое ему сказать. Я вижу, все заняты, так что мы, пожалуй, исчезнем.

Аргус поставил лекарство на стол и поднялся со стула. Он усмехнулся в сторону военных, которые держали его и его банду на прицеле, и медленно вышел из столовой. Сичжин взглядом послал Тэёну сигнал, чтобы тот взял ребят и проследил, как шайка Аргуса покидает территорию.

Как только бандиты с Аргусом во главе ушли, Сичжин опустил пистолет и успокоил пациентов и медицинскую команду. Моён осторожно поглаживала по спине Фатиму, которая тряслась от страха. Она слабо улыбнулась Сичжину, показывая, что все в порядке. Кажется, Аргус разгадал план американских военных. Иначе он бы ни за что не явился сюда. Аргус и сам служил в войсках специального назначения, так что с первого взгляда мог определить расстановку сил и позиций. Предугадать его следующий шаг было невозможно, но ситуация явно изменилась.

5

Мёнчжу, которая была и врачом, и солдатом, часто сталкивалась со смертью. Она фиксировала гибель пациента, долго боровшегося за жизнь, и оплакивала на похоронах сослуживца, павшего в бою. Не так давно она видела множество трупов людей, погибших во время землетрясения. Но она никогда не задумывалась о собственной смерти от болезни или от пули. Даже если прямо перед ней падал огромный валун, она не думала, что может умереть из-за этого. Смерть всегда была где-то рядом, отчего не представлялась чем-то неясным и туманным. Поэтому девушке не было страшно.

Сейчас же смерть подступила слишком близко – вот она, рукой подать, с разинутой клыкастой пастью. Каждый раз, когда температура приближалась к сорока градусам, в глазах мутнело, а кожа покрывалась сыпью, девушка чувствовала ее обжигающее дыхание. Ей было страшно. Ей было грустно и одиноко. Она хотела увидеть Тэёна и скучала по отцу.

Дрожащей рукой Мёнчжу взяла телефон и набрала номер отца.

– Честь имею, – сказала девушка, стараясь, чтобы голос звучал как обычно.

Отец не ответил.

– Папа... Я заболела. Ты что, не получил рапорт?

– Получил.

– Но даже не позвонил... – Из глаз Мёнчжу потекли слезы.

– Говорят, шанс выжить пятьдесят на пятьдесят... Я ничего не мог сделать – ни как отец, ни как главнокомандующий, – ровным счетом ничего. Поэтому я ждал, пока ты мне позвонишь. Я ничего не могу тут поделать. – В голосе отца также послышались слезы.

– Для медицины половина – это очень высокий показатель. Я не проиграю. Я обязательно выстою. Не переживайте.

– Конечно. Так и должно быть. Я буду на это надеяться.

– Только выслушайте всего две мои просьбы.

– У тебя есть две просьбы?

– Во-первых, простите меня, папа. Мои угрозы, что вы потеряете и дочь Юн Мёнчжу, и лейтенанта Юн Мёнчжу, в нашу последнюю встречу... Я была не права... Мне очень жаль, папа.

– Ничего. Главное, поправляйся. Выздоровливай. Какая вторая просьба?

– Во-вторых, если я поправлюсь... Если я правда не умру... Не заставляйте сержанта Со увольняться. Не нужно, папа... Хорошо?.. Я тогда все слышала. Я была так рада тому, что мы вместе, и притворялась, что ничего не знаю. Простите, папа... Вы переживаете обо мне, а я переживаю только о нем...

– Поэтому ты и моя дочь. Так волноваться может только моя дочь...

– Я еще позвоню, папа. Мне пора ставить укол. Не переживайте обо мне.

Мёнчжу протянула руку, чтобы положить телефон на стол. Перед глазами все поплыло, и она никак не могла найти стол, который находился прямо перед ней.

– У меня проявились симптомы, – сказала Мёнчжу, потеряла сознание и упала с кровати.

Первые симптомы вируса МЗ – высокая температура, головная боль, кашель и боль в груди; потом кожа покрывается сыпью, зрение падает, а дышать становится сложнее.

Моён сидела в кабинете госпиталя и просматривала записи на ноутбуке Санхёна. Результаты его анализов на наличие вируса в крови оказались отрицательными, поэтому Санхёна вывели из карантина. Пока врач находился в изоляции, он изучал и анализировал научные работы по вирусу МЗ и статьи в медицинских журналах в поисках возможного лекарства.

– Согласно отчету одного врача, который работал в медицинском корпусе мира на западе Африки, эффективность составляет около 85 %. Из шестидесяти трех человек выздоровело пятьдесят, из восьмидесяти пяти – семьдесят, – пояснял Санхён график, который был открыт на экране ноутбука.

– Не хватает официальной статистики, но для клинической медицины цифры вполне обнадеживающие. Но как вы это нашли? – спросила Моён, изучая документы. – В показаниях к применению цефотаксима^[5] подобное не обговаривается.

– Я расшифровал геном вируса МЗ, проанализировал химическую формулу антибиотика и по результатам перекрестной проверки... – говорил Санхён, явно довольный собой.

– Правда?

– Нет, конечно. Просто изучил все материалы по вирусу за все годы. Медленно и спокойно.

– Это достойно уважения, – искренне сказала Моён. – Давайте попробуем этот вариант.

Девушка, воодушевившись предложением Санхёна, поднялась и отправилась на склад медикаментов. В списке медицинских препаратов цефотаксим не значился. Тогда Моён решила позвонить Даниелю, который отправился в лагерь ООН за вакциной, и попросить его привезти лекарство. Даниель радостно сообщил, что почти добрался до лагеря, и попросил подождать еще немного.

С озабоченным выражением лица Моён откинулась на спинку стула. И тут прибежала медсестра Ха со срочным сообщением: Мёнчжу потеряла сознание.

Мёнчжу находилась в критическом состоянии. Температура перевалила за отметку сорок, зрачки почти не реагировали.

Жаропонижающие препараты не помогали. Случилось то, чего все так боялись, – чрезмерный иммунный ответ. Вдобавок ко всему был риск развития осложнений: менингита, сепсиса, печеночной недостаточности или чего-то еще, – и тогда игре придет конец. Но самое важное, что нужно было сейчас сделать, – это сбить жар. Моён приказала медсестрам наполнить ванну льдом и ввела Мёнчжу стероиды.

Дверь палаты открылась, и вбежали Сичжин и Тээн. Руки Тээна дрожали, а по щекам текли слезы. Он спросил у Моён, каково состояние Мёнчжу.

– Сейчас все, что мы можем, – это пытаться снять симптомы. Будем надеяться, что найденное доктором Сон лекарство поможет, – объяснила Моён.

– Лекарство все еще не доставили?

– Мне сказали, что его привезут вместе с вакциной, так что с минуты на минуту...

В этот момент зазвонил телефон. Это был Даниель, и у него были скверные новости: машину, в которой везли вакцину и цефотаксим для полевого госпиталя, захватили неизвестные в масках.

– Что за ублюдки! Это лекарство можно достать где-нибудь еще? – спросил Тээн, стиснув кулаки.

– Если мы не введем цефотаксим в течение часа, то потом будет слишком поздно. Если попробовать привезти его из города, это займет минимум четыре часа. Нет ли другого способа? – нервно спросила Моён.

– Нужно поймать воров. Где у вас забрали машину? – свирепо, как пантера, зарычал Тээн.

– Попробуем оба варианта. Моён, свяжитесь с городской больницей. А я попробую позвонить Даниелю. – Сичжин достал телефон и принялся искать номер Даниеля.

В этот момент аппарат зазвонил.

– Я на связи. Не знаю, кто вы, но я перезвоню чуть позже... – начал было Сичжин, но внезапно его лицо стало угрюмым. Он прикрыл телефон ладонью и сказал, что, кажется, знает, где лекарство для Мёнчжу, после чего снова поднес телефон к уху и вышел за дверь.

Моён с тревогой посмотрела ему вслед. В это время Тээн передавал по рации приказ группе «Альфа», чтобы те были во

всеоружии. Он нежно погладил по лбу Мёнчжу, которая лежала без сознания в ванне со льдом, и вышел из палаты, сжимая кулаки от злости.

Спустя какое-то время вернулся Сичжин и передал Моён содержание телефонного разговора. Неизвестными, что захватили фургон, оказались бандиты Аргуса, а сам Аргус предложил Сичжину сделку. Условием сделки стали бриллианты, которые достали из живота управляющего Чина.

Моён принесла из операционной драгоценные камни и передала Сичжину.

– Кажется, здесь не хватает пары штук, – проверив бриллианты, попробовал состричь Сичжин, чтобы разрядить атмосферу.

Но лицо Моён оставалось угрюмым.

– Сейчас ваши шутки не поднимут мне настроение. Я очень переживаю. И за лейтенанта Юн, и за вас... Что вы делаете, когда не помогают даже шутки?

Моён опустила голову, уставившись на носки своей обуви. Что-то было не так. Ее мучило плохое предчувствие. Сичжин понаблюдал за девушкой несколько мгновений, затем медленно подошел и крепко обнял.

– Доверяем друг другу.

Его дыхание щекотало ее ухо.

– Вот как... – сказала Моён, после чего раскинула руки и обняла Сичжина за пояс.

– Уберите из своих переживаний переживания обо мне. У вас ведь получится? – спросил Сичжин, отстранившись от девушки и внимательно посмотрев ей в глаза.

Моён закивала в ответ.

– Позаботьтесь о Мёнчжу. – Сичжин потрепал Моён по макушке.

– Вы тоже позаботьтесь о капитане Ю. Он мне правда очень нравится. Хочу сказать ему об этом, как вернется, – сказала Моён, похлопав Сичжина по груди.

Тот крепко схватил ее за руку.

Группа «Альфа» в полной боевой готовности покинула казарму. Моён, которая стояла в дверях госпиталя и наблюдала, тряслась от волнения. Минут через двадцать после того, как Сичжин с группой «Альфа» отправились на поиски, в полевой госпиталь ворвалась полиция Урука и стала обыскивать все уголки. Полицейские нашли Фатиму, сидевшую на кухне, и надели на нее наручники. У них был ордер.

– Что вы делаете? – вмешалась Моён, вставая между Фатимой и полицейскими.

– Исполняем служебные обязанности. Эта девушка обвиняется в краже медицинских препаратов и их продаже на черном рынке. Ее сообщник уже признался.

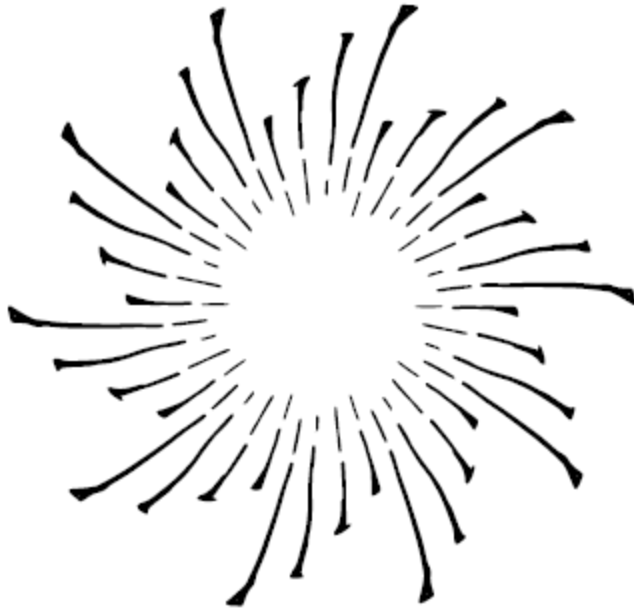
В полицейской машине в наручниках сидели парни, которых Моён уже видела на черном рынке в центре города.

– Здесь какое-то недоразумение. Она не воровала, мы сами их ей дали. Я дала. Теперь нет причин ее арестовывать? – поспешила объяснить Моён. Ситуация явно складывалась не в её пользу.

– Даже если вы лично дали ей препараты, сделки на черном рынке все равно незаконны. – Полицейский усадил Фатиму в машину. – Это вы тот иностранный врач, который присутствовал на месте происшествия? – спросил он, посмотрев на девушку. Взгляд его нехорошо загорелся.

Глава 5. Выбор

1

О том, что Моён пропала, Сичжин узнал на следующий день. По словам младшей медсестры госпиталя, приехали полицейские и забрали ее вместе с Фатимой. Сичжин заподозрил неладное, земля ушла из-под ног. Это точно было делом рук Аргуса.

Еще ночью, когда группа «Альфа» отправилась на поиски грузовика, Сичжин почувствовал: что-то не так. Все прошло намного спокойнее, чем он предполагал. Бандиты в масках забрали бриллианты и без лишних возражений вернули фургон. Но самого Аргуса нигде не было. Сичжину показалось странным, что такая важная сделка проводится без главаря, но требовалось как можно скорее доставить лекарства Мёнчжу, поэтому он забрал фургон и направился в госпиталь, отогнав тревожную мысль.

Сейчас же Сичжин пытался дозвониться до Моён. Сигналы шли, но трубку не брали. Его не покидало дурное чувство, он начинал сходить с ума. Если с Моён что-то случилось, он убьет Аргуса... Не успел он додумать, как позвонил сам Аргус и с издевкой в голосе назначил Сичжину встречу. Цена – жизнь Моён. Если Сичжин хочет спасти Моён, то пусть приезжает на дорогу за границей города. И главное условие – капитан должен быть один.

Сичжин без промедлений сел в джип и направился в сторону назначенного места. Он гнал по неровной грунтовке со скоростью 120 километров в час. Машина подскакивала на кочках так, что казалось, вот-вот лопнут колеса.

Приблизившись, Сичжин увидел на дороге одетую в красное платье девушку. Закованная в наручники Фатима тряслась от страха. Ее рот был заклеен зеленым скотчем. Сичжин сразу же ударил по тормозам и вывернул руль, чтобы остановить машину. Чуть не скатившись по крутому склону, автомобиль с трудом встал на месте. Сичжин выпрыгнул из джипа и бросился к Фатиме. Но стоило ему взять девушку за руку, раздался выстрел, и пуля вонзилась Фатиме в бедро. Сичжин успел ее подхватить и в бешенстве осматривал местность, озираясь по сторонам. Те самые бандиты, которых он видел прошлой ночью, направлялись в их сторону, держа пистолеты наготове. Сичжин уложил Фатиму на землю и потянулся за оружием.

В это время из-за спин бандитов показалась Моён со связанными руками и ногами, а к виску девушки Аргус приставил пистолет. Она смотрела на Сичжина, прикусив нижнюю губу от страха. Ее глаза были наполнены слезами. Сичжин поднял пустые руки в воздух и медленно встал на ноги. Аргус ухмыльнулся, довольный унижением противника, и медленно подошел. Не удостоив капитана и взглядом, он присел рядом с Фатимой, которая лежала на земле и стонала от боли.

– Очень больно? Но что же делать? Сейчас врач не сможет тебе помочь, – глумился Аргус, снимая с себя шарф и обматывая им рану на ноге девушки.

– Убери руки! – прошипел сквозь зубы Сичжин.

– Ты, кажется, не понимаешь, что происходит. Сдохнуть хочешь? Или хочешь, чтобы твою девушку прикончили? Моя очередь раздавать приказы, капитан. Единственный человек, в которого не будут стрелять мои ребята, – это я. – Аргус смерил Сичжина свирепым взглядом.

– Что тебе надо?

– Вот именно. С этого нужно было начинать. Работу лучше обсуждать в чисто мужской компании.

Аргус мотнул головой в сторону своих приспешников, и те усадили Моён в черный автомобиль. Сичжин инстинктивно дернулся, чтобы броситься защищать девушку. Но Аргус предупредил его, чтобы

тот не двигался с места. Сичжину ничего не оставалось, кроме как подчиниться и наблюдать за противником.

– Сегодня в полночь Северному Уруку будет передано оружие. Когда эта сделка состоится, моя страна планирует разобраться со мной. Но я хочу и денег заработать, и не умереть при этом. Поэтому ровно в момент совершения сделки ты должен подготовить мне путь, по которому я смогу покинуть эту страну. Вот что мне надо. Путь для отступления. Спаси меня еще раз, как тогда, капитан, – говорил Аргус, поднявшись и невозмутимо отряхивая руки. – Время отступления – ноль часов пять минут. Ни раньше, ни позже. Ты же не знаешь, не решу ли я взять и продать куда-нибудь твою женщину по дешевке?

– Я сам тебя убью. Чего бы мне это ни стоило, я лично тебя убью, – выплюнул Сичжин в лицо Аргусу. Разозлившись, он перешел на корейский.

– Из-за тебя я начал подумывать, не начать ли учить корейский. Поехали.

Аргус сплюнул на землю и направился к автомобилю. Его бандиты, охраняя босса, до последнего держали Сичжина и Моён под прицелом. Сичжину оставалось лишь беспомощно сидеть на пыльной земле и смотреть вслед удаляющимся автомобилям. Через тонированные стекла он даже не смог разглядеть лицо Моён.

2

Сичжин усадил раненую Фатиму в джип и направился в штаб «Тхэбэка». Оставив автомобиль на парковке и передав девушку военному врачу, он вошел в кабинет командующего.

– Эй, ты что, с ума сошёл? – крикнул подполковник Пак, увидев испачканную в крови форму Сичжина. – Приди в себя! Спасение заложника? Какой значок висит на твоей военной форме? Думаешь, ты в группе «Альфа»? Ты за пределами своей страны! Ты сапер, приехавший для восстановления мира.

– Я должен идти. Я поеду, – настаивал Сичжин, понимая, что ему некуда отступать.

– Куда ты собрался? Жди. Это приказ, так что жди! – резко сказал подполковник Пак и сердито посмотрел на капитана.

– Передо мной... Перед моими глазами... – Сичжин еле сдерживал слезы. – Я должен идти. Я скоро вернусь.

– Эй, ты что, не видишь? Меня вызывает главнокомандующий – вот, кнопка под номером два. А под номером три – Голубой дом! Что прикажешь мне делать? Молчи, ни звука, иначе я лично тебя со службы выкину... Честь имею. Командующий штаба «Тхэбэк» подполковник Пак... – Прочистив горло, подполковник Пак нажал на кнопку «три» на проводном телефоне и начал разговор.

– Отдел международной безопасности Голубого дома. Начнем с главного. Это точно похищение? – по громкой связи раздался голос главы отдела безопасности. На фоне были слышны и другие звуки, словно там играли в гольф.

– Не совсем, но ситуация похожа... – начал подполковник Пак, внимательно наблюдая за Сичжином.

– Это похищение, – вмешался Сичжин, не в силах больше сдерживать эмоции.

Подполковник Пак бесшумно выругался.

– Вы уверены? По каналам ЦРУ передавали другую информацию. – рассеянно спросил глава отдела.

– Это точно похищение. Противники – около пятнадцати вооруженных бандитов... – спешно ответил Сичжин.

– Мне уже доложили во время брифинга с США, поэтому довольно. Нам нужно все обсудить, мы с вами свяжемся. Пока ситуация полностью не прояснится, держите все в тайне и ожидайте.

– Так точ...

– Мы не можем ждать! Не можем терять время. Я приступаю к освобождению заложника согласно мерам в чрезвычайных ситуациях, – решительно сказал Сичжин, перебив подполковника Пака.

– Что? Вы не слышали, что я сказал? Послушайте, капитан Ю. Думаете, раз мы спустили вам тот случай с VIP-пациентом из Лиги арабских государств, вам можно не воспринимать Голубой дом всерьез? Страна для этого вложила в вашу руку оружие? Сейчас проблема не в жизни одного конкретного человека, это вопрос на уровне правительства! – В голосе главы того самого правительства слышалось раздражение.

– Если страна равнодушна к жизни отдельных людей, то у нас проблема. Я не знаю, какая родина у вас, но я буду защищать свою.

Сичжин холодно взглянул на телефон. Ему больше не на что и не на кого было положиться. Он в последний раз отдал честь подполковнику Паку и покинул кабинет. В спину ему полетели гневные крики, но Сичжин не обращал на них внимания. Солдат Республики Корея отправился спасать гражданина Республики Корея. Он точно знал: никто не в силах его остановить. Возможно, политики в правительстве и впрямь переживали о безопасности государства, но он отдал молодость и посвятил всю жизнь защите своей родины. Он верил, что таким образом защищает жизнь граждан и безопасность своего государства, и потому готов был умереть без почестей и благодарностей со стороны родины. Но сейчас эта вера пошатнулась.

– Остановитесь. Вам приказано ждать. – Караульный преградил ему дорогу. – Приказ подполковника Пака.

– А у вас крепкие ворота? Я уже несколько раз разбивал машину и уверен, что этот удар она выдержит, – угрожающе сказал Сичжин, опустив стекло.

В тот же миг в будке охраны раздался звонок и пару секунд спустя караульный передал беспроводной телефон Сичжину.

– Это вас. Главнокомандующий войск специального назначения.

Сичжин неохотно взял трубку и после тяжелого вздоха приложил телефон к уху.

– Честь имею. Капитан Ю Сичжин.

– У тебя ровно три часа. Я ничего не знаю о твоих действиях в эти три часа. В течение этого времени ты не член группы «Альфа», не командир отряда «Моуру», не капитан сухопутных войск Республики Корея. Есть возражения? – решительно сказал генерал-лейтенант Юн.

– Никак нет. – Сичжин понял, как сильно заботится о нем генерал-лейтенант Юн.

– У меня все.

– Честь имею!

3

– У меня останется много хороших воспоминаний об Уруке. И ты отлично подойдешь для последней ночи, – сказал Аргус, сопроводив Моён гнусным взглядом.

По спине Моён словно пробежали тысячи насекомых. Она собрала все силы, чтобы не расплакаться, и пронзила Аргуса взглядом.

Руки и ноги девушки были по-прежнему связаны, и ничего другого ей не оставалось. Моён без конца прокручивала в голове последние слова Сичжина: «Я обязательно вас найду и обязательно спасу. Вы же знаете, я прекрасно справляюсь со своей работой. Поэтому не бойтесь и не плачьте». Она не сомневалась. Он обязательно придет, чтобы ее спасти.

Аргус какое-то время разглядывал девушку, после чего резко сорвал скотч с ее губ. Было ощущение, будто бы он сорвал его вместе с кожей. Моён вскрикнула от боли.

– Хорошая работа, доктор. Говори, если что-то нужно.

– Тогда помолчи немного. Я продумываю, как мне лучше себя вести. Просто я раньше никогда не была в заложниках, – ответила Моён на корейском, вложив в свой взгляд всю ненависть.

– Прячешься за незнакомым языком, прямо как твой парень? – усмехнулся Аргус.

– Черт бы побрал эту клятву Гиппократы. Зачем спасать таких гадов? Кому это нужно? – продолжала бубнить на корейском Моён.

– Это не то, что обычно говорят своим спасителям, но лучше тебе перейти на английский, если не хочешь умереть. – Аргус приставил пистолет к виску девушки.

– Не знаю, что ты затеял, но если хочешь выручить деньги за мое тело, то забудь. У меня больше долгов, чем денег, – не сдавалась Моён. Внезапно страх рассеялся, и она даже смогла ухмыльнуться.

В один миг Аргус направил пистолет в лицо девушки. Моён повалилась на пол вместе со стулом, к которому была привязана. При падении она разбила губу и чуть было не закричала от боли, но смогла сдержаться, сжав зубы, и не издала ни звука. Во рту почувствовался привкус крови.

– In English, – прошипел Аргус.

Его бандиты снова подняли девушку. Кажется, она поранила еще и веко. Преодолевая боль, Моён несколько раз моргнула. Аргус склонился прямо к Моён.

– Большой босс умный, забавный и очень загадочный. Но у него много секретов, поэтому он будет часто пропадать, с ним будет сложно связаться, и однажды он исчезнет навсегда, – насмешливо пробасил он ей прямо в ухо.

Девушке стало так противно, словно ей в ухо залезла гусеница. Моён забилась в пугах, на что Аргус рассмеялся, выпрямился и посмотрел на нее сверху вниз.

– Вам лучше расстаться. Это не угроза, а предупреждение. – Он постучал пальцем по лбу Моён.

– Такие вещи обычно говорят, протягивая конверт с деньгами. А перед собой ставят стакан с водой. Кто же с пустыми руками расстаться предлагает? Тебе же до смерти интересно, о чем я говорю? Тебе знать не обязательно, кусок мусора!

Моён почувствовала, что готова убить эту тварь. Такое с ней было впервые. Ни к кому и никогда она не испытывала такой ненависти, чтобы желать смерти. Уловив ее злобу, Аргус отошел и нахмурил брови:

– А ты непростая штучка...

4

Проблемы нанизывались, как бусины.

После укола цефотаксима Мёнчжу пришла в себя. Температура упала до тридцати семи градусов. Зрачки реагировали нормально, а сыпь на коже начала проходить. Они справились с кризисом.

Тэён, просидевший всю ночь у кровати Мёнчжу, вышел из палаты, убедившись, что девушка уснула. Он прогуливался по тренировочной площадке, переводя дыхание, и вдруг ощутил пустоту на душе. Он понял, что уже давно не видел Сичжина. Тэён попытался связаться с ним по рации, но ответа не последовало. В голову лезли только дурные мысли.

Как он и опасался, в казарме никого не было. Форма Сичжина, вся в крови, была аккуратно сложена на кровати, сверху лежали его рация, пистолет, пояс и личный жетон с номером. Определенно, случилась беда. Моён, как ни странно, тоже нигде не было видно.

Тэён побежал в центр управления и позвонил в штаб, попросив соединить его с подполковником Паком. Вскоре телефонная линия заработала, и он услышал ворчливый голос начальника. Выговаривая Тэёну за звонок в штаб без веских оснований, он внезапно переменил тон и кинул тому подсказку: по его словам, шайка Аргуса похитила доктора Кан Моён, а Сичжин в одиночку отправился ее спасать. Подполковник Пак добавил, что он приказал Сичжину ждать помощи

от американской стороны и ничего не предпринимать, но капитан ослушался его приказа и решил действовать сам. Соответственно, подполковник Пак не несет никакой ответственности за его действия. Прервав очередной длинный монолог подполковника, Тэён отдал честь и положил трубку. Он тут же передал группе «Альфа» приказ о сборе. Нужно было срочно спасти товарища, от которого отказались страна и армия.

– Итак, мы приступаем к запрещенной операции. Вероятен вооруженный конфликт с бандой хладнокровных преступников, и никакого прикрытия у нас при этом не будет, – объяснял Тэён членам группы «Альфа», собравшимся в оперативном центре. – Всем придется снять форму, и, возможно, кто-то не вернется. Вы можете отказаться от участия. Есть возражения?

Сержант Чхе, сержант Им и младший сержант Кон обменялись взглядами и покачали головой.

– Никак нет! – решительно ответили они в унисон.

– Хорошо. Отпуск закончился. С этого момента вся группа «Альфа» вернулась в строй, – твердо сказал Тэён, и члены группы «Альфа» пошли готовиться к операции.

Они сняли форму и переоделись в гражданскую одежду. Тэён тяжело вздохнул и направился в госпиталь.

– Мне все больше нравится видеть твое лицо сразу после пробуждения. Я в порядке. Продолжаю принимать лекарства. – Мёнчжу проснулась от звука открывшейся двери и улыбнулась Тэёну.

– Это хорошо... – Тэён подошел к Мёнчжу и поправил волосы у нее на лбу.

– А почему ты в гражданской форме? Куда-то собрался?

– Мы не можем связаться с Большим боссом и Моён. Нам сообщили, что Моён похитили, а Большой босс направился в одиночку её спасать.

– Значит, сейчас...

– Ты говорила, что мой подарок в пути. Можно открыть его сейчас?

На лице Мёнчжу отразилось удивление. Тэён приник губами ко лбу девушки и нежно поцеловал. Ресницы Мёнчжу затрепетали. Отстранившись, Тэён снял с шеи свой жетон и вложил его в руки Мёнчжу.

– Сохрани его. Ты же знаешь, что взамен утерянного придется покупать новый жетон за свои деньги?

– Ты же знаешь... что должен обязательно вернуться? – Мёнчжу вцепилась в руку Тэёна, явно не желая расставаться с любимым. Болезнь высосала из девушки все силы, и ее рукопожатие было очень слабым.

Тэён в последний раз погладил ладонь Мёнчжу, сухую, как осенний лист, и поднялся с места. Пора, нужно спасти товарища.

5

Искусно избегая установленных повсюду камер слежения, Сичжин успешно проник в логово Аргуса. Сначала он проверил подвал, где когда-то был заперт управляющий Чин. Там не было ни души. Он уже собирался подняться наверх, но резко остановился и повернул обратно: он вспомнил, как Аргус, заходясь от кашля в клубах слезоточивого газа, пытался сбежать через заднюю дверь. Сичжин ненадолго включил фонарь и осветил в ту сторону. Вдоль одной стены громоздились железные ящики, столешницы и складные стулья. Противоположную стену ничто не закрывало, но двери в ней не было. Сичжин попытался нащупать дверь рукой. Стена была бугристой и шершавой. Продолжая в темноте водить рукой по стене, Сичжин наконец наткнулся на участок с другой фактурой. Здесь стена была гладкой и даже приятной на ощупь. Сичжин снова включил фонарик и внимательно осмотрел это место. Эта часть стены была сделана из другого кирпича, промежутки между камнями тоже отличались. Он налег плечом и со всей силы надавил на стену. Стена поддалась и, превратившись в дверь, пропустила Сичжина.

Сделав шаг, он сразу понял, что под ногами трава. Сичжин выключил фонарик и медленно двинулся вперед. Перед глазами появилась ярко освещенная вилла в европейском стиле, с просторным садом, где били фонтаны, а деревья были аккуратно подстрижены. Землетрясение, накрывшее весь Урук и превратившее его в ад, сюда не добралось. Словно черно-белый фильм неожиданно стал цветным.

В этот момент возле ног Сичжина в землю врезалась пуля. Он быстро спрятался за деревом и стал осматривать местность. С балкона второго этажа открыли стрельбу, но выстрелы были бесшумными. Сичжин отточенными движениями перекатился по траве и спрятался

за другим деревом, откуда сам выстрелил в постового. Пуля попала охраннику прямо в живот, и в ту же секунду открылась входная дверь на первом этаже. Из нее выбежали пять или шесть бандитов, беспрерывно стреляя. Сичжин достал еще один пистолет, лег на землю и открыл огонь сразу двумя руками. Трое бандитов упали.

И вдруг буквально из ниоткуда на оставшихся бандитов посыпался град пуль. Сичжин с удивлением обернулся и увидел приближающуюся к нему группу «Альфа» во главе с Тэёном.

– Отпуск группы «Альфа» окончен, – с широкой улыбкой сказал Тэён.

Члены отряда встали перед своим командиром и приветственно подняли руки. Сичжин почувствовал, как к горлу подступают слезы. Страна и армия его бросили, но друзья остались рядом.

Пятеро военных, борцов за справедливость, уверенно направились в сторону виллы.

6

Лишние хлопоты вызывали у Аргуса головную боль. Чтобы отвлечься от проблем, он завел аквариум и запускал в него рыбок разных видов. Кормил он их по минимуму, и голодным рыбешкам приходилось биться за крохи еды. Самых слабых съедали особи посильнее. Когда оставалась всего одна рыбка, Аргус подселял к ней новых. Если ты выжил один раз, это не значит, что жизнь удалась, ведь мог появиться кто-то сильнее. «Кто же победит в этот раз?» – думал Аргус, заинтересованно наблюдая за аквариумом.

– Сделка на севере состоялась. Сейчас занимаемся переводом. – Один из его помощников проверил состояние счета на ноутбуке, стоявшем на столе у стены.

Ну что ж, оружие без проблем добралось до полковника. Аргус удовлетворенно улыбнулся и выпрямил спину. Он встретился взглядом с Моён, привязанной к стулу. Девушка уже несколько часов не сводила с Аргуса пристального взгляда. Но другого и нельзя было ожидать от избранницы Сичжина, упрямой и непримиримой.

Аргус самодовольно ухмыльнулся в ее сторону и открыл сейф в стене. Внутри ярко блеснули драгоценные камни, извлеченные из живота управляющего Чина. Аргус сложил бриллианты в мешочек и убрал во внутренний карман.

– Что делать с детьми? – спросил помощник, закрыв ноутбук и передав его Аргусу.

Все ребята из деревни-призрака были спрятаны в его логове. Вопрос навел Аргуса на мысли о Фатиме. Попытка сорвать эту красную розу обернулась трагедией. Аргус снова запылал от злости, вспомнив, как она выпустила пулю ему в живот. Это был верх человеческой неблагодарности. Аргус сожалел, что прострелил ей лишь бедро, а не голову.

– Все сувениры, что не влезут в чемодан, придется выбросить.

Помощник по рации передал приказ Аргуса бандитам, охранявшим детей. Жизнь этих ребят для Аргуса значила даже меньше, чем рыбки в аквариуме. Ведь в мире полно несчастных голодных сирот.

Аргус взглянул на наручные часы: до полуночи оставалось пять минут.

– Время вышло. Интересно, сдержит ли твой парень обещание или сбежит? Наденем красивую одежду и пойдем проверять? – сказал Аргус и вразвалку подошел к девушке.

Моён набрала слюны и плюнула ему под ноги. Стерва! Аргус дал девушке пощечину и кивнул помощнику, подавая знак. Тот вышел за дверь и вскоре вернулся с жилетом, на котором была установлена бомба. Аргус, который сам пробыл какое-то время в заключении, не очень любил прибегать к подобным методам, но жилет с бомбой считал весьма неплохой идеей. Лицо Моён исказилось от ужаса.

Все шло по плану. В центре вертолетной площадки стоял Сичжин с пистолетом наготове. Аргус скорчил мину и неторопливо направился в его сторону. Позади него бандиты вели Моён, набросив ей на плечи пальто Аргуса.

– Я подготовил для тебя путь отступления. Вертолет прибудет в назначенное время. – Сичжин держался спокойно и уверенно, не сдвинувшись с места.

– Я просил только о плане побега, а ты любезно еще и гида предоставил? – съязвил Аргус.

– Я выполнил свою часть сделки, очередь за тобой. Отпусти заложницу, – потребовал Сичжин. Он смотрел на девушку через плечо Аргуса. – Ты ее ударил?

Сичжин перезарядил пистолет и передал по рации:

– Всем снайперам приготовиться.

Увидев рану на лице любимой, Сичжин потерял способность хладнокровно принимать решения. Даже капитан группы «Альфа» может утратить решимость и рассудительность, если дело касается женщины. Но было бы странно, если бы Аргус не подготовился к чему-то подобному. Он цинично ухмыльнулся Сичжину и снял с плеч Моён пальто. Сичжин пришел в ужас.

– Стоять! Стоять! Всем снайперам отбой! – закричал он так громко, что вокруг разлетелось эхо.

Аргус невозмутимо потряс беспроводным детонатором, который держал в руках. Ситуация была безвыходная. Если кто-то выстрелит в Аргуса и тот выронит детонатор, жилет на девушке взорвется. Сичжин запаниковал и по рации обратился к команде за помощью.

Наконец наступило условленное время. Вдалеке послышался звук вертолета. Аргус посмотрел на небо: вертолет подлетал к вилле. Один из помощников размахивал сигнальной палкой, указывая место для посадки. Лицо Аргуса постепенно становилось все злее.

– Хватит шутить, сажай вертолет. – Он повысил голос.

– Сначала отпусти девушку. Иначе этот вертолет никогда не сядет.

– Сначала я должен добраться до безопасного места. Иначе эта девушка умрет.

Не успел Аргус договорить, как кто-то вышел из темноты и встал рядом с Сичжином. Это был член группы «Альфа». Они обменялись фразами на корейском.

– Переведи, о чем они болтают, доктор, – приказал Аргус девушке.

– Они болтают о погоде. Мило спрашивают друг друга, как им нравится сегодняшняя погода.

Судя по равнодушному тону, Моён явно врал.

– Сдохнуть хочешь? – не выдержав, закричал Аргус и поднес пистолет к голове девушки.

Это был нужный момент. Пуля не задела Аргуса, лишь продырявила рукав пиджака. От неожиданности Аргус выронил пистолет.

– Ты с ума сошел? – Он угрожающе помахал детонатором.

– Да, я не в своем уме. Поэтому не вздумай пугать ее. Держись подальше и молчи. Твой противник – я. Возьми взамен в заложники

меня. – Сичжин постепенно повышал голос. Казалось, он потерял рассудок.

– Откажусь. Путешествовать приятнее с красивыми девушками.

– Если она сядет в вертолет вместо меня, то это путешествие точно не будет приятным. Ведь завершится оно в одном из союзных арабских государств. А там, согласно закону арабских стран, тебя допросят спецслужбы. Не убьют, но это будет очень мучительно.

– Арабам нет смысла так со мной поступать.

– Почему же нет? Ты надел жилет с бомбой на человека, который спас генерального секретаря Лиги арабских государств.

Аргус задумался: что все это значит? Он искоса взглянул на Моён: всего лишь красивая кореянка, упрямая и решительная, но в целом ничего особенного.

Нельзя было упускать момент. Пока Аргус разглядывал девушку, Сичжин тихо обсуждал что-то с группой «Альфа», а потом обратился к Моён на корейском. Корейского Аргус не знал и ничего не понял. А когда заподозрил что-то неладное, было уже поздно. Сичжин выстрелил в девушку. Пуля попала в шов на левом плече жилета, ровно в то место, где находился передатчик, связывающий бомбу с детонатором. В тот же миг другая пуля прошла насквозь через бедро Аргуса. Аргус выронил детонатор и упал. Зазвучали выстрелы, и бандиты Аргуса в растерянности разбежались. Сичжин раскинул руки, и Моён бросилась к нему в объятия. Жилет с бомбой не взорвался.

7

– Вы в порядке? Покажите губу, – сказал Сичжин, взяв Моён за подбородок и заставив посмотреть на него.

Моён дрожала так сильно, что зуб на зуб не попадал.

– Он... Включился... – С выражением дикого ужаса Моён посмотрела на жилет. Таймер на нем начал обратный отсчет: осталась всего минута и тридцать секунд. – Время продолжает идти... Его нельзя просто снять?.. – Моён схватилась за застёжки жилета.

– Остановитесь! Он взорвется, если попытаться его снять, – закричал сержант Чхве и со всех ног кинулся к Моён.

– Сколько это займет? – спросил Сичжин, крепко сжимая девушку в объятиях.

– Мне хватит минуты. Можно обезвредить ее в течение минуты. Не двигайтесь.

Сержант Чхве быстро достал из кармана универсальный нож и принялся обезвреживать бомбу.

– Я не двигаюсь... Я стараюсь не двигаться... – бормотала Моён, но все ее тело сотрясалось.

– Посмотрите на меня. Посмотрите мне в глаза. Помните мину и как я подшутил над вами? – сказал Сичжин, крепко сжав ладони девушки. – Вы тогда спросили меня, кто этот человек, что умеет обезвреживать мины складным ножом. Так вот он – это он. За пятнадцать лет службы, включая военную академию, я не видел ни одной бомбы, с которой он бы не справился. Он лучший специалист в нашей стране. Поэтому не переживайте. Мы ни за что не позволим вам умереть.

Моён закивала в ответ.

– Разборка бомбы прямо противоположна сборке... Бывают самодельные бомбы, в их устройстве непросто разобраться, но, к счастью, эта бомба собрана по американскому типу FM. Это просто дело времени, – уверенно сказал сержант Чхве.

– И все же... Осталось всего 50 секунд... Хотя бы вы убегите скорее подальше, – разрыдалась Моён.

– Вы не представляете, сколько всего мы можем успеть за 50 секунд! – Сичжин еще крепче сжал руки девушки.

– Готово. Снимаю, – сказал сержант Чхве. – Мне удалось снять жилет, но вот бомбу обезвредить не получилось. Взрыв произойдет. Прячьтесь!

Сержант Чхве снял с Моён жилет и запустил его в сторону опустевшей виллы.

– Ложись! – крикнул он.

Сичжин, не выпуская Моён из объятий, ринулся в противоположную сторону.

Бомба взорвалась с оглушительным грохотом, повредив при этом крышу и подняв огромный столб пыли.

– Большой босс, на девять часов! – услышал Сичжин голос Тэёна по рации.

Сичжин резко повернул голову влево. Из клубов пыли на него смотрело дуло пистолета, а за ним маячило лицо Аргуса. Сичжин

обнял Моён и рухнул вместе с ней на землю. В тот же миг раздались выстрелы, и он бы погиб на месте, не будь на нем бронежилета. Под градом пуль, собрав все силы, Сичжин слегка приподнялся.

– Забудьте это, – сказал он, одной рукой закрывая глаза Моён, а другой прицеливаясь в Аргуса.

Все три пули пришлись на жизненно важные органы. Так рядовой Райан встретил свою смерть. Сичжин снова повалился на землю и закрыл глаза. И увидел лицо, словно на фотографии, – лицо капитана Ким Чжинсока, ценой собственной жизни спасшего Сичжина и Аргуса. Он лучезарно улыбался. Сичжин крепко зажмурился, а по его щеке пробежала слеза.

8

Мёнчжу победила в войне с вирусом МЗ и теперь утонула в любви, которой ей так не хватало. Девушка ни на шаг не отходила от Тэёна: они то поминутно целовались, то вместе заваривали ramen, а в людных местах заговорщицки шептались и смеялись. С трудом избежав смерти, Мёнчжу хотела, чтобы Тэён не сводил с нее влюбленных глаз, и то и дело притворялась больной. Тогда Тэён бросал все, будь то важное дело или ложка во время обеда, и бежал к ней.

Жизни управляющего Чина тоже больше ничто не угрожало. Но его бриллианты пропали, и он рыдал ночи напролет. Драгоценные камни были переданы американской стороне, и теперь вряд ли Чин Ёнсу когда-нибудь их увидит. К тому же скоро его депортируют в Корею, где возьмут под арест. Зная о его дурных наклонностях и опасаясь побега, солдаты охраняли управляющего Чина двадцать четыре часа в сутки.

Легче всех перенес болезнь рабочий Кан, и за время пребывания в госпитале он просто-таки расцвел. Вернувшись в Корею, он собирался взяться за учебу и попробовать стать врачом – если позволят способности. По иронии судьбы благодарить за эту мысль ему бы стоило Ли Чхихуна: во время приступа управляющего Чина, когда доктор пришел тому на помощь, по телу Кана словно пробежал электрический разряд.

К счастью, у доктора Ли вирус МЗ не подтвердился. Первым эту новость сообщил ему рабочий Кан.

– Так я не заразился?.. Я не заразился! Я не умру! – радостно закричал Чхихун, проверив полученные результаты.

– Рады, что не умираете?

Вопрос прозвучал грубо, и лицо Чхихуна вытянулось.

– Я тоже, – поспешил сказать Кан Минчжэ. – Я тоже рад, что вы не умираете.

– Спасибо...

– Не нужно благодарностей. И извиняться не нужно. По крайней мере, я не собираюсь. Я подумал и понял, что всегда во всем винил других людей. В детстве винил маму, потом бедность – за то, что не мог пойти учиться, и общество – за то, что не мог устроиться на работу, здесь во всем винил бригадира... Это стало моей привычкой, поэтому я так себя повел – обвинил вас в том, что чуть не умер. Мне было очень страшно, пока я был заперт там, а винить в этом было некого. На самом деле я жив только благодаря вам... Потому что вы меня нашли.

Впервые рабочий Кан делился с кем-то тем, что было у него на душе. Ему стало так легко, он наконец сбросил с плеч свою тяжелую ношу.

– Спасибо, что вы так думаете, – ответил Чхихун, низко опустив голову.

– Я тоже. Я тоже благ...

– Тут вот...

– Что? Впрочем, неважно. Пойду я... Если вдруг снова захвораю, можно обратиться в вашу больницу «Хэсон»?

Чхихун едва не расплакался и быстро закивал. Так эти двое стали друзьями. Через открытое окно в комнату струились солнечные лучи, словно заверяя начало новых крепких отношений.

Санхён сразу же, как вернется в Корею, собирался поменять машину. Урук преподнес ему множество уроков, а самый важный такой: нужно есть то, что хочется, делать то, что хочется, и жить так, как хочется. При любой удобной возможности он упрашивал медсестру Ха помочь ему с выбором, но та неизменно отвечала, что не собирается выбирать чужую машину.

На магазине Даниеля появилась вывеска «Закрито». Не сказав никому ни слова, ни с кем не попрощавшись, он забрал с собой Ёхву и отправился в бедные страны, где нужны были врачи и медсестры.

Детей из логова Аргуса вызволила группа «Альфа» и передала ООН. Бандитам, которые по приказу Аргуса собирались «разобраться» с ребятами, Тээн лично переломал руки и ноги. Теперь они проходили лечение в американской больнице, после чего их ждал арест.

Аргуса, погибшего от пули Сичжина, ждало бесчестье. Тело его, без орденов и цветов, отправили на родину. Правительство Америки, которое в политических интересах закрывало глаза на его незаконную торговлю оружием, сделало вид, что ничего не знает. Смерть бывшего солдата оказалась печальной и бесславной.

Но история Сичжина и Моён на этом не закончилась. Их любовь еще не прошла всех испытаний, уготованных судьбой, и впереди ждал долгий путь друг к другу.

9

Похищение, плен, насилие, взрыв, перестрелка, ранение... Все это сильно пошатнуло состояние Моён, и ее положили в госпиталь. Несколько дней девушка ни с кем не разговаривала, словно от шока потеряла дар речи. Она не отказывалась от посещений, но, когда приходил Сичжин, закрывала глаза и притворялась спящей. Сичжин какое-то время сидел около девушки, потом тихонько гладил ее по голове и выходил из палаты, меряя шагами коридор. Но Моён молчала не потому, что не могла говорить, – слишком много мыслей роилось в голове.

Так прошло несколько дней.

Закончив утреннюю переключку, Сичжин, как всегда, побежал в палату Моён. Девушка сняла больничную одежду и, переодевшись в свой обычный наряд, сидела на кровати.

– Я войду ненадолго, – сказал Сичжин, постояв какое-то время у порога палаты.

Моён молча смотрела на него безразличным взглядом. Сичжин немного поколебался, после чего вошел внутрь и сел напротив.

– Как ваша рана? – неловко спросил он.

– Я была не в себе и все никак не могла спросить: как Фатима?.. – с трудом произнесла Моён.

– В порядке. Она проходит лечение в медицинском корпусе главного штаба. К счастью, с ней ничего серьезного, – улыбнулся

Сичжин – он был так рад услышать голос Моён, впервые за столь долгое время.

– Это правда? – Лицо Моён застыло, как у куклы.

– О чем вы? – Сичжин перестал улыбаться.

– Просто кажется, что вы часто мне врете. – Моён сделала долгий и глубокий вздох, как перед началом длинной речи, и продолжила: – Вы говорили, что ребят из деревни-призрака всех распределили. Но это было не так.

– Простите, что соврал. Просто я не хотел, чтобы вы переживали, – ответил Сичжин, опустив взгляд.

– Вот как. О чем еще вы врали, чтобы я не переживала?

– Больше ни о чем...

– Снова ложь. Кажется, теперь я поняла, почему вы лжете. Это не та ложь, из-за которой я могу закатить истерику, разругаться и расстаться с вами. За вашей ложью всегда стоит чья-то жизнь или политика; вы лжете во имя родины. А шутите вы лишь для того, чтобы прикрыть это все. Вы и дальше будете старательно шутить, чтобы скрыть то, о чем не можете сказать, и в итоге нам не о чем станет разговаривать. А я хочу делиться с вами всем. Например, что с утра разозлилась из-за какого-то олуха, загородившего въезд на парковку, что не могла решить, какой суп мне съесть на обед, что раздражена из-за того, что не пришла моя посылка. Было бы здорово, если бы я могла делиться с вами такими мелочами.

– Рассказывайте. Мне важно все, что вы мне говорите.

– Я знаю. Я вам верю. Но я не могу рассказывать о пустяках человеку, который закрывает других от пуль своим телом.

– Вы хотите со мной расстаться? – Сичжин побледнел.

– Я просто думаю... смогу ли я справиться с этим, – продолжала Моён, избегая взгляда Сичжина. – Обычно, когда говорят: «Мне было до смерти страшно», имеют в виду фильм ужасов или головокружительный аттракцион, а не град пуль и взрывы...

Девушка закончила и встала. Решительно, словно все уже обдумала, она вышла из палаты. Сичжин неподвижно сидел на стуле и смотрел на пустое место, где только что была Моён.

Наконец была назначена дата возвращения в Корею. Пациенты отправлялись на два дня раньше, в среду, а медицинский персонал вылетал в пятницу. Работники госпиталя испытывали легкую грусть оттого, что пришло время покидать Урук. Моён уже пережила эту грусть, но ее сердце было скованно другим тяжелым чувством.

После того как Моён поделилась своими переживаниями с Сичжином, она больше не виделась с ним. Мужчина избегал девушку, давая ей время подумать. Но Моён только сильнее переживала и нервничала из-за того, что его не было видно.

В среду утром Моён вместе с другими медиками провела последний обход и отправила всех пациентов в Корею. Если не считать нескольких больных из местных, все уже покинули свои палаты, и госпиталь опустел. Моён в одиночестве бродила по закоулкам медицинского корпуса, размышляя обо всем, что произошло. Малыш, отравленный свинцом, экстренная операция генерального секретаря Лиги арабских государств, день, когда она чуть не погибла, повиснув на краю обрыва, землетрясение, минное поле, вирус МЗ, дети из деревни-призрака, Аргус... События всплывали в памяти, будто сцены из фильма. И в каждой такой сцене присутствовал мужчина по имени Ю Сичжин. Он ни разу не струсил, всегда был честным и в любой ситуации очень очаровательным.

В окно Моён увидела Сичжина, выходящего из казармы. Он словно почувствовал ее мысли. Девушка безучастно за ним наблюдала. Сичжин нехотя направлялся к тренировочной площадке, по его лицу было трудно понять, о чем он думает. Набравшись смелости, Моён оторвалась от окна и вышла из госпиталя.

– Выпьете со мной кофе?

Сичжин сидел на большом валуне и смотрел на горы. Услышав Моён, он удивленно взглянул на нее.

– Только кофе делаете вы. Я буду в галерее, – спокойным голосом добавила Моён и, развернувшись, ушла.

В галерее она выбрала уголок, залитый яркими лучами солнца. Вскоре появился Сичжин с двумя чашками. В лице мужчины читалось смятение. Он протянул девушке одну из чашек, но Моён отказалась от кофе. Поднявшись, она пристально посмотрела на Сичжина. Он выглядел спокойным, но глаза его были наполнены грустью. Возможно, он принял ее поведение за желание расстаться. Моён

медленно подошла к Сичжину и крепко обняла за талию. Его руки были заняты чашками, и он не знал, как поступить, поэтому просто стоял на месте. Прижавшись ухом к груди Сичжина, Моён услышала, как ускоряется ритм его сердца.

– Сегодня утром у меня был обход. Юн Мёнчжу быстро идет на поправку, я очень рада. Попыталась найти резинку, чтобы собрать волосы, но не смогла, хотя обыскала все общежитие. Резинки постоянно теряются. – Моён подняла голову, чтобы взглянуть в лицо Сичжину. – Впредь я буду рассказывать все подобные мелочи.

Зрачки Сичжина расширились. А Моён продолжила:

– Я попробую с вами справиться. Поэтому вам тоже придется справляться с моей болтливостью.

Наконец поняв, что девушка имеет в виду, Сичжин расплылся в улыбке и радостно закивал. Моён опять прижалась лицом к его груди и снова заговорила:

– Но пообещайте мне кое-что. Дайте мне право волноваться. Я не могу волноваться каждый раз, когда вас нет рядом. Поэтому сообщайте мне, когда будете заняты действительно опасными вещами. Например, говорите, что отправляетесь в торговый центр, тогда я пойму, что у вас действительно сложное задание. Не нужно отшучиваться, когда на кону будет стоять ваша жизнь.

Сичжин кивнул.

– Тогда еще один вопрос. – Девушка отстранилась и с ехидной улыбкой спросила: – Я или страна? Спрашиваю всего один раз, поэтому подумайте хорошо над ответом.

– Пока – Кан Моён, – ответил Сичжин с ухмылкой.

– Пока? – нахмурила брови Моён.

– Вы же сами сказали, что спросите всего один раз.

Мужчина отдал девушке чашку с кофе и сел на каменные перила.

– Это было до того, как я услышала: «Пока – Кан Моён». Каким будет ответ во второй раз? – заворчала Моён, принимая кофе и присаживаясь рядом с мужчиной.

– Все равно Кан Моён.

– Правда? А как же родина?

– А родина не ревнует. Она просто в меня верит, – широко улыбнулся Сичжин и качнул своей чашкой, словно произнося тост.

– Что у меня за отношения такие? У кого еще родина будет свекровью, а страна золовкой? – произнесла Моён, надув губы, и сделала глоток кофе.

– Того, о чем вы переживаете, не произойдет. Я обещаю. – Сичжин опустил чашку и приобнял Моён за плечи.

– Не важно, – продолжила отпираться Моён.

– Красотка.

Во взгляде Сичжина открывался целый мир. Ласковые лучи солнца лились на их головы, словно благословляя.

– А, вот еще.

Разорвав длинные объятия, Сичжин достал что-то из кармана и положил на ладонь Моён.

– О! Вы хранили это? Все время?

Моён с удивлением разглядывала белый камешек на своей ладони. Тот самый камешек, который Сичжин подобрал на пляже Навайо.

– Теперь ваша очередь проверять. Вернетесь ли вы.

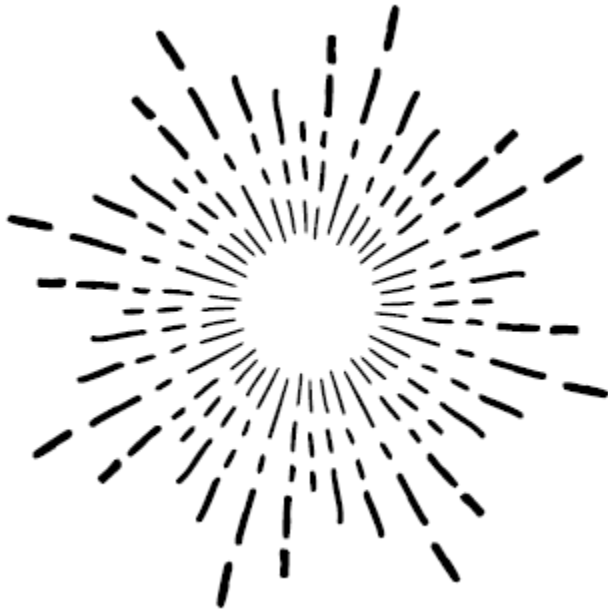
Моён крепко сжала камешек и закивала, счастливо улыбаясь.

– Вы славно потрудились.

– И вы, капитан.

Сичжин крепко прижал ее к себе, такую легкую, как пушинка. Их лица сблизились. Затрепетав, девушка прикрыла глаза. Его губы сначала легонько коснулись ее ресниц, а затем медленно спустились к ее губам.

Глава 6. Возвращение

1

В Корее будто перепутались времена года: небо было по-весеннему высоким и голубым, но с деревьев гинкго, высаженных вдоль дороги, свисали спелые плоды и осыпалась листва. Год назад осень для Моён означала лишь то, что больных простудой станет намного больше. Но эта осень была прекраснее остальных. Моён остро ощущала ее красоту и очарование. Она не знала, чем вызваны эти изменения: началом отношений? Воодушевлением после длительного отсутствия? Но пейзажи перед глазами Моён заставляли сердце девушки трепетать.

В то утро в сумочке Моён лежало заявление об увольнении. Еще по прибытии в Урук она решила швырнуть заявление в лицо председателю правления больницы. От одной мысли об этом бросало в приятную дрожь. В душе она мечтала открыть свою клинику прямо перед «Хэсоном», но по моральным принципам решила начать дело в Каннаме^[6]. Моён продолжала фантазировать вплоть до входа в больницу «Хэсон».

Все медики, которые вместе работали в Уруке, встретились перед входом в больницу, будто сговорились. Санхён пошутил, что жизнь в Уруке была похожа на шоу с элементами выживания, а в Корее он чуть не помер от скуки уже через несколько дней. Чхихун рассказывал о

своей тяжелой доле: жена доживает последние недели беременности, и не успел он приехать, как на него навалилось множество забот. И все же Чхихун широко улыбался, возбужденный мыслью, что скоро увидит своего новорожденного ребенка.

Болтая о всякой всячине, медики вошли в больницу и дружно остановились. Сотрудники больницы во главе с председателем правления выстроились в линию и громко зааплодировали. За ними на стене холла висел плакат с выведенными на нем большими буквами: «Приветствуем команду волонтеров нашей больницы! Вы проявили сердечность и мужество, мы гордимся вами». Моён и остальные стояли в растерянности, не зная, как реагировать.

– Вы все отлично поработали. Вам всем полагается премия за тяжелую работу в размере оклада. И вам нужно пройти полное медицинское обследование, – сказал председатель правления, протягивая букет Моён – руководителю медицинской бригады. – Ну вы даете. Отказались сесть в самолет, который был послан специально за вами. Вы хоть представляете, как я переживал из-за того, что вас туда отправил?

Еще немного, и Моён швырнула бы букет ему в лицо в ответ на эти приторные речи. Подавив в себе закипающий гнев, девушка покивала, приветствуя профессоров и медсестер, которых давно не видела, и зашагала в сторону отделения хирургии.

2

Обеденный перерыв закончился, и Моён, как и планировала, направилась в кабинет председателя с заявлением об увольнении в руках. Он сидел за столом и играл в компьютерные игры. Увидев Моён, мужчина обрадовался и с напыщенным видом поднялся со своего места, усадил девушку на диван и попросил секретаря принести чай. Его жесты были быстрыми и ловкими, поэтому отказать было невозможно.

– В тот день в отеле я погорячился, – сказал председатель, как только Моён собралась заговорить об увольнении. – Я думал, что могу себе это позволить. Но с тобой это не сработало... На самом деле я очень растерялся, поэтому...

– Поэтому я первая женщина, которая вас ударила? Это просто поразительно! Послушайте, господин... господин Хан Соквон, –

разгорячилась Моён.

– Как-как ты меня назвала?.. – переспросил председатель, не скрывая удивления.

– Я же говорила, что уволюсь сразу же, как вернусь в Корею. Так что вы больше не мой начальник. – Моён решительно бросила заявление на стол.

– Ну и что? У меня нет желания тебя отпускать.

Председатель бросил взгляд на заявление и вальяжно развалился, скрестив руки на груди.

– Есть еще вариант с вашим увольнением.

– Тебе правда обязательно так далеко заходить? Почему ты такая упрямая?

– Прошу утвердить мое заявление в течение недели.

Громко хлопнув дверью, Моён вышла из кабинета, ни на секунду не сомневаясь в своем светлом будущем. Но не прошло и мгновения, как ее уверенность разбилась вдребезги: она получила от банка отказ в ссуде. Перед глазами появилась картина: Моён безработная, Моён в тяжелой жизненной ситуации. Не только в Уруке жизнь была наполнена различными испытаниями, но и в Корее.

Доктор Пхё, которая знала про обстоятельства подруги, предложила пойти к председателю, попросить прощения и забрать заявление. Ради двух шагов вперед нужно было отступить на шаг назад. На самом деле Моён сама уже подумала про этот вариант. Но гордость не позволяла ей этого сделать.

Девушка послала сигнал бедствия Сичжину, который находился в Уруке. Сичжин, обещавший всегда выслушивать Моён, даже если речь шла о мелких переживаниях или о меню на обед, в ответ на ее причитания лишь упрекнул девушку: «Почему вы не подумали о том, чтобы подать заявление об увольнении после ответа из банка?» Мужчина, который появлялся в критический момент и спасал ее от смерти, сейчас ничем не мог помочь.

В итоге Моён решила поступиться собственной гордостью. Как и в предыдущую их встречу, председатель правления сидел за столом и играл в компьютерные игры. А вот поведение Моён изменилось на 180 градусов.

Развалившись в кресле, мужчина с выжидательным выражением смотрел на девушку.

– Я обдумала последние восемь лет, которые провела в больнице «Хэсон», начиная с интернатуры и до получения ученой степени. Все это время больница «Хэсон» была моей жизнью, моим смыслом, моей сущностью, – сказала Моён, положив на стол букет цветов.

– Ну зачем же вы так, директор Кан, – съязвил председатель, подвинув букет обратно в сторону Моён.

– Вы такой остроумный, – через силу улыбнулась Моён.

– Кажется, кому-то не дали ссуду после официального увольнения? – ударил по больному председатель.

– Простите за причиненные неудобства. Если вы дадите мне еще один шанс, я положу все силы на работу в VIP-отделе. – Моён поклонилась.

– Забудем про VIP-отдел, с этого дня вы работаете в отделении скорой помощи, – снисходительно бросил председатель.

– Вы сказали, отделение скорой помощи?..

Моён не ошиблась: жизнь наполнена испытаниями.

– У меня тоже есть гордость. Я не хочу, чтобы ты пребывала в комфорте. Все дежурства будут ночными, зашивать пациентов после операций тоже будешь ты. Думаешь, несправедливо? Считаешь, что это превышение должностных обязанностей из-за мести?

– Что вы такое говорите, председатель. Я считаю, что отделение скорой помощи – это клумба нашей больницы. И такой прекрасный цветок, как я, должен там работать.

– Вот и отлично. Когда надоест, приходи ко мне. Я сделаю тебя не просто врачом VIP-отделения, ты и сама станешь важной персоной.

Председатель достал из ящика заявление об увольнении Моён.

– Спасибо, что всегда так искренне обо мне заботитесь, председатель.

Было непонятно, улыбалась девушка или же ее лицо свело судорогой. Не переставая твердить себе про шаг назад и два шага вперед, она схватила со стола заявление и порвала на мелкие кусочки, не переставая раболепно улыбаться. Ей казалось, что вместе с этим заявлением она рвет и свое светлое будущее.

3

Моён вступила в кровавый бой в отделении скорой помощи, а Мёнчжу и Тэён по-прежнему оставались в Уруке, наслаждаясь

обществом друг друга. Они были так счастливы, что даже становилось страшно. Через два дня они собирались возвращаться в Корею. С одной стороны, Мёнчжу была рада, что вернется домой вместе с Тэёном, но не могла не переживать из-за встречи с отцом, ведь приказ Тэёну оставить службу все еще был в силе. Поэтому оба избегали грустных мыслей, как влюбленные, у которых не могло быть счастливого будущего. Конфликт еще только зарождался и ждал своего часа. Однажды Тэён уже спросил, что думает Мёнчжу по поводу его увольнения.

– Я бы хотел, чтобы ты жила в комфорте.

Девушка поинтересовалась, что это за внезапный бред, но Тэён в ответ лишь что-то невнятно пробормотал.

– То, что у тебя свой бизнес, не гарантирует успеха и комфортной жизни. Сейчас столько больниц разоряется, – холодным тоном произнесла Мёнчжу.

– Значит, ты продолжишь карьеру военного?

– Если честно, солдату не нужны выдающиеся навыки в хирургии. Главное – это правильно поставить диагноз, чтобы болезнь в условиях замкнутого пространства не распространилась дальше. От врача требуется быстрый диагноз, от военного – полная самоотдача. И в том и в другом я хороша.

В ответ Тэён неловко улыбнулся и посмотрел на девушку.

– Мне нравится моя работа военного врача. Если такой солдат, как я, уйдет со службы, для армии это будет огромной потерей. Разве не так? – строго спросила Мёнчжу, выпрямляясь.

– Я понял. Исправлюсь, – отозвался Тэён, мило щелкнув девушку по кончику носа.

Мёнчжу звонко рассмеялась и уткнулась лицом в грудь мужчины. На лице ее была улыбка, но душу раздирала боль: она знала, к чему эти вопросы. Девушка считала, что лучше выговориться и обсудить все вместе, но в то же время ее раздражал и расстраивал тот факт, что Тэён пытается справиться с проблемой в одиночку.

– Я люблю тебя, Юн Мёнчжу.

Это прозвучало так неожиданно, что Мёнчжу вздрогнула.

– Мы что, расстаемся? – спросила девушка, отстранившись от Тэёна и внимательно посмотрев ему в глаза. На мгновение ей показалось, что она увидела в уголках его глаз слезы. – Мы правда

расстаемся?.. – снова спросила Мёнчжу, невидимой рукой схватившись за сердце и пытаясь его успокоить.

– Люблю тебя. Очень сильно. И буду любить очень долго.

– Мы обычно и расстаемся из-за любви.

– Мы не расстанемся. Я обещаю.

С полным боли взглядом Тэён потрепал Мёнчжу по волосам. А она не могла понять, почему признание в любви звучит так печально.

– Отойди. Глаза слепит, – рассмеялась Мёнчжу, как девушка, впервые услышавшая признание в любви, но в глазах ее таилась грусть.

4

Вернувшийся в Корею Сичжин получил отпуск на четыре дня и три ночи – короткая передышка между урукской миссией и новым заданием. В первый же день отпуска они с Тэёном закатили трехдневную вечеринку с сочжу – так назывались посиделки в недорогой забегаловке под дешевую закуску и спаивание друг друга. Но этого им было вполне достаточно. Пока эти двое напивались, их после работы по разу навестили Моён и Мёнчжу. Они цокали языками и ворчали, но мужчинам от этого становилось только радостнее.

Проблема возникла на следующую ночь после окончания вечеринки. И этой проблемой, как ни странно, оказалась пьяная Моён. Определенно то стало наказанием Сичжину, который, вернувшись в Корею, вместо того чтобы позвонить любимой, решил устроить затяжную попойку. Сичжин глубоко раскаивался, ведя домой перебравшую Моён. Шатаясь, как пьяный осьминог, она всем телом наваливалась на спутника.

– О? Я помню это место, помню. – Язык Моён заплетался даже сильнее, чем когда она говорила на английском.

– Это хорошо. Ну-ка, снимайте обувь. – Сичжин наклонился, чтобы помочь девушке разуться, словно маленькому ребенку.

– Нет. Я не снимаю обувь в чужом доме.

– Я понял, но вам надо протрезветь. Давайте зайдем.

– Боже, вы меня сейчас клеите? Я не из тех женщин, которых можно пригласить на чашечку кофе.

– Это уже не опьянение, а маразм.

Сичжин усадил девушку на диван и включил в гостиной свет.

– Пиво? Я за! Отлично. Пропустим еще по стаканчику!

Сичжин улыбнулся – пьяная Моён была милой, – как вдруг почувствовал чье-то присутствие в доме. Сичжин инстинктивно закрыл Моён рот и заставил замолчать, после чего, не зажигая света, отправился на темную кухню. Навстречу ему из-за стола поднялась неясная тень.

– Мама?

Возглас Моён остановил Сичжина, который был уже готов наброситься на незваного гостя. Еще миг, и он заехал бы ему по голове ногой. Включив свет на кухне, он увидел женщину лет шестидесяти, с короткими волосами, одетую в розовый свитер и плиссированную юбку. Она выглядела как Моён, только на тридцать лет старше. Женщина неловко улыбалась.

– Я принесла закуски и решила спрятаться, услышав мужской голос. А кто этот молодой человек? – спросила она у Моён.

– Приятно познакомиться, я – друг доктора Кан Ю Сичжин, – запинаясь, растерянно произнес Сичжин.

– Мой друг? Правда? Мой парень красавчик, да, мам? – сказала Моён, широко улыбаясь, и взяла маму под руку.

– Стоит тебе выпить, и ты становишься сама на себя не похожа, – вздохнула мама Моён и скромно улыбнулась Сичжину. – В ней все хорошо, но вот пить совсем не умеет...

– Все в порядке. Это мило.

– Спасибо, что не сердишься на неё. А чем ты занимаешься? – спросила мама, опускаясь на стул и предлагая Сичжину присесть.

– Он военный. Должность – капитан. Остальные подробности – военная тайна. Вечно какие-то секреты, – ответила за него Моён.

– Ты военный? Значит, зарплату вовремя получаешь, а домой не часто приходишь? Неплохо.

– Мама, что ты такое говоришь? Это же ваша первая встреча.

– Да ведь я о тебе. Она почти живет в больнице. Но зарплата вовремя приходит.

Это было прямо как в анекдотах про мать и дочь. Сичжин рассмеялся. Ну надо же, он сохранял хладнокровие в самых опасных и непредсказуемых ситуациях, а сейчас не смог ничего придумать. Пожалуй, это куда сложнее и неприятнее, чем экзамен в военной академии. Тридцать минут тянулись так долго, словно прошло

тридцать лет. Радовало лишь то, что в глазах мамы Моён не было злости.

Длинный разговор закончился зевком Моён. Сичжин, следуя всем правилам вежливости, пообещал, что в следующий раз обязательно познакомится поближе, и вышел на улицу.

Назавтра, за день до возвращения в отряд, Сичжин пришел в кафе неподалеку от дома Моён, чтобы встретиться с ней. В этом небольшом уютном заведении, владельцами которого была пара молодоженов, ровно год назад Моён сказала ему: «Не на такую встречу я надеялась».

Сичжин сел на место, где в тот день сидела Моён, и посмотрел в окно. Солнечные лучи окутали стол, словно скатерть. Через какое-то время пришла Моён, заполнив все пространство ароматом своего шампуня, и села на стул напротив.

– Протрезвели? – спросил Сичжин, протягивая заранее заказанную чашку чая.

– Конечно, я не так уж и много выпила, – ответила Моён с притворным равнодушием.

– Вы много выпили. И превратились в другого человека.

– Да ладно, о чем вы? Это была я, и я все помню.

– Что-то не верится. Что сказала ваша мама? Я ей понравился?

– Вы встречались с моей мамой? Когда? – удивленно воскликнула Моён.

– Вы же все помните! Только попробуйте напиться с другим мужчиной! – ответил Сичжин, изображая, что хочет стукнуть девушку по носу.

– О, ревность, – негромко пропела Моён, излучая обаяние.

– Нет, вы еще не протрезвели.

– Смотрите, какой сообразительный.

У Сичжина завибрировал телефон: звонили из отряда.

– Здравия желаю. Капитан Ю Сичжин. Да... Да... Есть.

С угрюмым выражением лица мужчина закончил разговор. Моён перестала улыбаться.

– Меня вызывают в торговый центр, – сказал Сичжин с сожалением в голосе.

– А-а...

– Простите.

– Ничего. Как вернетесь, посмотрим вместе кино. Согласны? – Моён широко улыбнулась, чтобы Сичжин не чувствовал себя виноватым.

– Согласен. – Сичжин улыбнулся в ответ.

– Будьте осторожны.

– Спасибо.

5

В Пхеньяне в отеле «Корё» проходил первый этап переговоров между Севером и Югом, и в задачу группы «Альфа» входила охрана государственных лиц. Сичжин был капитаном охраны.

Группа «Альфа» и агенты политиков оделись в черные костюмы, у каждого были рация и пистолет, а на экстренный случай – ручка, которой можно было ударить противника в сонную артерию, чтобы тот скончался без мучений. Разместившись в черных седанах, они отправились на парковку отеля «Корё».

Сичжин и Тэён первыми вышли из автомобиля и осмотрели территорию. За ними прибыли агенты, защищающие начальника службы национальной безопасности. Начальник и агенты по очереди вошли в отель, группа «Альфа» осталась снаружи, чтобы следить за обстановкой. Сичжин увидел мужчин в черных костюмах, которые шли им навстречу. Одно лицо было ему знакомо: по глубокому шраму от виска до глаза он узнал старшего лейтенанта Ана. Ровно год назад тот взял в заложники солдат, охранявших границу демилитаризованной зоны. Насколько Сичжину было известно, старший лейтенант Ан когда-то состоял в одиннадцатом корпусе войск специального назначения, а на данный момент служил в главном бюро охраны. В его задачу входила охрана особых лиц со стороны Северной Кореи.

– Я отвечаю за безопасность со стороны Республики Корея, – сказал Сичжин, первым протягивая руку для приветствия.

– Я отвечаю за безопасность со стороны Северной Кореи. Организаторы встречи находятся на двадцать третьем этаже, – ответил старший лейтенант Ан с каменным лицом, отвергая рукопожатие.

Двое мужчин окинули друг друга подозрительными взглядами, оценив забавный факт, что ручки у них в карманах были одинаковые:

по иронии судьбы оба получили одну и ту же модель этого передового оружия.

– Как там ножевая рана, полученная от меня? Прошу прощения за это, – съязвил старший лейтенант Ан, скосив глаза на ручку в кармане Сичжина.

– Вас понизили до охранника из-за того, что проиграли мне? Прошу прощения за это.

– А ты все такой же. Тогда, может, избавимся от ручек и сразимся еще раз один на один?

– А кто потом за меня отчет писать будет? К тому же я не поддаюсь даже в гостях.

– И мыслишь ты все так же. Знай, тебе повезло, что ты здесь в качестве гостя. То, что два солдата вроде нас с тобой смотрят сейчас в одну сторону, не значит, что наступил мир.

– Тогда разреши попросить об услуге, раз уж я гость. Можем поесть нэнмёна^[7] на обед? Я очень хочу попробовать традиционный нэнмён из Пхеньяна, – пустословил Сичжин.

Старший лейтенант Ан пристально разглядывал его...

6

Отдежуривав четыре дня подряд, Моён была измотана и душевно, и физически. Особенно тяжело приходилось на рассвете, когда поступало много пострадавших в авариях.

По истечении «золотого часа»^[8] пациенты нередко умирали, чаще всего потому, что отказывались от лечения в мелкой больнице и настаивали на отправке в более крупную. У врачей их упрямство вызывало злость и одновременно жалость.

Пациент, отчет о смерти которого заполняла Моён этим утром, был как раз из таких. Проведи они операцию хотя бы на час раньше, человека можно было спасти, но из-за транспортировки в больницу «Хэсон» они упустили время. Опекун пострадавшего переложил всю ответственность на врача. Вины Моён в этом не было – она сделала все что могла, но ничто не вернуло бы пациента к жизни.

В девять часов утра, измотанная, с опущенными от усталости плечами, Моён направилась к стойке медсестер отделения хирургии. Она проверяла карты пациентов, переведенных из отделения скорой

помощи, когда за спиной услышала голос, которому совсем не обрадовалась:

– Стараешься показать всем, что работала?

Развернувшись, Моён увидела доктора Ким – та смотрела на нее, усмехаясь.

– Рада видеть. Как дела? – рассеянно ответила Моён.

– Говорят, ты роман крутила во время волонтерства. Слышала, он военный? – продолжала молотить языком доктор Ким.

– А ты пациентов не путала, палатами не ошибалась, пока меня не было? – едко ответила Моён, отворачиваясь.

– А ты забавная. После скандала с председателем прошло-то всего ничего, а ты уже другого нашла. Тебя же из-за этого уволили из VIP-отдела?

– Доктор Ким. Я очень многое осознала за тот месяц, что была волонтером. Мы здесь все – счастливые люди. Так что и ты будь счастлива. И навыки подтяни, пока будешь счастлива.

– Не выпендривайся. Поставила несколько вакцин да сфоткалась для виду, а строишь из себя Швейцера.

Моён сжала кулаки, борясь с желанием снова вцепиться в волосы этой мерзавке.

– О? – удивленно воскликнула Моён, увидев выходящего из лифта Сичжина. – Торговый центр уже закрылся?

Моён оставила доктора Ким позади и направилась к Сичжину.

– Да. Я пытался подгадать к концу вашего рабочего дня и закончил пораньше.

– Но торговые центры еще работают, – вмешалась доктор Ким.

– Этот торговый центр ты себе даже представить не можешь. Не лезь, – отрезала Моён.

– Я уж точно лучше тебя в торговых центрах разбираюсь. А кто это? Не познакомишь нас? – Доктор Ким кокетливо посмотрела на Сичжина.

– Тебя вызывают. Кажется, это срочно, – сказала Моён, указывая на карман ее халата.

– Я не взяла с собой телефон. Меня зовут Ким Ынчжи. Я подруга доктора Кан. Приятно познакомиться, – проговорила доктор Ким, сделав шаг в сторону Сичжина.

– Меня зовут Ю Сичжин. Я – парень доктора Кан. Рад познакомиться, – аккуратно ответил Сичжин, сделав два шага назад.

– Не стоит слишком радоваться, – пробубнила себе под нос Моён.

– А, так вы тот самый парень, про которого ходят слухи... – недовольно ответила доктор Ким.

– Я пошла домой, – сказала Моён, после чего передала карты медсестре, схватила за руку Сичжина и быстрым шагом направилась к лифту.

– Рад познакомиться? Рад познакомиться?! С чего бы это? Чему тут радоваться? С ума все походили, – сердито ворчала Моён. К счастью, в лифте они были одни.

– Вы это обо мне? – спросил Сичжин.

– Нет. Это я о той лисице.

– Кажется, я пришёл в неподходящий момент, – покачал головой Сичжин.

Лифт остановился на первом этаже.

– А вы сразу не поняли, что мы далеко не друзья? Я так старательно показывала, что ненавижу ее, но вам нужно было познакомиться. Вы же такой скрупулезный человек, имеете дело с минами, но не понимаете элементарных вещей? – бухтела Моён, первой выйдя из лифта.

– Вы что, ревнуете? Если бы вы знали, кого я сейчас встретил, то не стали бы так себя вести.

– И кого же? Председателя, что ли? – без задней мысли спросила Моён.

– Да.

– Вы не поранились? Я так переживала. Вы хотя бы поели? Как же так, даже не поели. Пойдемте, я что-нибудь вам куплю. – Моён внезапно заговорила нежным голосом и потопала вперед.

– Неподходящий момент продолжается.

– Ух ты, посмотрите, какой красивый фонтан. Это стиль рококо? – воскликнула Моён, глядя на фонтан, стоявший перед входом в больницу. Она видела его каждый день на протяжении последних десяти лет.

– Да стойте вы. Давайте обсудим председателя поподробнее, – сказал Сичжин, следуя за кружившей вокруг фонтана Моён.

– Вау, смотрите, как свет меняется.

– Вау, смотрите, как выражение лица меняется. Стойте, я вам говорю. – Сичжин поймал Моён за руку.

– Зачем? Что там подробно обсуждать?

Моён резко развернулась, чуть не врезавшись носом в лицо Сичжина. Он поднял руку и положил ладонь на шею девушки.

– Что вы делаете? – спросила Моён, отпрянув.

– Думаю, что с размером я угадал, так что должно подойти. Я купил подарок. – Сичжин достал из кармана коробочку для украшений и протянул девушке.

– Вы сейчас размер моей шеи измеряли? Хотите задушить? – удивленно спросила Моён, принимая коробку и открывая крышку. В коробочке была цепочка с подвеской в виде снежинки.

– Просто захотелось прикоснуться к вам. – Сичжин взял цепочку и надел на шею Моён. – Нас ждут Мёнчжу с Тэёном. При них дарить было бы неловко. Красиво.

– Обычно сначала спрашивают: «Вам нравится?»

– Вам нравится?

– Да! Очень красиво!

– Прекрасно, – рассмеялся Сичжин.

– Тогда идем. Только я не из тех женщин, которые за подарок готовы все забыть.

– Конечно. Хоть вы и улыбнулись.

– Это правда, – продолжала твердить Моён, не переставая улыбаться.

Так в спорах и пререканиях пара добралась до места встречи – бранч-кафе с широкой террасой. Мёнчжу и Тэён приехали раньше и заняли столик, Моён и Сичжин приветственно им помахали. Две пары сели друг напротив друга. Подошел официант, принес воду и меню и, явно узнав парней, сказал:

– Давно не виделись. У вас новые девушки?

Лица Моён и Мёнчжу застыли.

– В прошлый раз они были с волком и кроликом. С плюшевыми, – лукаво улыбнулся официант и ушел.

– Когда вы сюда приходили? И что еще за плюшевые игрушки? – спросила Мёнчжу, сделав глоток воды.

– Однажды мы чуть не погибли в драке двое против семнадцати, потому что твоему парню приспичило отыскать телефон с твоими

фотографиями. Это была самая тяжелая битва в моей жизни, – ответил Сичжин.

– Какие такие фотографии? Ты же все удалил! – Мёнчжу схватила телефон Тэёна и открыла папку с фотографиями.

– Я не говорил, что там фотографии Мёнчжу, – рассердился на Сичжина Тэён.

– Это была не очень почетная, но славная битва. Да-да, та самая, что произошла перед траурным залом больницы «Хэсон». – Сичжин ослепительно улыбнулся Моён.

– А, та драка, которую я видела? На скрытых камерах? – вспомнила Моён и легонько стукнула Сичжина по ноге.

– Если подумать, это была наша первая встреча. – Сичжин протянул Моён кулак, изображая хипхопера.

Моён широко улыбнулась и тоже протянула кулак.

– Серьезно? Здесь нет моих фотографий? Но как ты мог удалить абсолютно все мои фотографии? А это что такое? Ты подрабатываешь втайне от меня? Машинами торгуешь? – спросила Мёнчжу, пролистав всю галерею.

Сичжин и Моён с любопытством взглянули на экран телефона. Вся галерея состояла из автомобильных номеров.

– И правда, что это? Мы из-за этого рисковали своими жизнями? – спросил Сичжин, закашлявшись от абсурдности ситуации.

– Для меня это фотографии Мёнчжу, – ответил Тэён, забирая телефон.

– У меня желтое лицо? – Мёнчжу недоуменно уставилась на Тэёна.

– Я ничего не понимал в свиданиях, поэтому каждый раз мы с Мёнчжу пили. Разумеется, выпив, я не мог подвозить ее до дома, и приходилось вызывать такси. Это автомобильные номера тех такси. Все фотографии, на которых мы вдвоем, я удалил. А эти не смог, уговаривая себя тем, что на них нет Мёнчжу... Поэтому и хранил, – объяснил Тэён, ласково взяв Мёнчжу за руку.

Девушка часто заморгала, готовая разрыдаться.

– О! Старший сержант Со, вы такой крутой, – растрогалась Моён, захлопав в ладоши.

– Кажется, я только что снова влюбилась, – мило произнесла Мёнчжу, положив голову на плечо Тэёну.

– Вы не забыли, что вы тут не одни? – пробурчал Сичжин.

– Кстати, Юн Мёнчжу, ты знаешь пароль от телефона Со Тэёна? – внезапно спросила Моён.

– Да, я сама его поставила. Этот мужчина думает, что это единственный возможный вариант, – гордо ответила Мёнчжу.

– При покупке телефона дают маленькую книжечку. Там подробно расписано, как им пользоваться. – Сичжин посмотрел на Тэёна с жалостью.

– Не важно. Для меня в этом мире возможен лишь один пароль, – ответил Тэён, положив руку на плечо Мёнчжу.

– Мы пойдем, – подмигнув, сказала Моён.

– А мы еще не ушли? – поддержал Сичжин.

Моён, не удержавшись, рассмеялась. Мёнчжу с Тэёном и даже Сичжин тоже громко расхохотались. Эти четверо не собирались скрывать свои чувства, они были совершенно счастливы. Они ели и пили кофе, обсуждали серьезные темы, но при этом находили место для шуток.

Осень потихоньку вступала в свои права, и их любовь с каждым днем становилась все крепче.

7

Этим вечером Тэён, проводив Мёнчжу, приехал домой и сел за стол. На столе лежало заявление об увольнении. Он написал его сразу же, как вернулся в Корею, но так и не подписал. И дело было не в том, что он сомневался в своем решении. Он просто хотел еще хотя бы недолго побыть военным. В смятенных чувствах он посмотрел на форму, которая висела на стене. Он выбрал судьбу военного, когда бросил школу и бродил по темным закоулкам жизни, не зная, чем заняться. Да, трудностей было много, но пользы этот выбор принес все же больше. Прими он тогда другое решение, он бы никогда не встретил таких друзей, как Сичжин, сержант Им или младший сержант Кон. Но теперь он все это бросал. И все ради того, чтобы держать за руку любимую женщину. Тэён уверенно взял ручку, будто то была рука Мёнчжу, и заполнил последнее пустое поле заявления.

В комнате было темно, слабый свет исходил лишь от уличных фонарей. Ночь спускалась на землю, но через несколько часов она уйдет. «Если исчезнет темнота, значит, наступило утро. Даже если

уйду со службы, жизнь продолжится», – подумал Тэён, положив заявление об увольнении в конверт и запечатав его. Отныне пути назад не было. Теперь единственным светом в жизни Тэёна была Мёнчжу.

Тэён отдал заявление руководству сразу же, как пришел на работу. Избегая сослуживцев, он бродил по тренировочной площадке. Новый день расцвел красками, а в его душе все еще царила темнота.

После обеда его вызвал к себе генерал-лейтенант Юн. Открыв дверь и войдя в кабинет главнокомандующего, Тэён застыл: Мёнчжу в обществе отца попивала чай.

– О? Я сорвала куш. – Мёнчжу приветственно замахала рукой.

– Честь имею. Я пришел, потому что меня вызвали. – Тэён отдал честь генерал-лейтенанту, но прежде взглядом поздоровался с Мёнчжу.

– Я получил отчет. Выпьем чаю. Присядь, – резко сказал генерал-лейтенант Юн.

– Спасибо за предложение, но в другой день и в другой обстановке, – ответил Тэён, не желая говорить при Мёнчжу.

– Ну что ж. Итак, ты принял решение? – Генерал-лейтенант Юн откинулся на стуле, достал что-то из ящика и положил на стол. Это была папка с документами.

– Что это? – спросила Мёнчжу, схватив документы.

– Заявление об увольнении Со Тэёна, – уверенно ответил генерал-лейтенант Юн.

– Папа!.. – Мёнчжу уронила документы на пол.

– Да, это так. Я уйду со службы, – решительно сказал Тэён.

– Ты в самом деле это сделал? Ты заставил его бросить службу? Но ведь я так тебя упрашивала! – набросилась Мёнчжу на отца.

– Лейтенант Юн слышала наш разговор. Когда она была на грани смерти из-за вируса, она попросила об одолжении, поставив свою жизнь на кон. Попросила дать тебе одобрение, если она выздоровеет. Позволить тебе остаться на службе, – объяснил Тэёну генерал-лейтенант Юн.

– Это договоренность между вами и лейтенантом Юн. Ко мне она отношения не имеет, – упрямо ответил Тэён.

– Со Тэён! – выкрикнула Мёнчжу с дрожащими губами, чувствуя, что ее предали.

– Мой выбор – лейтенант Юн. Если за этот выбор нужно будет заплатить, я с радостью это сделаю. Я оставлю службу. – Тэён был

непоколебим.

– Кто так решил? Нам нужно поговорить. Выйдем, – сказала Мёнчжу, поднимаясь, и вышла из кабинета.

– Я могу идти? – уважительно поинтересовался Тэён и встал.

Генерал-лейтенант кивнул. Тэён тактично отдал честь и покинул кабинет.

Мёнчжу стояла на улице и, ужасно нервничая, ждала Тэёна. Тэён ненадолго остановился, сделал глубокий вдох и медленно направился к девушке.

– Как ты мог так поступить? Как ты мог так об этом мне сообщить? Как? – кричала Мёнчжу с покрасневшим от злости лицом.

– Я понимаю, что ты чувствуешь... – сказал Тэён, попытавшись приблизиться к девушке.

– Это неправда. Если бы понимал, никогда бы так не поступил!

– Я принял это решение, чтобы быть с тобой. Думаешь, мне оно легко далось?

– Нелегко. Знаю. Но как же я? Думаешь, мне было легко? Давать обещание отцу ценой собственной жизни, когда я была на пороге могилы. Думаешь, мне легко было игнорировать собственную совесть?

– Тогда зачем ты это сделала?

– Потому что ты постоянно сбегал. Где ты был, пока я сражалась с отцом? Ты же постоянно убегал! Ты должен был быть рядом. Ты должен был сражаться вместе со мной! А ты? Может, я для тебя просто шутка? Ты не сказал ни слова, ничего не обсудил со мной...

– Я пытался, я много раз пытался! Да, я сбегал и не отвечал на звонки, но только потому, что ты не хотела меня слушать. А теперь еще эта просьба отцу... Или это шутка такая? Может, я вообще для тебя просто шутка?

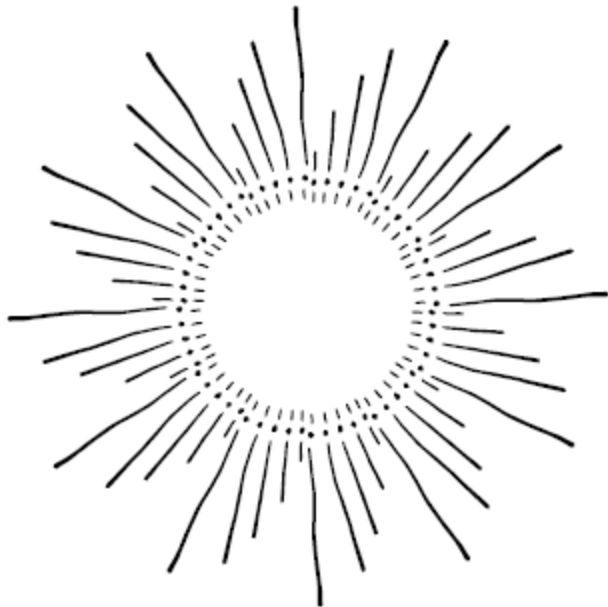
– Как ты можешь такое говорить? Я хотела, чтобы папа понял...

– Значит, ты правда не воспринимала меня всерьез. Мне нужно не понимание, а признание! Я хочу, чтобы главнокомандующий выбрал меня не потому, что об этом попросила его дочь, а потому, что я – это я! Я пытался доказать, что могу сделать все ради его дочери, вот почему нужно выбрать именно меня. Но если главнокомандующий выберет меня только потому, что этого хочет его дочь, то я в этом не участвую.

Резкость Тэёна ранила душу Мёнчжу.

– Хорошо. Не нужно. Давай прекратим. – Мёнчжу разрыдалась. – Если тебе настолько некомфортно со мной, то будь счастлив в одиночестве. Это я искренне.

Глава 7. Торговый центр

1

Моён никогда не была большой поклонницей торговых центров. Работа и дом составляли всю ее жизнь, поэтому девушка не тратила на шопинг больше одного часа. В ее представлении, в торговых центрах задорого продавались вещи известных брендов, но все то же самое можно было купить на рынке. Теперь слова «торговый центр» вызывали у нее другие мысли, ведь ее мужчина время от времени пропадал в таких местах. Но требовался ему там не толстый кошелек, а полная обойма патронов. И каждый раз девушка нешуточно переживала.

Несколько часов назад Сичжин прислал сообщение, что отправляется в торговый центр. В ответ она пожелала ему остаться невредимым и поскорее возвращаться; ее же ждал нескончаемый поток пациентов в отделении неотложки. В этот день случилось множество аварий, и Моён была страшно занята, но время от времени она думала о Сичжине. Она приняла твердое решение забыть обо всем и поверить любимому.

Моён стояла у стойки регистратуры и заполняла карты пациентов. С громким воем сирены перед отделением остановилась машина скорой помощи. Моён сразу же бросилась к ней.

– Огнестрельное ранение! – крикнул врач скорой помощи, выкатывая носилки.

У Моён мороз побежал по коже. Лишь увидев человека на носилках – мужчина лет тридцати со шрамом на лице, – девушка успокоилась. Но тут приехала еще одна скорая, и тоже с огнестрельным. Мужчина был ранен в плечо и бедро, повязки пропитались кровью. Девушка подошла ближе, чтобы проверить его зрачки, и закричала. Это был Сичжин.

– Пульс становится все слабее! – крикнул Чхихун Моён, которая была бледнее бумаги и дрожала как осиновый лист.

– Ю Сичжин, посмотрите на меня. Посмотрите. Вы меня слышите? Почему вы приехали ко мне в таком виде? Придите в себя! – рыдала Моён, припав к Сичжину, который был без сознания.

Медсестра Ха взяла ее за плечи и приобняла. Сичжина переложили на каталку и быстро завезли внутрь больницы. Моён попыталась взять себя в руки, приказала себе не реветь и побежала внутрь здания.

– Остановка сердца!

Прикрепленный к пациенту монитор издал звук, сообщающий об опасности.

– Заряд на 150 джоулей!

Моён взяла дефибрилляторы и приступила к сердечно-легочной реанимации. Показания на мониторе не изменились. Моён увеличила мощность – безрезультатно.

– Раз, два, три! Раз, два, три! Вернись... Вернись, прошу тебя!.. – кричала Моён, забравшись на койку Сичжина, и начала делать непрямой массаж сердца. – Не надо... За что ты так со мной? Пожалуйста... Прощу тебя, приди в себя, засранец!

Девушка сделала еще несколько толчков и упала на грудь Сичжину.

– А это больно...

Моён не поверила своим ушам: в момент, когда она уже сдалась, послышался такой родной голос.

– Есть пульс! – оповестил Чхихун.

Моён поднялась. Монитор показывал нормальные цифры.

– Ю Сичжин, вы меня слышите? Вы знаете, где находитесь, видите меня? Слышите меня? – спрашивала Моён, с трудом сдерживая слезы.

– Старший... лейтенант Ан... – были первые слова Сичжина, едва он вернулся к жизни.

– Что? – спросила в ответ Моён, вытирая слезы с глаз.

– Тот, которого привезли вместе со мной... Пациент с огнестрельным ранением. Он выжил?

– Да кто он такой? Сейчас не время переживать о других! Вы только что с того света вернулись. Если бы сердце не запустилось спустя минуту, вы бы умерли! Я бы не смогла вас спасти! – говорила Моён, не способная поверить в происходящее.

– Вы сегодня... очень красивы.

– Вот ты дурак! И почему я с таким встречаюсь... – зарыдала Моён.

– Простите меня. Но все же что с тем парнем? – Сичжин попытался сесть.

– Куда вы собрались? Кто этот человек? Это с ним вы подрались? Это он вас ранил?

– Нет. Он друг... Не очень близкий, но друг. Где он?

2

Не слушая врачей, едва открыв глаза, Сичжин отправился на поиски старшего лейтенанта Ана и обнаружил его в кабинете травматологии отделения скорой помощи. Старший лейтенант взял в заложники медсестру Ха, видимо, в тот момент, когда она оказывала ему первую помощь, – раны его были толком не перевязаны. Младший сержант Кон держал его на прицеле.

– Не подходите! Если притронетесь ко мне, я всех убью! – кричал старший лейтенант Ан, размахивая скальпелем.

Но, кажется, всех вокруг больше беспокоил его северокорейский говор, чем скальпель.

– Если вы не позволите к себе прикоснуться, то вы тут первым умрете. Вы потеряли слишком много крови, – даже глазом не моргнув, холодно произнесла медсестра Ха.

Пройдя огонь и воду в Уруке, она словно и не заметила, что ее взяли в заложники. Казалось, больше переживал младший сержант Кон, который пытался спасти медсестру.

Сичжин появился, прихрамывая на одну ногу, опустил пистолет младшего сержанта Кона и подошел к старшему лейтенанту Ану.

– Мы убрали оружие, поэтому позволь врачу тебя вылечить, – решительно сказал Сичжин.

– Почему я должен верить южнокорейским врачам? Кто сможет гарантировать, что я выйду живым из операционной?

– Сейчас нужно думать не о том, что произойдет в операционной, а о том, что происходит вне ее. Юг или Север – не важно; единственный, кто может тебя спасти, – это врач.

– Не нужно мне ничего! Не двигайся...

В этот момент старший лейтенант Ан потерял сознание и упал бы на пол, но медсестра Ха ловко подхватила его. У раненого наступил шок от потери крови. В кабинет вбежала Моён и кинулась к старшему лейтенанту Ану, проверила его зрачки и приказала немедленно везти в операционную. Сичжин взял ее за руку и попросил лично провести операцию. Девушка покосилась на него и подумала, вернется ли к ней когда-нибудь ее любимый мужчина, а не достойный военный. Но она не могла отказать ему в просьбе ни как врач, ни как возлюбленная.

Операция проходила в напряжении. К счастью, обошлось без пневмоторакса и остановки сердца. Сердечный ритм тоже был в норме.

Моён взяла скальпель и разрежала кожу в области пулевого ранения. Щипцами она осторожно извлекла пулю. Кровь брызнула ей в лицо. Санхён убирал излишки крови при помощи отсоса, а Моён накладывала швы. Следующим на очереди было пулевое ранение на плече. Осмотрев пораженное место, Моён округлила глаза от удивления, потому что рядом с отверстием от пули был свежий разрез.

– Что это? Не похоже на пулевое ранение. Не знаю, кто его зашивал, но это никуда не годится, – сказал Санхён, странно взглянув на ранку.

– Внутри что-то есть.

Моён раздвинула края разреза при помощи пинцета и достала какой-то предмет. Это была карта памяти размером с ноготь. Санхён встретился взглядом с Моён. Мысленно послав друг другу сигнал хранить эту тайну, они завершили операцию.

Когда все закончилось, Моён взяла карту памяти и направилась в палату к Сичжину. Подключенный к капельнице, он сидел на кровати и разговаривал по телефону. Как только девушка вошла, он сразу же положил трубку – видимо, ей этого слышать не полагалось. «Кто же я для этого мужчины?» – закрутилась обидная мысль в голове у Моён. Пожалуй, самым неприятным было то, что всегда, даже сейчас, он оставался солдатом Республики Корея.

– Как все прошло? – спросил Сичжин, как и положено военному.

– Что именно? – съязвила Моён.

– Операция.

– Для начала мы вернули его к жизни и перевели в палату. Он пока без сознания. Но кроме него есть еще кое-кто, кого тоже только что вернули к жизни. И этот кое-кто, похоже, видит во мне лишь врача. Этот врач побывал в аду, спасая окровавленного любимого с остановкой сердца, хотя совсем недавно он был в порядке.

– Простите.

– И это все? Объяснений опять не будет? Не поинтересуетесь, в порядке ли я? А неблизкого друга искали, как сокровище! Как только поправитесь, я лично вас прибью. И это отдавать не стоило бы, – сказала Моён, доставая из кармана карту памяти и протягивая ее Сичжину.

– Что это?

Как только Сичжин протянул руку, дверь в палату открылась. Вошел Чхихун, толкая перед собой каталку, на которой лежал прикованный наручниками старший лейтенант Ан. Сичжин быстро спрятал карту в кулаке и сунул в карман.

– Почему этот пациент здесь? – спросила Моён у Чхихуна.

Чхихун взглядом указал назад. В палату вошли Тэён и сержант Чхве, одетые в черные костюмы. Тэён обратился к Моён:

– Честь имею! С этой минуты эта палата находится под нашей защитой. Допуск медицинского персонала частично ограничивается. Рассчитываем на ваше содействие.

На работе эти мужчины становились совсем другими людьми.

3

Они встретились в гостинице «Корё» в Пхеньяне. Сичжин попросил угостить его тарелкой пхеньянского нэнмёна, и старший

лейтенант Ан, немного посомневавшись, отвел Сичжина и команду «Альфа» в ресторан при отеле. Управившись с лапшой, Сичжин сказал, что вернет долг за вкусный обед в Сеуле, на что старший лейтенант Ан ответил, что во время вторых переговоров Юга и Севера он будет в отпуске. «Почему же тогда он появился вчера в отеле “Сеул”? И что за люди его преследовали?» – размышлял Сичжин.

Вчера в два часа дня Сичжин взял ребят из группы «Альфа», чтобы заранее осмотреть территорию отеля «Сеул», в котором проводился второй этап переговоров между Южной и Северной Кореей. Личную охрану важных персон взяла на себя команда телохранителей Голубого дома, «Альфа» же была на подстраховке, держа на прицеле комнату для переговоров на семнадцатом этаже и патрулируя окрестности.

Сичжин отправил сержанта Има и младшего сержанта Кона на крышу соседней высотки, а сам вместе с Тэёном вышел на дорогу перед отелем. Под ясным осенним небом прогуливалось множество людей. Вдруг мимо Сичжина быстро прошел какой-то мужчина в кепке, закрывающей глаза. Сичжин остановился и обернулся, встретившись глазами с Тэёном. Их мысли совпали. Даже под кепкой они узнали старшего лейтенанта Ана. Сичжин и Тэён развернулись и бросились за ним. Старший лейтенант Ан спиной почувствовал преследование и побежал, намереваясь спрятаться на подземной парковке отеля. Сичжин рукой послал Тэёну знак: разделяемся и преследуем по отдельности. Тэён направился к выходу с парковки, а Сичжин – ко входу. Старшего лейтенанта они обнаружили за столбом у третьего запасного выхода.

– Старший лейтенант Ан Чончжун! Почему вы здесь? – тяжело дыша, спросил Сичжин и навел пистолет.

Подоспел Тэён и притаился за спиной с оружием наготове. Старший лейтенант Ан, не оказывая никакого сопротивления, вышел из-за столба с поднятыми руками, что не было свойственно бойцу войск специального назначения.

– Я не доверяю своим, поэтому приехал сюда в поисках друга. Отправь меня на Север. – В глазах старшего лейтенанта Ана не было ни капли сомнения.

– Ты просишь не укрытия на Юге, а отправки на Север? – переспросил Тэён, не веря своим ушам.

Сичжин удивился не меньше. И в этот момент прозвучали выстрелы: огонь вели из припаркованного черного фургона. Старший лейтенант Ана схватился за живот и упал. Сичжин и Тэён пригнулись, спрятались за ближайшим автомобилем и открыли ответный огонь. Двигатель фургона заработал, и машина двинулась в сторону старшего лейтенанта Ана. Неизвестные начали через окна палить по нему из пулеметов. Вдвоем Сичжин и Тэён не смогли бы оказать сопротивление. Нападавшие подхватили старшего лейтенанта Ана под руки и усадили в фургон. Все как один были в масках, поэтому нельзя было даже понять, из какой они страны. Сичжин и Тэён разделились и бросились наперерез фургону.

Сичжин помчался к выходу с парковки и оказался там на мгновение раньше. Преградив дорогу, он направил пистолет на фургон, но водитель и не думал сбавлять скорость. Мужчина на переднем сиденье выпустил по Сичжину несколько пуль, они попали ему в плечо и бедро и прошли насквозь. Тело обожгло болью, но Сичжин не сдвинулся с места и открыл ответный огонь. Последнюю пулю он направил в потолок, запустив противопожарную систему. С потолка полилась вода, отчего фургон потерял управление, и его занесло. Тэён подоспел вовремя и выстрелил по колесу автомобиля. Машина врезалась в стену и остановилась. Одновременно с этим на парковку ворвалась группа «Альфа» и схватила неизвестных, а Сичжина и старшего лейтенанта Ана на машинах скорой помощи доставили в больницу «Хэсон».

Пока Сичжин находился в больнице, он кое-что разузнал о людях в масках, преследовавших старшего лейтенанта Ана. Это были крепкие мужчины европейской внешности. Навыки, которыми они владели, выдавали в них профессионалов, прошедших обучение в войсках специального назначения. Выяснилось, что по распоряжению Национального агентства разведки они были приписаны к посольству Матабонии^[9]. Причина, по которой они преследовали старшего лейтенанта Ана, заключалась в том, что на территорию Матабонии он проник по поддельному паспорту. Но в голове не укладывалось, что представители посольства открыли огонь в самом центре Сеула из-за фальшивого документа. Это дело требовало тщательного расследования, но, согласно международному праву, они не могли задерживать граждан другой страны. Единственный, кто остался, это

старший лейтенант Ан. Раз они упустили преследователей, оставалось только одно – разузнать всю правду у преследуемого.

За два дня до происшествия в Токио был убит единственный свидетель по делу об убийстве якудза. Его застрелили с дальнего расстояния по пути в суд, где он должен был давать показания. Сразу же проверили все крыши зданий и на одной из них обнаружили тело предполагаемого стрелка – он был отравлен. И в этом втором убийстве подозревали старшего лейтенанта Ана. Национальное агентство разведки выяснило все это через Интерпол, получив даже фоторобот подозреваемого.

Было два выхода: вскрыть содержимое карты памяти, которую достала Моён во время операции, либо добиться признания от старшего лейтенанта Ана. Но на карте памяти был сложный пароль, расшифровка которого заняла бы не меньше недели. Выбить правду из старшего лейтенанта Ана казалось лучшим решением. Добыть информацию поручили Сичжину, который лежал с ним в одной палате. В палате установили прослушивающие устройства и камеры, каждое слово и каждый жест записывались и сохранялись.

4

– Я капитан войск специального назначения Республики Корея Ю Сичжин. Старший лейтенант Ан Чончжун, из какого вы отряда?

Сичжин сидел на своей койке и допрашивал соседа по палате. Глаза старшего лейтенанта были закрыты, но Сичжин знал, что он не спит.

– Зачем вы незаконно пересекли границу Республики Корея?

Нет ответа.

– Какой приказ вы выполняете?

Нет ответа.

Сичжин терпеливо продолжал задавать вопросы, старший лейтенант Ан упрямо хранил молчание.

– Какой бы приказ вы ни выполняли, то, что вы сейчас лежите здесь, говорит о его провале. Я прав?

Веки старшего лейтенанта Ана дрогнули – упоминание о провале возымело действие. Сичжин продолжал:

– Старший лейтенант Ан, назовите свои условия для сотрудничества. Вам нужно укрытие?

Старший лейтенант наконец открыл глаза, но лишь для того, чтобы бесцельно уставиться в потолок. В этот момент распахнулась дверь и вошел подполковник Пак. Его миссия в миротворческом батальоне «Тхэбек» была закончена, он вернулся и был назначен командиром войск специального назначения. Казалось, он больше не мог сдерживаться, слушая вопросы без ответов.

– Хотелось бы все-таки услышать ваш голос. Раз вы такой скромный, оставались бы в Северной Корее. Он хоть что-то сказал? – в нетерпении крикнул подполковник Пак.

– Только то, что написано в отчете. Просит вернуть его на Север.

– Что за бред? Незаконно пересекать границу только для того, чтобы попросить вернуть тебя назад? Видимо, официальные пути через Россию и Китай закрыты, поэтому ты выбрал самый опасный маршрут через Южную Корею. Раз у тебя настолько сложная ситуация, остается только эмиграция. Если все расскажешь, мы с радостью тебя примем. Я дам время на раздумья, подумай хорошенько, – раздраженно сказал подполковник Пак старшему лейтенанту Ану и вышел из палаты.

Сичжин, сам не зная почему, расслабленно выдохнул. Старший лейтенант Ан не был дураком и не мог не знать, что палату прослушивают. Юг ли, Север ли, а натура военного везде одинакова. Сичжин начал обдумывать другие варианты. Но в дверь постучали, и вошла Моён. Сичжин чуть не закричал от радости, когда ее увидел.

Моён сменила повязку на плече старшего лейтенанта Ана.

– В лодыжке и бедре остались кусочки костей – следы старых переломов. Пулевых ранений всего четыре. Если говорить про те, что были получены в этот раз.

Старший лейтенант Ан пронзил Моён яростным взглядом. Разумеется, его интересовала судьба карты памяти. Сичжин напрягся, опасаясь, что старший лейтенант Ан может навредить девушке.

– Самое серьезное – это старый осколок в спине. Если оставить его там, однажды он заденет позвоночник, и вас может парализовать ниже пояса, уважаемый пациент.

Сичжин усмехнулся. Старший лейтенант Ан злобно сверкнул глазами.

– Я просто поражена, что вы все еще живы. Не стоит так пренебрегать единственной жизнью. В Южной Корее тоже есть один

такой, который совсем рассудка лишился, – сказала Моён и уставилась на Сичжина.

Под ее грозным взглядом Сичжин потупился.

– И еще. Я не собиралась этого говорить, но помните мужчину-военного, которого мы видели в Уруке? – спросила Моён, меняя повязку на руке старшего лейтенанта Ана.

– Вы про кого?

– Ну про такого, похожего на окуня. Он еще ругался, что я пациенту при смерти операцию провожу, и вам наказание назначил. Просто он с нашей медицинской бригадой как с подчиненными обращается. Требует обо всем докладывать: что за укол, что за лекарство...

Поняв, что Моён имеет в виду подполковника Пака, Сичжин быстро закрыл ей рот. Моён округлила глаза от удивления и попыталась вырваться. Сичжин достал ручку из ее халата и написал на руке: «Здесь прослушка, не ругайтесь». Испуганная Моён безмолвно произнесла: «Что же делать?» Сичжин жестом велел ей продолжать.

– Я хотела сказать, что рада снова его видеть. Да я чуть ли не объятиями ему навстречу побежала. Он же понял, да? – лукаво произнесла Моён.

– Конечно, понял. Он очень сообразительный человек, – подыграл Сичжин. Взяв с тумбочки календарь, он начал в нем что-то писать.

– Просто невероятный, – продолжала Моён, наблюдая за Сичжином. Она схватывала на лету и подстраивалась под ситуацию, как и полагалось возлюбленной военного.

– А как ваша мама?

– Все так же. Хвастается, что кормит меня, и всё на мои деньги...

Сичжин отложил ручку и показал Моён календарь с надписью: «Мне нужно тихое место, чтобы поговорить со старшим лейтенантом Аном». Моён нахмурилась, но беззаботно закончила:

– У нее все отлично.

– Я так и не смог с ней пообщаться. Давайте назначим дату. Место можете выбрать сами.

Моён поняла его намек.

– А это обязательно? Я бы не хотела. И моя мама будет против.

– Вам не о чем беспокоиться.

– И вы сдержите обещание?

– Прошу вас.

– В следующий раз, когда я напьюсь, не оставляйте меня. Пациент Ан, жду вас через тридцать минут на МРТ. И нужно сделать еще пару анализов. Не опаздывайте, у нас много пациентов.

Моёя громко выдохнула и посмотрела в глаза Сичжину. Сичжин закивал, выражая благодарность.

Ровно через тридцать минут Сичжин смог остаться один на один со старшим лейтенантом Аном в кабинете МРТ. Работа аппарата создавала идеальный фон, заглушающий голоса.

– Здесь нас не слушают, можно разговаривать спокойно.

Но во взгляде старшего лейтенанта по-прежнему читалось недоверие.

– Я устроил встречу здесь, чтобы спрятать тебя от слежки с нашей стороны. У нас максимум десять минут, и это мой последний шанс тебе помочь, – прямо сказал Сичжин. – В чем дело? Почему ты убил старшего сержанта Ли Сокчжина? Он же был твоим подчиненным.

– Сначала верните мне мою вещь.

– Ты об этом? – спросил Сичжин, достав карту памяти. – Теперь моя очередь получать ответы. Что на ней?

– Это секретная информация о том, как натренированных бойцов из войск специального назначения, наплевав на честь и доблесть, за большие деньги продают мафии. – Старший лейтенант Ан глубоко вздохнул, получив обратно карту памяти.

– Ты собрал доказательства о тех, кто за этим стоит?

– Не играй со мной. Ты ведь уже посмотрел.

– Код слишком сложный. Какой пароль? Но лучше расскажи сам.

– Не важно. Наша страна сама разберется со своими делами.

Старший лейтенант Ан положил карту памяти в рот и проглотил. Сичжин даже глазом не моргнул.

– Твоя страна уже сделала свой ход. Начальник разведки просит передать тебя им. Завтра утром тебя передадут на сторону Севера.

Взгляд старшего лейтенанта Ана заметался.

5

Информация, добытая национальным агентством разведки, оказалась верной. Два дня назад старший лейтенант Ан был в Японии. С помощью отравленной ручки он убил старшего сержанта Ли

Сокчжина, застрелившего свидетеля по делу об убийстве якудза. Таков был приказ начальника разведки Чхве Чихо.

До начала первого этапа переговоров между Севером и Югом начальник разведки приказал старшему лейтенанту Ану найти и доставить к нему изменников родины – тех самых наемников, бывших бойцов войск специального назначения, а ныне выполнявших грязные поручения якудза. Старший лейтенант Ан именем Корейской Народной Демократической Республики обещал найти изменников и того, кто за ними стоит. Вот со вторым пунктом и возникла проблема.

Расследуя прошлое старшего сержанта Ли Сокчжина, старший лейтенант Ан узнал правду, которую не должен был знать. Она состояла в том, что наемников преступным группировкам продавал сам начальник разведки Чхве. Старший лейтенант Ан был предан начальнику разведки и безоговорочно выполнял его приказы. А теперь он думал, не обернулась ли эта безоговорочная преданность предательством. Ему показалась правильной идея наказать изменников родины.

Он убил старшего сержанта Ли Сокчжина, но подвергся преследованиям японской полиции и неизвестных ему наемников. Без сомнения, здесь был замешан начальник разведки Чхве. Старший лейтенант Ан не собирался сдаваться вот так, но ему некуда было бежать и некому было верить. Тогда-то он и вспомнил про капитана Ю Сичжина.

В кабинете МРТ у старшего лейтенанта Ана даже мелькнула мысль, не рассказать ли Сичжину всю правду. И все же он передумал: от южнокорейских солдат в делах его страны не будет никакого толку, но это может быть использовано в политических играх.

Вернувшись в палату и оказавшись снова пристегнутым наручниками к кровати, старший лейтенант Ан размышлял о побеге. Но проблема была не в наручниках – для бойца войск специального назначения избавиться от них не составляло труда. Хуже то, что госпиталь был наводнен сотрудниками национального агентства разведки и членами группы «Альфа». Да и Сичжин наблюдал за ним двадцать четыре часа в сутки. И все же он мог попытаться, если бы не раны. Без посторонней помощи даже руку было сложно поднять, а значит, нужен пособник.

Открылась дверь, и вошли медсестра и женщина-врач. Старший лейтенант Ан мельком взглянул на медсестру: та самая, которую он взял в заложники в отделении скорой помощи. Он приставил нож ей к горлу, а она даже бровью не повела. Да и врач, называвшая старшего лейтенанта Ана «уважаемый пациент», была той еще штучкой. Казалось, что обе женщины прошли военную подготовку и морально вооружены. Старший лейтенант Ан подумал, все ли люди в Южной Корее такие стойкие, и закрыл глаза.

– Мы ввели ему успокоительное и болеутоляющее, так что он проспит следующие пять часов.

Поставив капельницу, медики передали Сичжину информацию о состоянии больного и вышли из палаты. Заполняя карту пациента, доктор взглядом послала Сичжину знак. Тот кивнул в ответ и вышел вслед за девушкой. Как только дверь закрылась, в палате воцарилась тишина.

Старший лейтенант Ан резко открыл глаза. Он быстро вытащил иглу для капельницы и вскрыл ей наручники. Нужно покинуть палату, пока Сичжин не вернулся. Он сел и почувствовал такую сильную боль, словно все швы разошлись. Но медлить нельзя: если обезболивающее уже попало в организм, скоро наступит вялость. Мужчина сжал зубы, преодолевая боль. Он снял повязку с плеча и перемотал ей ступню. Прихрамывая на одну ногу, он встал с койки, подвинул ее к двери, а дверную ручку зафиксировал стойкой для капельницы. После этого схватил стоявший в углу огнетушитель и бросил в окно. Стекло с диким грохотом разбилось. Без малейших колебаний старший лейтенант вылез в окно, не обращая внимания на холодный ветер. Держась за переплет оконной рамы, он сильным ударом ноги разбил стекло этажом ниже и спрыгнул внутрь.

Побег не удался.

– Куда собрался? В Южной Корее нельзя выписываться без разрешения врача, – сказал Сичжин, приближаясь к старшему сержанту Ану, который не мог даже подняться.

– Отойди. Я должен закончить свою миссию, – сквозь стиснутые зубы проговорил старший лейтенант Ан, с досадой посмотрев на Сичжина.

– Я, кажется, уже говорил, что утром тебя передадут Северной Корее. У тебя не очень хорошие отношения с начальником разведки

Чхве?

Старший лейтенант Ан ничего не ответил и с трудом встал на ноги. Похоже, у него разошелся шов: боль была адская.

– Я размышлял о причинах, по которым ты меня искал. Не потому ли тебе нужен был друг здесь, что твой враг является и моим врагом тоже? – продолжал Сичжин. – Кто кого предал: ты республику или республика тебя?

– Солдат никогда не предаст свою страну! Прошу тебя. Позволь мне уйти.

– Ты умрешь, если отправишься на Север. И не важно, кто из вас предатель.

– У меня есть дело, которое я обязан закончить.

– Но тебя убьют!

– Даже если убьют, я выполняю приказы своей страны.

– Я не могу тебя отпустить. Думаю, что долг за нэнмён, которым ты угощал меня в Пхеньяне, я сполна оплатил во время последней перестрелки.

Старший лейтенант Ан лишь сжал кулаки от бессилия. Вошли двое мужчин из команды «Альфа» с пистолетами наготове. Старший лейтенант Ан медленно разжал кулаки, показывая, что сдаётся. Сержант Им надел на него наручники. Старший лейтенант Ан с отчаянием посмотрел на наручники, сомкнувшиеся на запястьях. Подошел Сичжин и вложил ему в ладонь какой-то предмет. В руке Ана лежал «Choco Pie». Старший лейтенант вопросительно уставился на него.

– Прощальный подарок. Это вкусно, поэтому ешь не спеша.

В словах Сичжина был какой-то скрытый намек. Пытаясь его разгадать, старший лейтенант Ан внимательно посмотрел на Сичжина. Мужчины встретились взглядами.

6

На следующий день старший лейтенант Ан, которого должны были передать команде охраны Северной Кореи, отправился в номер люкс отеля «Сеул», где ему предстояла встреча с прибывшим в столицу Южной Кореи начальником разведки Чхве. Начальник Чихо сидел, развалившись в кресле, неторопливо потягивая виски и наблюдая за лучами уходящего солнца, скользившими по столу.

Северокорейские охранники ввели старшего лейтенанта Ана; начальник разведки многозначительно улыбнулся и отставил стакан.

– Южнокорейские марионетки продолжают утверждать, что от встречи разьединенных семей и экономического сотрудничества будет зависеть будущее и мир на Корейском полуострове. Но разве не лучше, если железный занавес будет выше, а отношения между нами – дальше? Выйдите, – сказал Чхве Чихо охране.

Они сняли наручники со старшего лейтенанта Ана и покинули номер. Как только дверь закрылась, начальник разведки встал и медленно подошел к старшему лейтенанту.

– Я был прав. Если хочешь заполучить желаемое, то угрозы работают лучше разговоров, а напряженные отношения эффективнее мира. Приятно увидеть лицо товарища. – Во взгляде, брошенном на старшего лейтенанта, мелькнуло недовольство.

– Платон 51. Докладываю о проделанной работе. Кассиопея 13, предавший честь солдата, был наказан, голос отдававшего приказы также был определен, – как ни в чем не бывало докладывал старший лейтенант Ан, словно не знал всей правды. В душе он хотел закричать, что это начальник Чхве занимался торговлей наемниками и что он лично его накажет и порвет на куски. Но ему не хватало доказательств, и приходилось тянуть время.

– Я знаю. Также я слышал, что ты заполучил файл с информацией о сделках. Где этот файл?

Начальник разведки с деланным равнодушием взглянул на старшего лейтенанта Ана и отошел к окну, за которым постепенно угасали солнечные лучи. Старший лейтенант Ан смотрел ему в спину, не зная, как правильно поступить. Начальник Чхве внезапно развернулся и сказал:

– Судя по тому, что ребята из Южной Кореи ведут себя тихо, пароль они еще не разгадали... Согласно подготовке, которую ты получил, предмет надежно спрятан где-то у тебя в теле.

Начальник Чхве снова отвернулся и широко распахнул окно, ведущее на террасу. Холодный ветер ворвался в помещение и взметнул занавески. Маленькая красная точка загорелась в области сердца старшего лейтенанта Ана – он был на прицеле у снайпера. Старший лейтенант Ан это предвидел и потому ничуть не удивился.

– Я навсегда похороню этот секрет вместе с телом изменника. Если хочешь что-то сказать, говори, – сказал начальник Чхве с гнусным выражением лица.

– Поставьте на мою могилу тарелку пхеньянского нэнмёна. В идеале – из ресторана «Оннюгван», что в отеле «Корё», – выплюнул старший лейтенант Ан.

– Ничего сложного. Это все? – Начальник разведки громко рассмеялся.

– Я огласил свое завещание, а теперь пора закончить мою миссию. Начальник национальной разведки Чхве, именем республики я накажу вас за измену!

Резким движением старший лейтенант Ан схватил со стола бутылку виски, разбил об край и ринулся к начальнику разведки. Но пуля была быстрее: она беззвучно вошла в сердце старшего лейтенанта Ана, и он рухнул на пол. Ковер под ним окрасился кровью.

Чхве Чихо с довольной ухмылкой закрыл окно и осторожно, чтобы не запачкать туфли, обошел тело старшего лейтенанта Ана.

7

Снайпером, стрелявшим в старшего лейтенанта Ана с крыши соседнего здания, был Сичжин. Он наблюдал за люксом начальника разведки Чхве Чихо через прицел винтовки с глушителем. На другой стороне крыши Тэён вместе с группой «Альфа» держали двоих стрелков – солдат из Матабонии.

Сичжин со старшим лейтенантом Аном поняли, что находятся в очень затруднительном положении. И дело было не в натянутых отношениях между Югом и Севером, да и правительство Северной Кореи здесь было ни при чем. Проблема заключалась в начальнике разведки, замешанном в коррупции, который к тому же играл с жизнью старшего лейтенанта Ана. Подполковник Пак, получив отчет о ситуации, заявил, что жизнь одного северокорейского солдата нельзя ставить в приоритет, когда речь идет о столь важных переговорах. Он приказал передать старшего лейтенанта Ана Северной Корее. Но Сичжин был не согласен и попытался переубедить подполковника. Лишь пообещав раздобыть пароль от карты памяти, он добился разрешения от командующего. Чтобы национальное агентство разведки ничего не заподозрило, подполковник Пак дал приказ группе

«Альфа» разбираться самостоятельно. И вот, заручившись поддержкой ребят из группы «Альфа», Сичжин отправился спасать жизнь северокорейского солдата, на которого всем было плевать.

– Южнокорейские солдаты стреляют отвратительно, – слышался в наушнике голос старшего лейтенанта Ана.

Только после этого Сичжин смог вздохнуть спокойно.

– Я специально стрелял так, чтобы ты не умер.

Старший лейтенант Ан продолжил слабым голосом:

– Я верну тебе долг за печенье, даже если отправлюсь на тот свет. Благодаря тебе я смогу вернуться на родину и умереть солдатом... Спасибо.

Послышался шорох разрываемой упаковки «Choco Pie». Сичжину казалось, что это самый печальный звук, который он когда-либо слышал.

Паролем от карты памяти оказались GPS-координаты отеля «Корё». Тэён, который заранее сделал копию карты памяти, подсоединил ее к ноутбуку. Как только пароль был введен, на экране начали появляться файлы с информацией о сделках, фотографиями и номерами счетов в Швейцарии на имя Чхве Чихо. Сичжин доложил о ситуации подполковнику Паку.

Все успешно разрешилось. Старшего лейтенанта Ана забрала охрана Северной Кореи, после чего о его местонахождении больше ничего не было известно. Сичжин отправился в люкс, где сам же подстрелил старшего лейтенанта Ана, и обнаружил в нем упаковку от «Choco Pie» и прослушивающее устройство. Чхве Чихо, вернувшийся в Северную Корею, был уволен из национальной разведки, а его фотографии исчезли из всех архивов официальных мероприятий, на которых он был представителем.

8

Вторые экстренные переговоры между Югом и Севером завершились в пользу Южной Кореи. Переговоры о встрече разъединенных семей и экономическом сотрудничестве продолжались. Благодарить за это стоило одного северокорейского солдата, узнавшего о предательстве своего командира, а также Вооруженные силы Республики Корея – позабыв о национальной розни, они действовали во имя справедливости, но об этом никто не узнает.

Сичжин посмотрел на соседнюю пустующую койку. Ни национальное агентство разведки, ни Объединенное военное командование не могли сказать, жив ли старший лейтенант Ан или нет. Они были врагами, но как солдата Сичжин его признавал и уважал. Если бы их не разделяла граница, если бы они были товарищами в одной стране, они наверняка бы подружились. Сичжин внезапно почувствовал сильную грусть оттого, что ему было не по силам изменить судьбу.

Дверь палаты открылась, и вошла Моён, одетая в платье с цветочным узором. Она выглядела уставшей и измотанной после целого дня метаний между пациентами и военными.

– Когда меня выпишут? Я могу остаться здесь подольше? Мне очень нравится видеть ваше лицо каждые два часа во время обхода, – пошутил Сичжин.

– Так нравится, что вы сбежали? Куда вы ходили? – спросила Моён, разминая рукой плечо.

– На крышу, мне было душно.

– Я была на крыше.

– Я не говорил, что на крышу этого здания.

– Снова торговый центр?

Сичжин молча кивнул.

– Вместе с другом?

Сичжин ответил, что да, на что Моён поинтересовалась, почему он вернулся один.

– У нас разные пути... – ответил Сичжин с грустной улыбкой.

Моён молча за ним наблюдала.

– У меня плохое настроение, не могли бы вы меня утешить, вместо того чтобы упрекать? – захныкал Сичжин как ребенок, при этом широко улыбаясь.

– Почему плохое?

– Потому что я сохранил мир на полуострове, но не знаю, жив ли мой друг.

– А любимая о вас переживает.

– Вы когда-нибудь лежали на больничной койке? Забирайтесь.

Сичжин подвинулся на край и похлопал рукой по свободному месту. Моён ненадолго задумалась, после чего достала складную кровать для опекунов из-под койки Сичжина.

– Как вы могли отказаться? Я настолько груб с вами? Я же пациент, что я могу сделать? – ворчал Сичжин, наблюдая за Моён, которая устроилась на складной кровати.

– Пациент вернулся из торгового центра, поэтому врачу следует побережь себя. – Моён соорудила подушку из сумочки.

– О чем это вы?

– Не знаю. Я засыпаю, – ответила Моён, зевая. В этот момент она была невероятно милой. – Доктор Ли Чхихун сегодня днем стал папой. У него сын. Знайте, если захотите сделать подарок, – сонно продолжила девушка.

– Наверняка ребенок очень милый, весь в папу. Передайте от меня поздравления.

– Принято.

– Простите, что заставил волноваться.

Моён не ответила.

– Спасибо... что спасли меня.

– Почему мы всегда благодарим друг друга за спасение? Нормальные пары благодарят друг друга за хорошее отношение, за то, что помнят про годовщины и прочее...

– Простите меня.

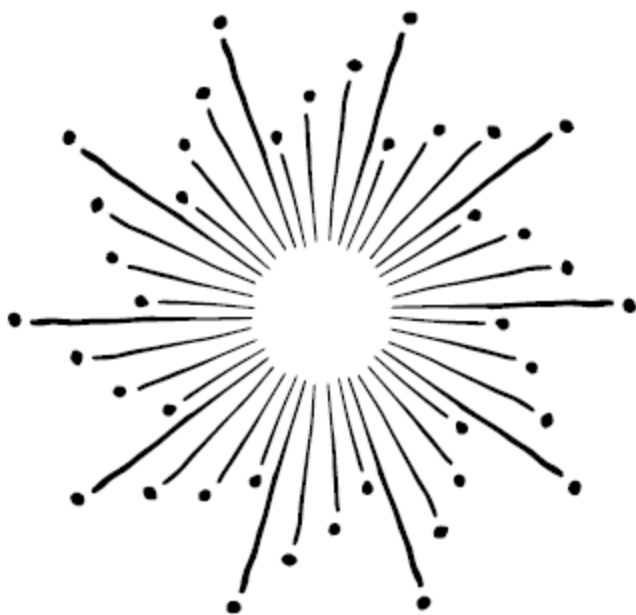
– Это правда?

– О чем вы?

– Я видела в новостях мир, про который вы говорили... Но если вам действительно жаль, больше никогда не появляйтесь передо мной в крови... Прошу вас.

– Принято.

Глава 8. Завещание

1

Отношения – удивительная вещь. Когда с кем-то встречаешься, привычная жизнь уже не кажется такой обычной. Моён не знала усталости, даже если целыми днями спасала пострадавших в отделении скорой помощи, а дежурства, раньше казавшиеся сущим наказанием, пролетали незаметно. Образ Сичжина стоял перед глазами, скрашивая время. Даже когда девушка была одна, она не чувствовала себя одинокой. После происшествия со старшим лейтенантом Аном походы в торговый центр случались редко. Наконец в их отношениях наступил период спокойствия. Девушка могла в любое время позвонить Сичжину, и ее переживания за любимого потихоньку таяли. На самом деле они вернулись к началу отношений. И чем счастливее они были, тем страшнее становилось.

После работы, поужинав с Сичжином, Моён вернулась домой и села на диван. Ночная мгла излучала спокойствие и создавала прекрасное настроение. Телефон звякнул – пришло новое сообщение. «Что делаете?» – спрашивал Сичжин. «Собираюсь помыться», – ответила Моён с улыбкой. Она не переставала удивляться и благодарить судьбу за возможность болтать вот так ни о чем.

Моён положила телефон в карман и направилась в ванную. Она взяла с раковины резинку, перевязала волосы и выдавила на щетку

немного зубной пасты, когда телефон снова зазвонил. Это был видеозвонок от Сичжина.

– Вы уже снова соскучились? – улыбнулась Моён, поднося телефон к лицу.

– Вы же сказали, что моетесь. – Сичжин словно старался заглянуть за экран.

– И что?

– Но вы в одежде.

– Вы из-за этого сейчас позвонили мне по видео? Не из-за того, что соскучились?

– Я соскучился. Во всех смыслах.

– Извращенец. Разденусь, когда положу трубку. Отключаюсь!

Моён с трудом сдержала невольную улыбку и начала умываться. Но в ту же секунду кто-то позвонил в дверь. «Кто бы это мог быть в такое время?» – подумала девушка и направилась к входной двери. На пороге стоял Сичжин и широко улыбался.

– Почему вы соврали? Вы сказали, что разденетесь, как только положите трубку.

Сичжин вошел в дом. В руках у него был огромный черный пакет.

– Не злите меня! Почему вы здесь так поздно? – Моён закрыла дверь и прошла в гостиную.

– У меня очень болели раны, и мне понадобилось заключение врача, – сказал Сичжин с непринужденной улыбкой.

– За заключением нужно было в больницу ехать.

– Но диагноз может поставить только лечащий врач.

Сичжин поставил пакет на стол и начал доставать содержимое. Это было баночное пиво.

– Вы сказали, что у вас болят раны. И что же это такое? – спросила Моён, взглядом указывая на пиво.

– Обезболивающее? Кстати, прежде чем вы поставите мне диагноз, давайте кое-что посмотрим. Как в ванной набирается вода.

– Даже не мечтайте!

– Это мне решать, о чем мечтать. Сходите в душ, я подожду.

– Почему вы все время отправляете меня мыться? Мне решать, тело же мое.

Моён считала количество банок на столе.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Только попробуйте начать пить один! Я знаю, сколько тут.

Девушка направилась в ванную. За ее спиной слышался довольный смех Сичжина.

Спустя несколько минут Моён с полотенцем на голове вошла в гостиную и замерла в удивлении: весь пол был уставлен зажжёнными свечами.

– О! Что это? – спросила Моён, смотря на свечи зачарованным взглядом.

– Это подарок. Чтобы с любого ракурса вы были красивы. Вы и правда прекрасны, – тихо произнес Сичжин.

– Можно подумать, для вас это новость. Откуда вы узнали, какие свечи я люблю? – спросила Моён, оторвав наконец взгляд от свечей и садясь рядом с Сичжином.

– По памяти?

Сичжин открыл банку с пивом и передал ее Моён.

– Увидев всего раз?

Моён приняла пиво.

– Думаете, я был здесь всего один раз?

– А разве нет?

– Вспоминайте.

– Мне не интересно, – попыталась перевести тему Моён.

– Отдайте пиво, – сказал Сичжин, изображая недовольство и отбирая у девушки банку с пивом.

– А, вспомнила, вспомнила. В тот день, когда я напилась.

– Когда?

– Давно.

– Только попробуйте напиться с другим мужчиной!

– А что? Прилетите за мной на вертолете? – осведомилась Моён, возвращая себе пиво.

– Думаете, не смогу? – спросил в ответ Сичжин, чокаясь с ней своей банкой.

– Кстати. Вертолет, на котором вы прилетели спасти меня от рядового Райана, был арабским. Почему? – внезапно вспомнила Моён.

– А... Я вчера упал, и больная рука... – Теперь уже Сичжин попытался сменить тему.

– Вы упали не на эту руку.

– Ах да, точно. – Сичжин схватился за другую руку и продолжил симулировать.

– Скажите честно. Я не буду злиться. – Моён поставила банку с пивом на стол и посмотрела Сичжину в глаза.

– Правда?

– Ну-ка, честно признайтесь, что вы не использовали ту визитку.

– Может... выпьем?... – невпопад ответил Сичжин, с улыбкой протягивая Моён банку с пивом.

– Вы правда снова воспользовались той визиткой? Ради вертолета?

– Вы не подумали, что живы благодаря этому?

– Да что толку-то, если визиток нет? А в вертолете ничего не было? Может, документы на владение нефтяной скважиной? Нет, наличка – это тоже неплохо. Да и с облигациями удобно обращаться. Подумайте хорошенько. Там не было никакого черного чемодана 007?

– Что-то в горле пересохло. Холодильник же там? – Сичжин резко встал и направился на кухню.

– А ну стоять! Нет, ну как можно было визитку опять на транспорт потратить? Это же не транспортная карта. Что бы мне сделать с моей визиткой? – Моён следовала за ним по пятам.

– Вот же жадина!

Сичжин резко остановился и развернулся. Моён не успела затормозить и врезалась головой ему в грудь.

– Кстати, разве мы хоть раз признавались друг другу в любви?

Жалоба на недостаток любви показалась Моён безосновательной, и она обиженно надула губы. Девушка была невероятно мила, и Сичжин радостно улыбнулся. Приобняв за плечи, он повел ее в гостиную. Моён сделала вид, что проиграла, и позволила себя направлять.

– Словами не говорили, а вот телами – да, – произнесла Моён так, словно это было что-то незначительное, взяла банку с пивом и сделала глоток.

Сичжин закашлялся, будто чем-то поперхнулся.

– Мы правда никогда не говорили, что любим друг друга, но при этом держались за руки, целовались и все такое! Ничего себе, круто! – Моён сделала еще пару глотков.

– А несказанных фраз не найдется?

- И такое есть, – равнодушно сказала Моён.
- Попробуйте сказать то, что не могли до этого. Чтобы было честно, пойдем по алфавиту, поэтому Кан Моён первая.
- Пусть первым будет тот, кто захотел это услышать.
- Девушки вперед. Или по возрасту пойдем?
- Почему я все должна делать первая? Вы же тоже этого не говорили!
- Я люблю вас.
- Неожиданно!
- Я люблю вас. – Сичжин смотрел на Моён блестящими глазами.
- Принято. Я вас тоже люблю. Буду предана вам и душой, и телом.
- Уверены в своем решении?
- Да. Но в немного эротичном смысле.
- Эта женщина!..

Сичжин прикинулся строгим, отчего девушка звонко засмеялась. Сичжин тоже не сдержался, и звонкий смех наполнил комнату.

– Посмотрим фильм? Тот самый, который так и не увидели, – спросил Сичжин, доставая диск с фильм, который они собирались посмотреть на первом свидании в кинотеатре.

Моён довольно закивала.

Они выключили свет, уселись на диван и включили фильм, но даже не заметили, как уснули. Это был длинный тяжелый день, и все же счастливых моментов в нем было больше. Сичжин и Моён спокойно спали, наслаждаясь теплыми объятиями друг друга.

Эта ночь была прекрасна. Прекрасна как женщина, которую любят... Интересно, какой конец был у этого фильма – грустный или счастливый?

Эту строчку Моён записала в своем дневнике спустя несколько дней. И еще долго была несчастна.

2

Через несколько дней Тэёна вызвали в кабинет к генерал-лейтенанту Юну. На столе перед главнокомандующим лежали документы, требующие утверждения. Как только Тэён вошел, он спрятал бумаги в ящик. Тэён сдержанно отдал честь и встал по стойке смирно.

– Твое заявление о демобилизации все еще на рассмотрении. Я сейчас размышляю о том, когда дать ему ход. Твое решение по-прежнему в силе? – осторожно спросил генерал-лейтенант Юн.

– Так точно. – В голосе Тэёна не было и тени сомнения.

– Вот как? Я не думал, что старший сержант Со Тэён способен оставить службу из-за женщины. Значит, ты отказываешься от службы?

– Служба в качестве старшего сержанта в войсках особого назначения для меня – это пот, которого я пролил немало. Каждый год я проходил три тысячи километров по горам и полям; я сделал бесчисленное количество выстрелов; моя кожа загрубела от ветра и солнца. Я выполнил более двухсот прыжков с высоты три тысячи футов в небе над отчизной. Отказавшись от всего этого, я заполучу лейтенанта Юн. Ради женщины я уйду со службы. Извините, но Мёнчжу – вся моя жизнь.

– Мёнчжу и для меня вся моя жизнь. Ты, видимо, забыл, но я ее отец. Я хотел сказать, что не тебе одному пришлось побывать на поле боя.

В голосе генерал-лейтенанта слышалась грусть. Такое с ним было впервые. Несгибаемый и крепкий, как скала, генерал-лейтенант Юн проявил человечность. Выказал чувства, присущие всем отцам. На мгновение Тэён даже пожалел о своем поступке. Но он не мог отказаться от Мёнчжу. Тэён стоял с каменным лицом, не проронив ни слова, пока генерал-лейтенант жестом не показал ему, что тот может идти. Тэён сделал глубокий поклон, отдал честь и вышел.

Тэён спускался по лестнице с тяжелым грузом на сердце, а навстречу ему поднималась Мёнчжу. За последние несколько дней ее лицо сильно изменилось. Под глазами нарисовались темные круги – свидетельство того, что девушка давно хорошо не выспалась. «Я снова в чем-то перед ней провинился», – подумал Тэён, коря себя. Мёнчжу остановилась и посмотрела на мужчину снизу вверх. Их взгляды встретились. Недолго думая, Тэён схватил девушку за руку и повел вниз.

Тэён отвел Мёнчжу в ресторан недалеко от части. Они сели за столик друг против друга и, пока ждали еду в полной тишине, обменивались пронзительными взглядами, не говоря ни слова. Наконец официант принес заказ, и через мгновение стол ломился от

разнообразных блюд и закусок. Как только официант отошел, Тэён взял ложку и вложил ее в руку Мёнчжу. Девушка с выражением полного безразличия на лице опустила руку, словно первый раз держала столовые приборы. Спустя какое-то время она все же начала есть. Она ела так старательно, будто у нее к еде была какая-то личная неприязнь. Тэён же лишь продолжал подкладывать закуски ей в тарелку.

– Если есть что сказать, говорите. Я уйду сразу же, как доем. А я почти доела, – сказала Мёнчжу с набитым ртом.

– Мне нечего сказать.

– Раз вам нечего сказать, зачем привели сюда?

– Потому что ты слишком худая.

– Я немного запуталась, но какие у нас отношения? Мы расстались или поругались? Я часто расставалась, но обычно, когда рвешь с человеком отношения, у вас нет возможности поругаться.

Мёнчжу отложила ложку и посмотрела мужчине в глаза. Тэён не ответил, поэтому она продолжила:

– Я спрашиваю, кто мы друг другу? Мы собираемся расстаться, мы сейчас расстаемся или мы уже расстались?

– Сейчас я иду к Юн Мёнчжу.

– Это значит, ты не передумал?

– Позволь мне сдать.

– Собираешься уйти со службы и работать в компании моего дяди? Думаешь, ты с этим справишься?

– Я ведь буду рядом с тобой.

– И просто до смерти счастлив, – усмехнулась Мёнчжу.

– Я буду стараться, – уговаривал Тэён.

– Только попробуй. Попробуй отказаться от всего из-за меня и утратить смысл жить. Я уйду. Я не буду встречаться с отцом. У него своя жизнь, а у меня своя. Я смогу прожить и без него.

– Это все, что ты можешь сказать? Тебя, несомненно, ждет повышение до лейтенант-майора, полковника... Дочь военного с отличными данными точно дослужится до звездочек. Даже я был бы против такого решения. И то, что я все это понимаю, еще больше сводит меня с ума.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, но так тебя ненавижу.

– Думаешь, ты вся такая правильная? Доела? Я и правда привел тебя поесть, поэтому пойду.

Тэён забрал счет со стола, расплатился и вышел, пока ссора не разгорелась еще больше.

– В следующий раз вместо еды приходи с ответом, расстаемся мы или нет! – крикнула ему вслед Мёнчжу.

3

Время шло, наступила зима. Заявление Тэёна по-прежнему лежало в ящике у генерал-лейтенанта Юна, а Мёнчжу по-прежнему избегала его звонков. Тэён ничего не мог сделать и все ждал, сидя в казарме войск специального назначения. О его ситуации знал только Сичжин, который молча поддерживал друга.

Группе «Альфа» пришел приказ об операции. Необходимо было одеться в зимнюю экипировку и в течение двух часов собраться на аэродроме 463. Тэёна в этом строю не было. Несмотря на то что он собственной рукой подписал заявление об уходе, его сердце погрузилось в пучину грусти оттого, что он не будет участвовать в операции. Мужчина наконец осознал, что действительно оставляет службу, и в груди образовалась пустота.

Мысли его прервал связист: он вошел в казарму и сообщил, что Тэёна вызывает главнокомандующий.

Тэён вошел в кабинет главнокомандующего со смятением в душе и услышал неожиданную новость: генерал-лейтенант Юн просил его участвовать в операции, которая продлится три месяца.

– Используя тот факт, что достойной замены тебе еще не нашлось, как отговорку, я думаю отправить тебя на это задание. Или же, – генерал-лейтенант ненадолго прервал речь, достал из ящика лист бумаги и подвинул к Тэёну, – я могу прямо сейчас подписать твое заявление. Как поступим?

Тэён подумал, что, возможно, генерал-лейтенант его проверяет. Он не понимал, что задумал командир.

– Я хочу участвовать.

Когда стоишь на развилке и не знаешь, куда пойти, нужно следовать туда, куда ведет тебя душа. Тэён решил выбрать то, чего искренне хотел.

– Хорошо. Тогда поезжай, – ответил генерал-лейтенант Юн так, словно и ждал такого ответа.

Тэён посмотрел на него с удивлением. Генерал-лейтенант продолжал:

– Учитывая ситуацию, приказ о твоём отстранении откладывается до тех пор, пока ты не передашь обязанности своему преемнику. А когда этот преемник появится, никто не знает.

– Извините, но вы имеете в виду...

– Как вернешься, приходи вместе с Мёнчжу. Я налью вам чашку... Нет, две чашки чая.

– Главнокомандующий!

– Сбор в 21:00. Не опаздывай и возвращайся невредимым.

– Сержант Со Тэён! Вернись в целости и сохранности! Честь имею!

Сердце Тэёна разом согрелось. Бросив на командира взгляд, в котором читалась буря эмоций, он торжественно отдал честь и вышел из кабинета.

Выйдя на улицу, Тэён сразу же сел в автомобиль и поехал к Мёнчжу. Он хотел как можно скорее увидеть девушку и дать ответ, которого она так долго ждала. Оставив машину на парковке возле дома, Тэён набрал ее номер. Сигнал шел, но трубку не брали. Тэён глазами отыскал окна квартиры Мёнчжу. В гостиной ярко горел свет. Тэён убрал телефон в карман и широкими шагами направился к дому.

Но и на звонок в дверь никто не ответил. Тэён начал переживать, не сдалась ли девушка, не дождавшись заветных слов. Он одернул себя: не стоит делать поспешных выводов. Она не могла так легко от него отказаться, ведь раньше она так сильно его любила.

– Мёнчжу! Юн Мёнчжу!

Тэён постучал кулаком по входной двери, но за ней была тишина. Времени не оставалось, Тэён спешил. Он снял с шеи свой военный жетон, повесил его на ручку двери и спустился по лестнице.

4

В это же время Моён получила звонок от Сичжина и, задыхаясь, выбежала из больницы. Сичжин стоял около машины и ждал девушку – все как на их первом свидании. Моён радостно бросилась к Сичжину.

– До нашей встречи еще два с половиной часа. Вы приехали раньше, как в прошлый раз, – сказала она с наигранным равнодушием.

Сичжин никак не отреагировал. Девушка слегка напряглась – что-то было не так.

– Что такое? Так вы не пораньше приехали... – Моён изучала лицо Сичжина.

– Да...

– Снова торговый центр?..

– Да... В этот раз я немного задержусь. Времени у меня в обрез, поэтому я решил заехать попрощаться.

– Немного – это сколько? Неделя? Две?

– Три месяца... – ответил Сичжин с виноватым лицом.

– Три месяца? Этот торговый центр за границей?

– Да. Можете считать, что меня забрали в армию. Обычно в армии через сто дней дают отпуск.

– Такая тужелька, как я, вам больше не по размеру? – попыталась пошутить Моён. Это был жест заботы, чтобы Сичжин не чувствовал себя еще более виноватым.

– Не пейте с другими мужчинами, – сказал Сичжин, тускло улыбнувшись.

Моён закивала. Внезапно ее глаза наполнились слезами.

– Простите. Я пыталась сдержаться, но у меня пока не очень хорошо выходит. – Девушка изобразила улыбку и вытерла слезы.

– Простите, что заставляю вас сдерживаться, – пробормотал Сичжин, сжимая Моён в крепких объятиях.

– Возвращайтесь скорее. Целым, невредимым и без опозданий.

– Я не пострадаю. И не умру. Я обязательно вернусь. Обещаю.

Моён выбралась из объятий Сичжина. Глаза ее блестели.

– С вами можно будет связаться?

– Это не то место, где работает интернет или сотовая связь. Я буду звонить при любой возможности. Вам придется провести без меня всего один сезон. Как только времена года сменятся, я вернусь. Что ж...

– Уже? Подождите.

Сичжин собрался уходить, но Моён схватила его за руку. Мужчина остановился, и девушка крепко обняла его за талию.

– Я буду скучать, – мягко сказал Сичжин, нежно поглаживая Моён по голове.

– И я.

Девушка подумала о том, как было бы здорово, если бы время остановилось и она навсегда осталась в его объятиях. В душе темнело от одной только мысли, что его не будет рядом целых три месяца. Она уже по нему скучала.

Пара одновременно разомкнула объятия. Сичжин сказал Моён, чтобы она шла первой. Девушка замотала головой – она не хотела поворачиваться к нему спиной. Тяжело ступая, Сичжин вернулся в машину. Моён старательно выдавила из себя улыбку и помахала. Сичжин в ответ помахал ей через боковое окно и завел двигатель. Автомобиль медленно тронулся, и Моён осталась одна. Она стояла неподвижно до тех пор, пока машина Сичжина не скрылась из глаз. На память пришли слова, которые Аргус сказал о Сичжине: «Большой босс умный, забавный и загадочный. Но у него много секретов, он будет часто пропадать, с ним будет трудно связаться, и однажды он исчезнет навсегда». Моён отчаянно затрясла головой, чтобы избавиться от плохих мыслей, и вернулась в больницу.

5

По всей земле то и дело вспыхивают конфликты, бушуют гражданские войны. Люди всегда воевали и продолжают воевать и поныне. Другой язык, другая культура – и вот уже повод для распри, повод взяться за оружие. Прямо сейчас где-то от пули умирает молодой человек.

Сичжин и Тэён в составе группы «Альфа» летели в самое сердце одного из таких конфликтов. Официальной религией этой страны был ислам, но спор относительно особенностей вероисповедания вылился в гражданскую войну. В нее вмешались соседние страны, увеличив тем самым масштаб проблемы, а страдали, как обычно, простые граждане. Многие, устав от раздоров, побросали свои дома и встали на путь беженцев. Но пересечь государственную границу оказалось сложнее, чем перейти реку Иордан. Страны Балканского полуострова строго следили за тем, чтобы государственные границы были закрыты для беженцев. Люди оказались в безвыходном положении: ни перейти границу, ни вернуться назад они не могли. В это время международная

экстремистская группировка начала обстреливать беженцев с воздуха в пику ООН, которая пыталась установить мир между странами. Жизнь несчастных граждан, потерявших и дом, и семью, и страну, оказалась в опасности. Группа «Альфа» во главе с Сичжином отправилась спасать их от экстремистов.

Со времени начала операции прошло три месяца. Сичжин не то что позвонить, он даже сообщения Моён не смог отправить. День и ночь слились воедино, вокруг грохотали взрывы и раздавались душераздирающие крики. Это был настоящий ад на земле.

Сичжин бросил дымовую шашку в здание, в котором оставались следы присутствия людей. Помещение наполнил густой дым. Из здания напротив вели непрерывающийся обстрел. Сичжин и Тэён, получив сигнал от сержанта Чхве и младшего сержанта Кона, вошли в здание. Полуголые, связанные беженцы дрожали от страха. Сичжин ножом разрезал веревки. Снаружи слышались звуки выстрелов и шум винтов вертолета союзников. Сичжин с Тэёном вывели заложников из здания и посадили в вертолет.

– Отправляйтесь первыми. Мы с волком полетим на следующем вертолете, – громко крикнул Сичжин сержанту Чхве. Тот поднял большой палец вверх, показывая, что понял, и крикнул:

– От винта!

Вертолет оторвался от земли. Тэён стоял рядом с винтовкой наготове на случай опасности.

– Большой босс на связи. Троих беженцев посадили в вертолет, он только что взлетел. Прием.

Отрапортовав по радиации в главный штаб, Сичжин направился к Тэёну. И в этот момент прилетевшая откуда-то пуля попала ему в грудь.

– Капитан! – крикнул Тэён и кинулся к товарищу.

Сичжин упал там же, где стоял, и начал задыхаться. С каждым вздохом из раны толчками вытекала кровь.

Теряя сознание, Сичжин увидел Моён: девушка солнечно улыбалась и жестом звала его за собой.

– Да... я иду... – забормотал Сичжин, смотря в пустоту отсутствующим взглядом.

– О чем вы? Придите в себя! Вам нельзя засыпать! Посмотрите на меня! Капитан!

Крики Тэёна слабо отдавались на краешке сознания. Сичжин закрыл глаза.

6

Зима закончилась, и наступила весна. От Сичжина и Тэёна, обещавших вернуться после смены времени года, все еще не было никаких новостей. В один из выходных, когда лил весенний дождь, Моён и Мёнчжу встретились в баре. Девушки сблизились на почве общих переживаний за любимых и проводили время вместе, когда чувствовали себя одиноко.

Посреди стола стояла тарелка с пхачжоном^[10], а девушки подливали друг другу макколи^[11]. Моён захмелела, щеки ее покраснели. Внезапно она схватила со стола телефон и начала им размахивать.

– Тебе не кажется, что это уже слишком? Даже если бы они с Марса письмо отправляли, оно бы уже дошло. Я собираюсь выпить! С каким-нибудь красавчиком! Пусть попробует меня поймать!

Мёнчжу лишь поцокала языком: пьяную Моён совершенно не волновало, что подумают окружающие. Мёнчжу знала, что подруга беспрестанно отправляла Сичжину сообщения и при каждом удобном случае оставляла записи в социальных сетях. Кан Моён, страшно занятый врач, известный во всей Корее кардиохирург, ни на минуту не выпускала из рук телефон и строчила сообщения. Все это было похоже на дурной анекдот.

– Раз он не проверяет сообщения, значит, не может. Зачем без конца писать и злиться, если нет ответа? – сказала Мёнчжу с жалостью, взяла со стола рюмку с алкоголем и залпом выпила.

– Чтобы он знал, как сильно я злилась, и чтобы раскаивался ровно настолько, насколько я злилась. А с ними всегда так сложно связаться, когда они на операциях? – спросила Моён, надув губы и глядя в телефон.

– Можно или нет, меня все равно всегда игнорировали. Мы чаще были отдельно друг от друга, чем вместе.

– Вы помирились перед отъездом?

– Примирения не будет. Это уже не просто любовная ссора, это война. И в этой войне я никак не могу проиграть. Учитывая, что перед отъездом он оставил мне свой жетон, у меня есть небольшое

преимущество в этой войне. Выпьем, – сказала Мёнчжу, поднимая рюмку.

– Выпьем. Пусть только приедет. Пусть пинается, брыкается – не важно, вцеплюсь в него мертвой хваткой и не отстану минимум неделю, – заявила Моён, чокаясь с Мёнчжу. – Отберу у него телефон и увезу куда-нибудь. Забронирую заранее отель где-нибудь подальше, закрою, и будем ругаться. – Моён рассмеялась.

– Наливай. – Мёнчжу пододвинула Моён пустую рюмку.

– Лейтенант Юн, а ты хорошо пьешь. О, дождь пошел. – Моён наполнила рюмку Мёнчжу и посмотрела в окно.

– Он давно уже идет.

– Было бы здорово, если бы они давно уже вернулись.

– Им уже пора возвращаться.

– Правда ведь? Они ведь скоро приедут?

Две девушки оперлись подбородками на руки и смотрели, как капли дождя бегут по стеклу.

7

На следующий день Мёнчжу, как обычно, сидела в своем кабинете. Через открытое окно в комнату врвалось яркое весеннее солнце, в его лучах подвешенный к настольной лампе жетон Тэёна поблескивал серебром. Девушка дотронулась до него рукой. Перед Моён она притворялась сильной и решительной, но на самом деле ничем ни отличалась от подруги. Ее сердце болело еще сильнее из-за того, что они не смогли попрощаться перед отъездом Тэёна. Говорят, чем дальше влюбленные друг от друга, тем слабее их чувства, и девушка переживала, не ослабнет ли желание любимого держать только ее руку. Но больше всего она боялась за его жизнь.

Мёнчжу подумала, что не стоит сидеть и терзать себя глупыми мыслями, и решительно встала из-за стола: ей захотелось прогуляться, чтобы немного проветрить голову. Она стояла перед зеркалом, когда в дверь постучали и вошел солдат.

– Младший сержант Ким Бомрэ.

– Да, я вас слушаю.

– Младший сержант... Ким Бомрэ...

– Говори, что случилось? – спросила Мёнчжу, глядя в зеркало и поправляя берет.

– Младший сержант... Ким Бомрэ! Докладываю! – Солдат заикался, словно сделал что-то плохое. Взяв себя в руки, он пробубнил что-то невероятное: Сичжин и Тэён погибли во время операции.

– Ты... Ты как докладываешь?.. – Мёнчжу готова была наброситься на младшего сержанта. Его глаза покраснели. – Докладывай нормально. Как ты это обычно делаешь. Повтори еще раз. Повтори еще раз, я сказала!

Но слушать Мёнчжу не стала. Она выскочила за дверь и бросилась в кабинет главнокомандующего. Она хотела заглянуть в глаза отцу, который отправил Тэёна на смерть.

Генерал-лейтенант встретил Мёнчжу у распахнутой двери, словно давно ее ждал.

– Это же... это же неправда? – выкрикнула Мёнчжу.

– Прости... – ответил генерал-лейтенант Юн и склонил голову. Он не мог видеть, как по щекам дочери бегут слезы.

– Папа, прошу... Пожалуйста... Скажи, что это неправда... Это ведь не так!

– Со Тэён передал это тебе.

Генерал-лейтенант Юн и протянул Мёнчжу белый конверт. Мёнчжу знала, что в нем, даже не взглянув на конверт. Это было завещание Со Тэёна.

– Не нужно... Я не хочу... Я столько писем ему написала... Не может быть, чтобы его первым и единственным ответом мне было завещание!.. Я это не приму... Если я возьму его, если прочитаю, значит, он действительно умер... – разрыдалась Мёнчжу, упав на пол. – Это все из-за тебя! Мы могли счастливо проводить время вместе, но ты его у нас украл! Мы же даже не помирились... Я столько всего ему наговорила перед отъездом! Возьми ответственность за все это! Спаси его! Верни его!

– Это последние слова славного солдата. Сохрани их, – с трудом сказал генерал-лейтенант Юн и вложил конверт в руки Мёнчжу.

– Не хочу... Не хочу... Не хочу...

8

Тогда же, когда Мёнчжу передали завещание Тэёна, Моён получила завещание Сичжина. Сержант Чхве вручил его девушке перед больницей «Хэсон». Он сказал, что Сичжин погиб во время

исполнения задания, и принес свои извинения. Моён не понимала, о чем он говорит. Слова постепенно доходили до мозга, но не складывались в общую картину. Голова девушки опустела, а в ушах стоял гулкий звон.

– Я совершенно не понимаю... О чем вы говорите, что же делать? – спросила Моён и затряслась.

– Вернулись только мы... Мне правда очень жаль... – сказал сержант Чхве, роняя тяжелые слезы.

Весной, когда так буйно цвела вишня, когда даже лица больных светились счастливой улыбкой, Моён услышала о смерти Сичжина. Это казалось ложью. Поэтому девушка даже не плакала, а просто дрожала всем телом.

Моён побледнела настолько, что казалось, вот-вот упадет в обморок. Она взяла машину и направилась в штаб войск специального назначения, вспомнив про Мёнчжу. Наверняка Мёнчжу скажет ей правду. Она точно скажет, что все услышанное – ложь.

Мёнчжу сидела на лестнице, ведущей на парковку, и плакала.

– Что с тобой?.. Почему ты плачешь?.. Если ты сидишь и плачешь, то что делать мне?.. – сквозь слезы спрашивала Моён, не в силах подойти ближе. От ее слов Мёнчжу разрыдалась еще сильнее. – Но мне надо знать!.. Ты знаешь, зачем я приехала сюда... Что же мне делать?..

Голос Моён дрожал, она не могла больше сдерживаться: сердце болело и вырывалось из груди.

– Твой отец ведь важный человек... Ты все проверила? Вдруг у них неверная информация? Может быть, это просто совпадение... Ты плачешь, потому что все узнала? Хватит плакать, ответь мне, Юн Мёнчжу...

Моён в отчаянии повисла на подруге – и увидела в руках Мёнчжу белый конверт. Это определенно было завещание Тэёна. Моён показалось, что из ее тела высосали все силы.

– Значит, это правда?.. Они правда не вернуться?.. Я правда его больше не увижу?.. Он правда больше не придет?..

Мёнчжу прижала к груди завещание Тэёна и, не переставая плакать, закивала. Сердце Моён замерло, и она рухнула как подкошенная.

Моён не понимала, сколько времени прошло с того дня. Она взяла больничный, закрылась дома и спала дни и ночи напролет. Когда ей надоедало спать, она садилась на диван и отсутствующим взглядом смотрела в пустоту. Она ничего не замечала. Ни о чем не думала. Даже не открыла завещание, которое лежало на столе перед ней. Время шло, но девушка не видела никакой надежды.

Плотные шторы на окнах не пропускали свет, и было непонятно, какое сейчас время суток. Тишину в квартире нарушало лишь тихое гудение холодильника. Как вдруг раздался звонок в дверь. Моён показалось, что он прозвенел из другой вселенной. Она продолжила сидеть на диване, как статуя, лишь изредка моргая. Снова раздался звонок в дверь. Девушка посмотрела на дверь, но не могла сфокусировать взгляд. Звонок прозвенел в третий раз, и она наконец поднялась.

За дверью стоял подполковник Пак с несколькими солдатами, которых Моён уже видела. Девушка равнодушно на них посмотрела и отошла в сторону. Подполковник Пак с тяжелым сердцем поздоровался с Моён и прошел в дом.

– Через неделю будет официальное объявление, – осторожно начал подполковник Пак, присев на диван.

Моён села на стул напротив него и молчала, в ожидании следующей реплики.

– Капитан Ю Сичжин и старший сержант Со Тэён погибли в автокатастрофе по пути на тренировку.

Моён продолжала молчать.

– Вам нужно поставить подпись в соглашении о неразглашении военной тайны. Надеюсь на ваше содействие.

Стоявший рядом с Моён офицер протянул ей документы. Давно она не слышала про неразглашение военных тайн. Эти слова доставляли ей столько беспокойства, пока она встречалась с Сичжином...

Подполковник Пак терпеливо ждал, пока она прочтет документы.

– Его смерть... помогла спасти чью-то жизнь? – наконец заговорила Моён.

– Так точно.

– Его смерть... помогла защитить где-то мир?

– Так точно.

– Его смерть... была ради родины?

– Так точно.

– Однако его родина... просит меня сейчас подписать этот документ?

– Простите... – ответил подполковник Пак, склонив голову.

– Почему... почему до последнего твоя жизнь полна тайн? Почему даже твоя смерть – военная тайна?.. Надеюсь, сейчас я делаю то... чего бы хотели вы, Ю Сичжин... – бормотала Моён, как будто Сичжин был рядом. В уголках ее глаз начали собираться слезы. Девушка медленно взяла ручку и подписала соглашение.

В тот вечер Моён не зажигала света. Она разложила перед собой все то, что напоминало о Сичжине: рентгеновский снимок, вода, камень с Навайо, вино, подвеска, диск с фильмом, пиво, свечи – и позволила воспоминаниям полностью захватить себя.

Моён зажгла свечи, и по комнате расползлись тени. Одна из теней была похожа на Сичжина, будто он стоял, прислонившись к стене.

– Как я? Красива в этом освещении? – грустно спросила Моён у тени.

– Вы всегда прекрасны, – услышала она его голос.

– Я скучаю.

– Я тоже.

– Но почему вы не пришли?

– Потому что защищал мир.

– А как насчет обещания, данного мне? Оно было бессмысленным?

– Я собирался прийти. Я приложил все усилия... чтобы прийти.

– Но ведь не пришли. Вы не пришли...

Моён обняла колени и упала, сжавшись в комок. Ее плечи задрожали. Пламя свечей затрепетало, словно пытаясь утешить девушку, а тень медленно приблизилась к ней.

9

Любимой Кан Моён

Перед каждой операцией мы пишем завещание.

Я надеюсь, что это письмо до вас не дойдет, но если вдруг вы читаете это, значит, я не сдержал обещания. Обещание, что не заставлю вас переживать, обещание, что не пострадаю, обещание,

что не умру, обещание, что обязательно вернусь. Ни одно из них я не смог сдержать. Простите.

Там, где были вы, всегда было светло.

Простите, что встретил вас, что любил вас, что расстался с вами так.

Бессовестно просить вас об этом, но надеюсь, что вы не будете долго горевать.

Я забираю свои слова, чтобы вы не были счастливы с другим.

Вы должны быть ярче и счастливее кого бы то ни было.

И не помните меня слишком долго. Прошу вас.

Капитан Ю Сичжин

Для Мёнчжу

Моей стратегией всегда был побег.

Даже в коротких снах я оставлял тебя.

Я плакал от счастья, когда понимал, что это всего лишь сны.

Спасибо и прости, что такая смелая ты так сильно любила такого никчемного меня.

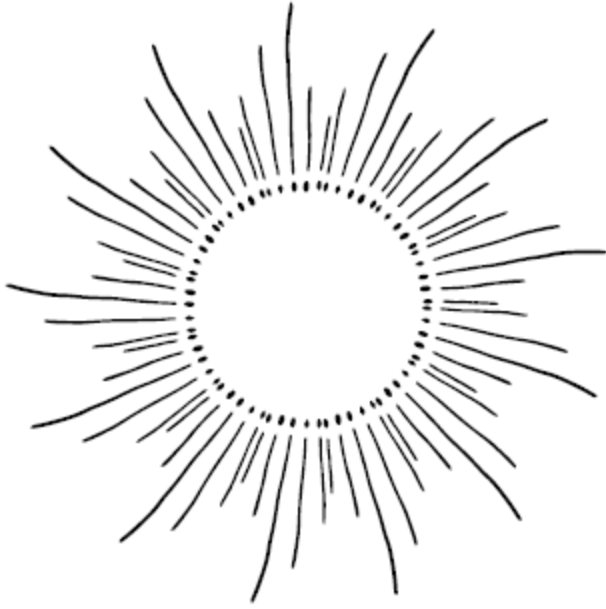
Если ты читаешь это завещание, значит, никчемный я до последнего причиняю тебе боль.

Не прощай меня. И надеюсь... что ты будешь счастлива настолько сильно, сколько времени я провел в мыслях о тебе. Я горячо тебя люблю, Юн Мёнчжу.

Жив я или мертв, этого не изменить.

Тэён

Глава 9. Потомки Солнца

1[12]

Рассекая воздух с рокотом и свистом, самолет пошел на посадку. Приземлившись, он мягко покатил по полосе. Моён взглянула в иллюминатор, но отразившийся от стекла солнечный луч заставил ее зажмуриться. Прикрывшись рукой от солнца, она смотрела на протянувшуюся в бесконечность посадочную дорожку. Далеко-далеко впереди земля сливалась с небом.

По радио из кабины пилотов сообщили местное время в Албании. Невероятно долго скользивший по полосе самолет наконец остановился. Отстегнув ремень безопасности, Моён пригладила и собрала в тугий узел рассыпавшиеся по плечам волосы. Она чувствовала себя так, словно только что очнулась после долгого сна.

Путь из аэропорта Инчхон в Албанию с пересадкой в Абу-Даби занял два дня. Все это время Моён провела в бездействии. Она не смотрела фильмы и не читала, как поступали другие пассажиры, не пыталась скоротать дорогу при помощи снотворного. Она просто сидела, расслабившись так, что не чувствовала веса собственного тела, пересекая пространство и время подобно космонавту в состоянии невесомости. Она не стремилась сосредоточиться на чем-то одном, но и не заставляла себя ни о чем не думать. Если в голову приходила какая-то мысль, Моён следовала за ней; если всплывало какое-то

воспоминание, Моён думала о прошлом. Это была ее первая передышка с тех пор, как она потеряла Сичжина.

После того как откуда-то с края света пришло его прощальное письмо, Моён не давала себе ни минуты отдыха, непрерывно кочуя между больницей и телестудией. Плотный график операций и телезаписей лишил ее досуга. Она взвалила на себя почти всю работу в отделении неотложной помощи, чтобы не оставалось времени на слезы. Моён очень старалась не думать о Сичжине. Её казалось, стоит поддаться один раз, и она рассыплется на куски. Поэтому Моён подавляла отчаяние, пряча его глубоко в сердце. Доктор Пхё, с трудом выносившая все это, в конце концов накричала на Моён, сердито хлопая подругу по спине и требуя выплакаться. Но в итоге расплакалась сама, тогда как Моён не проронила ни слезинки. Порой грусть все-таки захватывала ее, с этим ничего нельзя было поделать. В такие минуты Моён с силой вдыхала воздух, вытирала непрошеную слезу, катящуюся по щеке, и заставляла себя улыбаться.

Так прошел год без Сичжина. Выдержала ли она потому, что не давала себе горевать? Воспоминания о романе лежали грузом на ее сердце, тревожа подобно нерешенной задаче. Выходило, что Моён не смогла выполнить последнюю просьбу Сичжина – поскорее его забыть. Их любовь, мучительно краткая и пугающе яркая, успела стать смыслом ее жизни.

Наступила годовщина смерти Сичжина. Страна, которой он отдал свою жизнь, забыла о нем раньше, чем одно время года сменилось другим, но Моён забыть не могла. В ее памяти Сичжин оставался живым; до конца она так и не приняла случившееся.

Несколько дней назад, увидев у Чхихуна буклет о наборе медицинских волонтеров в лагерь беженцев в Албании, Моён без долгих раздумий взяла отпуск, чтобы принимать участие в волонтерском проекте. Казалось, ее подтолкнула невидимая рука. Душу заполнила безрассудная надежда, что на Балканах, возможно, она узнает что-нибудь о возлюбленном.

Забрав сумку с багажной ленты, Моён вышла из аэропорта. Медики, приехавшие трудиться в лагере беженцев, ждали автобуса, сбившись в плотную группу. Несколько человек приветственно помахали рукой. Это были люди, которых Моён встретила, когда

работала в Уруке. Широко улыбнувшись, Моён присоединилась к группе.

Вскоре приехал автобус, и люди, собравшиеся с разных концов света, но уже ставшие единой командой, заняли места внутри. Поднимая клубы пыли, автобус затрясся по грунтовой дороге.

Многоголосье заполнило тесное пространство автобуса, пассажиры общались на всех языках сразу. Людей, говоривших на разных языках, объединяли кипящая энергия и страстная преданность делу. Моён была частью этой шумной группы, но ее взгляд не отрывался от окна.

Снаружи то и дело мелькали дома с крышами пастельных тонов и полуразрушенные оштукатуренные здания. Неродной бледный пейзаж. Ничто здесь не свидетельствовало о Сичжине. Моён чувствовала, как внутри у нее все сохлось и крошится, будто песок.

2

Мёнчжу вернулась в Урук. Она заступила на военно-медицинскую службу в отряд «Моуру» миротворческого батальона «Тхэбэк». Девушка сама не понимала, бежала ли она от отца или просто хотела быть там, где все напоминало о Тээне. Напоследок отец сказал ей: «Пусть ты всегда думаешь о нем, я думаю лишь о тебе. Надеюсь, среди мыслей о нем у тебя найдется место для мысли об отце. И прости меня, если сможешь», – и отпустил дочь. Мёнчжу не испытывала ненависти к отцу, но и не спешила решать размолвку. Ей нужно было время.

«Какой вообще в этом смысл?» – подумала Мёнчжу, как только прибыла в батальон «Тхэбэк».

Капитаном отряда «Моуру» был уже не Сичжин, а его заместителем был не Тэён. Вокруг были одни незнакомцы, хоть и одетые в ту же самую форму. Едва распаковав вещи в казарме, Мёнчжу задумалась, не начать ли собирать их в обратный путь. Но девушка знала, что, пока она сама это не преодолеет, пока не выберется из окружающей ее пустоты и печали, ничего не изменится, где бы она ни была. Мёнчжу неподвижно сидела на кровати, пока не утихли вскипающие внутри нее безысходность и отчаяние.

Наутро следующего дня Мёнчжу отправилась в столовую при казарме. Солдаты сидели за длинными столами в ряд по десять

человек. Она положила еды на поднос и села за один из столов. Все выглядело новым и необычным, и казалось, она оторвана от других людей, словно ее заперли на необитаемом острове в полном одиночестве. Еда на вкус была как песок, и слезы подступали к глазам – стоит слегка расслабиться, и хлынут водопадом. Мёнчжу на автомате заработала ложкой и задумалась. Тэён погиб. Его нет ни в Уруке, ни в Корее. Она понимала это разумом, но сердцем не хотела принимать. Он вот-вот должен был откуда-нибудь появиться.

Кое-как закончив трапезу, Мёнчжу отправилась на тренировочную площадку. Моуру совсем не изменился. Зеленая трава на площадке, казарма на месте церкви, медицинский корпус – все было таким же, жизнь продолжалась. Если бы не прохладный ветер, то смену времен года можно было и не заметить. Бесснежная зима Урука напоминала позднюю корейскую осень. Мёнчжу запрокинула голову: небо, как и ее душу, затянули густые серые облака. Выдохнув клуб белого пара, девушка развернулась и зашагала в сторону медицинской части, размышляя о том, как было бы здорово, если бы пошел снег.

3

В лагере беженцев из Албании дела обстояли плохо. Остро не хватало палаток, воды и предметов личной гигиены, иногда было сложно всех накормить хотя бы по разу в день. Большинство детей спали на соломе, которая не защищала ни от холода, ни от сырости. Им приходилось пить грязную воду и перебиваться половиной чашки молока или миской кукурузной каши, которые присылали из миротворческой организации. И конечно, в таких условиях бурно распространялись болезни. Но если еду было достать сложно, то медикаменты – практически невозможно. Лекарств, что присылали в рамках гуманитарной помощи, катастрофически не хватало.

Едва очутившись в лагере, не позволив себе и минуты отдыха, Моён приступила к работе. Она лечила больных, таскала коробки с медикаментами, играла с ребятами в футбол и учила их корейскому, беседовала с врачами-волонтерами, прибывшими из Кореи, и даже разработала лекарство для профилактики инфекций. Тело налилось тяжестью, словно его погрузили глубоко в воду, руки и ноги не слушались. Постоянно клонило в сон, но спать получалось лишь

урывками. И все же, несмотря на страшную усталость, на душе стало намного спокойнее, чем было в Корее.

Как-то утром Моён задумала смастерить воздушного змея. Вместе с ребятами она аккуратно резала и красила бумагу, делала каркас из бамбука, обвязывала нитками. Дети, которые поначалу сторонились незнакомцев, увлеклись и ни на шаг не отходили от Моён. Ребята показывали ей своих змеев и хвастались друг перед другом. Измученные страшной бедностью, голодом и жаждой, они впервые за много-много дней смеялись, болтали и шутили.

Наконец змей был готов, и его запустили в воздух. Он поднимался все выше и выше, и дети радостно завизжали. Змей парил в голубых небесах, и душа Моён начала раскрываться. Но стоило взгляду задержаться на одиноком холме посреди равнины, как в душу словно ворвался холодный воздух. Пальцы едва не выпустили нить, а сердце охватили грусть и тоска пустыни. Она лишь на миг позабыла о Сичжине, и вот он вернулся в ее воспоминания, взметнув песчаную бурю.

Человек, целиком отдававший себя делу, всегда на страже справедливости, несмотря на ту грязь, что творили другие. Улыбка никогда не сходила с его лица, даже в самую трудную минуту, – он обещал вернуться целым и невредимым. В голове Моён будто раскрылась папка под именем «Ю Сичжин». Ветер подхватил хранившиеся в ней файлы и унес далеко в пустыню. Горло сдавило, и Моён села на землю. Все слезы, что она так долго копила и подавляла, разом выплеснулись наружу. Она плакала и плакала, пока не заработала рация:

– Это главный штаб. Красотка, отзовись. Прием.

Моён схватила рацию и стиснула зубы, борясь с рыданиями.

– По пути захватите лидокаин, пожалуйста.

– Это Красотка. Скоро буду. Прием, – ответила Моён как можно более ровным голосом.

Еще раз обернувшись на холм, Моён заметила на нем башенку из камней, где каждый камешек был чьим-то заветным желанием. Моён глубоко вздохнула и направилась к холму.

Поднявшись к каменной башенке, Моён достала из кармана какой-то предмет и положила его на вершину... Но округлый гладкий камешек никак не хотел держаться и постоянно скатывался вниз. Этот

камень с пляжа Навайо был очень похож на Моён: не желая обустроиваться в реальности, она падала все дальше в пучину своих фантазий. С мыслью, что пора выбираться из грусти, пора перестать страдать, Моён снова положила камень.

И тут же опять затрещала рация:

– Большой Босс на связи.

Сичжин? Не веря своим ушам, Моён вскрикнула и опустилась на землю. Побледнев, круглыми от удивления глазами она смотрела на рацию. Аппарат молчал. Моён оглянулась по сторонам, но вокруг никого не было. Тишина стояла такая, что становилось страшно. Девушка сделала глубокий вздох и поднялась на ноги.

– Приехали... Только галлюцинаций мне и не хватало...

– Большой Босс на связи. Красотка, посмотрите назад. Прием.

Моён с мертвенно-бледным лицом медленно обернулась. Сквозь столб пыли, взметенной ветром, она разглядела силуэт мужчины. Человек направлялся к ней. Он страшно исхудал, одежда истрепалась, но это без сомнения был Сичжин. «Ну точно галлюцинации», – подумала девушка и крепко зажмурилась. Она яростно помотала головой и снова открыла глаза: видение не исчезло. К ней приближался Сичжин.

– Не может быть... – забормотала Моён, пытаюсь прийти в себя.

– Давно не виделись... – Голос Сичжина был наполнен глубокой печалью.

– Вы живы... Вы все-таки живы...

– Я всегда справляюсь со сложными задачами.

Сичжин раскинул руки и широко улыбнулся. К Моён вернулась способность двигаться, и она побежала. Ноги вязли в песке, несколько раз девушка упала. Но даже свинцовые оковы не смогли бы удержать ее на месте. Девушка снова упала и снова поднялась, и наконец оказалась в объятиях любимого.

– Живой... Живой... – разрыдалась Моён, припав к его груди.

– Простите меня. Простите... – повторял Сичжин, обхватывая девушку за плечи.

– Придурок... Думаешь, раз жив, то все нормально? Подлец... Я так скучала... Я ни одного мгновения не забыла... Ничего мне не нужно... Одна буду жить... В монахини уйду... Я люблю вас... Слышите, люблю вас!..

4

В Уруке выпал первый снег. Говорят, снег здесь бывает раз в сто лет. Мёнчжу наблюдала за белыми хлопьями из окна, и внезапно на душе ее стало очень спокойно. Она вышла наружу.

Мёнчжу одиноко стояла посреди снегопада, ловя ладонями снежинки. Сквозь пальцы она увидела, как кто-то идет через снежную завесу. Ладонь Мёнчжу без сил опустилась. По тренировочной площадке шел мужчина в лохмотьях, с густой бородой. И все же она узнала его. Мужчина приближался к Мёнчжу, застывшей как статуя.

– Я припозднился... с ответом.

Голос Тэёна, его глаза, в которых застыли слезы. Девушка заплакала.

– Я не расстанусь с тобой... Я не брошу тебя даже после смерти, – произнес Тэён.

Губы девушки задрожали, из них вырвался вздох. «Так ты жив... Ты жив... Ты пришел ко мне...» – кричали ее глаза. Не в силах вымолвить ни слова, Мёнчжу плакала без остановки – от удивления и радости, от ненависти и обиды – и колотила Тэёна по груди. Тэён прижал девушку к груди. Почувствовав на щеках его горячие слезы, Мёнчжу вырвалась из объятий и безудержно разрыдалась. Тэён обнял ее еще крепче и поцеловал. И пока эти двое тормозили друг друга, обнимались и целовались, снег постепенно окрашивал все вокруг белыми красками.

– Сегодня я потратила всю удачу. Увидела снег, который идет раз в сто лет, и ты вернулся живым...

– Поэтому я и держался... Если умирать, то только от твоей руки.

– Даже не мечтай о прощении. Я тебя не прощу...

– Я больше не умру. Обещаю, даже если умру, то выживу.

– Я тебе не верю. Но только посмей не сдержать слово. Я потратила всю свою удачу, так что теперь у меня остался только ты...

5

Сичжин не мог поверить, что все это не сон. Еще несколько дней назад он думал, что больше не увидит солнца, – и вот держит в объятиях Моён. Он смотрел на нее, не сводя глаз, прикасался к ней –

ему нужно было убедиться, что все происходит наяву. Слезы любимой... Как же ей было тяжело.

С тех пор как Сичжин с группой «Альфа» отправился спасать беженцев, захваченных в плен экстремистами, прошел ровно год. Они с Тэёном ворвались в логово бандитов, спасли заложников и посадили в вертолет, а сами остались ждать следующего. И тут по ним открыли огонь. Сичжина ранило в грудь, и, пока Тэён пытался остановить кровь, их окружили и отвели в бомбоубежище. Здесь их держали несколько месяцев, без лечения и должного ухода, после чего явилась повстанческая армия и перевела их в другое место.

В тюрьму, устроенную в каком-то подземелье, с трудом проникал солнечный свет. Прикованный к стене, Сичжин, чтобы не сбиться, каждое утро кандалами делал зарубку в бетоне. Казалось, они попали прямиком в ад. Отовсюду доносились крики людей, которых пытали и убивали. В день им полагалась тарелка кукурузной каши, а то и вовсе ничего. По их голым окровавленным ногам бегали насекомые, а порванная одежда не защищала от холода. Когда бандитам становилось скучно, они открывали двери камер и развлекались, избивая пленных. Каждый новый день приносил очередное увечье: синяк или рану. Постепенно пленные теряли способность рационально мыслить; никто не понимал, что происходит вокруг. Знали только одно: в любую секунду они могли умереть. Единственный плюс был в том, что Сичжина и Тэёна держали вместе. В минуты отчаяния они искали поддержки друг друга, и оба были готовы отдать последние силы, чтобы спасти товарища.

Но однажды утром в тюрьме началась суматоха. Причина была неизвестна, но бандиты надели маски и приготовились к бегству.

– Разберись с ними, и отступаем. Пошевеливайся, – отдал приказ главарь банды.

В камеру к Сичжину и Тэёну вошли трое. Сопrotивляться было бессмысленно, ведь силы явно были не на их стороне. К головам заключенных приставили пистолеты. Прозвучал выстрел. Кровь брызнула на лицо Сичжина, и кто-то рухнул на пол. Сичжин подумал, что Тэён мертв. Но, к счастью, это был повстанец, секунду назад угрожавший его другу. Раздался еще один выстрел, и теперь упал бандит, державший на прицеле Сичжина. Сичжин и Тэён обменялись удивленными взглядами.

Да, в жизни случаются невероятные события. Последний из оставшихся повстанцев снял маску и освободил Сичжина и Тэёна от оков. Старший лейтенант Ан вернул свой долг за «Choco Pie», после чего бесследно исчез.

Добравшись до лагеря ООН, Сичжин и Тэён связались со штабом войск специального назначения, доложили, что они живы, и узнали новости о Мёнчжу и Моён.

И в эту самую минуту в самом центре Албании Сичжин обнимал Моён.

6

Моён привела Сичжина в своё жилище в лагере беженцев. Она уложила его на кровать, промыла раны, напоила и накормила. Обработывая раны, девушка снова загрустила. Все тело мужчины покрывали ужасные шрамы – немые свидетели страшных испытаний. Печаль темными тучами сгущалась в ее душе, но больше она не будет плакать. Всю свою жизнь она посвятит лечению ран, которые получит этот мужчина.

– Ну вот, так лучше. А как вы узнали, что нужно ломать? Я собиралась переломать вам все кости, когда вы заявитесь, – сказала Моён, накладывая гипс на сломанную руку.

– Просто моя девушка врач. И я знал, что она изрядно постарается, чтобы уложить меня на больничную койку, – ответил Сичжин с улыбкой.

– Как же я скучала по вашим шуткам. Вы славно потрудились.

Моён прижалась головой к груди Сичжина и крепко его обняла.

– А! Игла! Игла! – завопил Сичжин.

– Ох, игла. Простите.

– За что вам извиняться? Это я должен просить у вас прощения. Простите. Больше такого не повторится.

– И вы думаете, я поверю?

– Кстати, давно хотел спросить. А что это? – спросил Сичжин, указывая на стол.

Груши, яблоки и финики, мінтай, бутылка вина – Моён накрыла стол на поминки Сичжина.

– Это ваши поминки. Сегодня годовщина вашей смерти. Я даже еду парню на поминки готовила... – Моён рассмеялась, осознав всю

нелепость ситуации. Но внезапно лицо ее стало серьезным, и она взглянула на Сичжина: – Вы же не?..

– Что? – спросил Сичжин, не понимая, что происходит.

В дверь постучали. Моён открыла. На пороге стояла девушка европейской внешности, с голубыми глазами, и держала в руках поднос с ножом для фруктов.

– Эй, Красотка. Вот, нож для фруктов, – сказала девушка и передала поднос Моён.

– Слушай... ты видишь этого человека? – спросила Моён, указав на Сичжина.

– Он красавчик. – Девушка кивнула. – Твой парень?

– Слава богу! Я боялась, что одна его вижу... Спасибо! Спокойной ночи, – произнесла Моён со вздохом облегчения.

– Спокойной ночи, – ответила девушка и вышла.

– Ах, вы меня сейчас второй раз убили. Вы что, меня за привидение приняли? Вы в самом деле врач? – растерянно спросил Сичжин.

– А кто вас просил появляться в день собственной кончины? Садитесь и ешьте фрукты. Призрак вы или человек, я готовила это для вас. И вино пейте. Ничего крепче я достать не смогла, так что обойдемся вином.

Моён села за стол и принялась чистить фрукты.

– А вы хорошо подготовились. И это в такой дали от дома, – рассмеялся Сичжин и сел напротив.

– Вы и впредь собираетесь ходить по торговым центрам?.. – спросила Моён после паузы, передавая Сичжину очищенные фрукты.

Мужчина молча смотрел на девушку. Моён откусила финик и добавила:

– Кажется, вы хотите стать героем.

– Каждый солдат хочет стать героем, но никто не хочет умирать. Я лишь защищаю мир там, где это необходимо.

– Это значит, что вы продолжите? Даже если я буду против?

– А вы будете против?

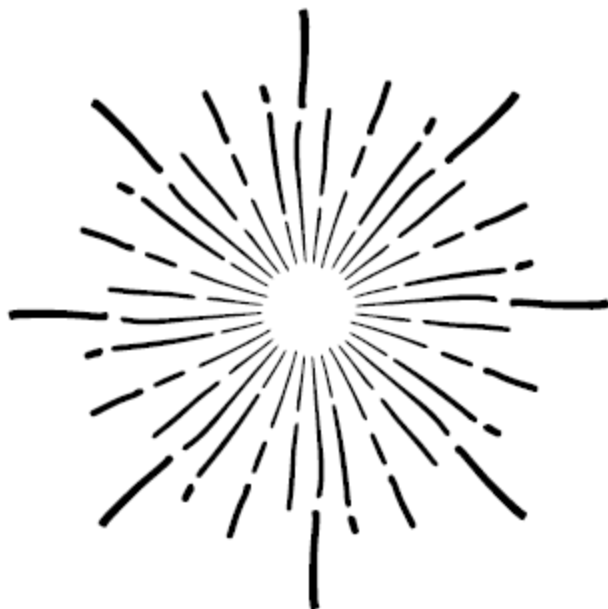
– А я должна быть за? Даже если буду знать, что вы больше не вернетесь?

Сичжин ничего не ответил, он лишь смотрел вдаль, на горы.

– Не бойтесь. Я не буду против, – быстро ответила Моён. После долгой разлуки было неправильно говорить на серьезные темы. – Да и что толку противиться? Вы не сможете отступить, а будете лишь извиняться, я буду на вас обижаться, но в итоге все равно продолжу поддерживать. Так что я тоже попробую защитить мир. Конечно, если моя поддержка сможет стать миром для Ю Сичжина.

– Спасибо. Извините и еще раз извините, что не могу сказать ничего, кроме извинений.

Эпилог

Белоснежный песок, изумрудные волны и бесконечно-синее небо, остов корабля под отвесными скалами – пляж Навайо был все так же прекрасен.

Сичжин первым вышел из лодки и подал руку Моён. Не выпуская ее ладони, он вел девушку по пляжу. Под их ногами стелился прибой. «Интересно, в скольких местах побывала и скольких людей коснулась эта вода, прежде чем оказаться здесь», – внезапно подумала Моён. У нее было странное чувство, что жизнь заканчивается – старая жизнь, а завтра начнется новая. И в этой жизни тоже будет Сичжин. От этой мысли грудь наполнилась радостным волнением.

– Мы и правда вернулись. – Моён положила камешек на разбитое судно.

– Я рад приехать сюда с вами. И в этот раз тоже, – сказал Сичжин, приобняв девушку за плечи.

– Из-за вас я упустила шанс приехать сюда с другим мужчиной.

– С другим?

– Ну не ехать же мне одной? С моей-то внешностью. Я не создана для одиноких поездок, – дразнила Моён, шаг за шагом отступая от Сичжина.

– А ну стойте, – притворившись сердитым, сказал Сичжин и двинулся за девушкой.

– Кстати, разве этот корабль не похож на рентгеновский снимок? – громко спросила Моён, указав на корабль, и побежала, взметая ногами песок.

– Не переводите тему. – Сичжин бросился вдогонку.

Внезапно Моён остановилась.

– Посмотрите на меня. Идеально. – Она достала телефон и навела камеру на Сичжина. – У меня из фотографий только ваш рентгеновский снимок. А я на него уже много раз смотрела.

– Не пытайтесь играть на моих чувствах, я вам не поддамся. – Дыхание Сичжина сбилось.

– На пляже нужно играть в догонялки. Поймайте, если сможете.

Моён убрала телефон обратно в карман и принялась носиться по пляжу.

– Вам конец, если попадетесь.

– А когда мы поедем обратно?

– Когда наша лодка станет такой? – ответил Сичжин и указал сначала на лодку, а затем на большой корабль.

– Правда? Ура! Я вдвоем с мужчиной на необитаемом острове! Здорово! – радостно закричала Моён.

Сичжин рассмеялся в ответ.

Опустилась ночь, на небо высыпали мириады звезд, словно кто-то разлил на небосводе краску. Моён и Сичжин сидели на палубе разбитого корабля и смотрели в ночное небо. Казалось, что все звезды похожи друг на друга, но Моён знала, что это не так. Скорее во всей Вселенной не найти двух одинаковых звезд. Так же и с людьми, думала девушка. Издалека все одинаковы, но стоит присмотреться – и заметишь, что у каждого свой цвет, своя форма. И доказательство тому

– любовь. Любовь Мёнчжу и Тэёна, любовь Санхёна и медсестры Ха, Чхихуна и доктора Чан, Даниеля и Ёхвы...

– Правда не будете пить? Это очень вкусно. – В руках у Моён была бутылка вина, как и в прошлый раз.

– Я бы очень хотел выпить, но мне еще за руль. Лодка сама не пойдет, – с сожалением ответил Сичжин.

– Вы же говорили, мы не поедem, – упавшим голосом произнесла Моён.

– И кому тогда будет хорошо?

Моён цокнула языком и снова отпила вина.

– Вкусно?

– Да. Кажется, вы очень хотите выпить. У нас есть способ. – Прозвучало двусмысленно, и Моён засмеялась.

– Я знаю, – ухмыльнулся Сичжин, вспомнив их поцелуй на кухне казармы под предлогом поделиться вином.

– Я думала, у меня сердце выпрыгнет от волнения, – улыбнулась Моён.

– Мне кажется, у меня сейчас сердце выпрыгнет от волнения. И море, и пляж, и вино, и красавица, и небо, полное звезд.

– Смотрите! Быть не может... Я первый раз вижу звездопад...

Небо одна за другой прочерчивали звезды. Моён сидела разинув рот, а Сичжин смотрел на нее влюбленным взглядом.

– Что случилось во Вселенной? Почему кажется, что все звезды этого мира собрались здесь? – с восторгом спросила Моён.

– Желание не будете загадывать?

– Уже загадала.

– С открытым ртом?

– Какой смысл меня дразнить? Достаньте мне лучше звезду поскорее.

– Уже достал. Она сидит сейчас рядом со мной.

– Продолжайте, – рассмеялась Моён.

– Она очень яркая.

– Еще что-нибудь.

– Она за мгновение сделала мою жизнь светлее.

– Ладно, не благодарите, – улыбнулась Моён.

– Как такой человек оказался в моей жизни?

– Видимо, в прошлой жизни вы спасли страну. Ничего себе! Наверное, вы были надзирателем.

– В этой жизни меня сильно повысили.

– Значит, в следующей жизни мы снова встретимся. Вы же и в этой жизни страну спасаете.

– Нужно как минимум страну спасти, чтобы встретить такую женщину.

– А кто сказал, что она будет с вами встречаться?

– А в следующей жизни не хотите?

– Если скажу, что не хочу, вы не придете? Обязательно найдите меня. Даже в следующей жизни.

– Обещаю.

Моён мило закивала.

– Что вы загадали? – снова спросил Сичжин.

– Вы удивитесь, – с усмешкой ответила Моён.

– Что же это?

– «Пусть этот мужчина меня поцелует». Сбудется?

– У нас есть способ.

И как будто слились две звезды, губы Сичжина слились с губами Моён.

– Я люблю вас, – прошептал Сичжин на ухо девушке.

– И я вас, – смущенно ответила Моён.

– Вообще-то это был вопрос.

Моён рассмеялась:

– Я люблю вас. Это ответ.

– И я вас.

Примечания

1

Талибан – запрещенное в Российской Федерации исламское радикальное движение, которое зародилось среди пуштунов в 1994 году.

Вернуться

2

Полимеразная цепная реакция – экспериментальный метод молекулярной биологии, позволяющий добиться значительного увеличения малых концентраций определенных форматов

нуклеиновой кислоты (ДНК) в биологическом материале (пробе). Широко используется для диагностики заболеваний.

Вернуться

3

Певчая птица из отряда воробьиных.

Вернуться

4

Птица средней величины из семейства совиных

Вернуться

5

Лекарственное средство, антибиотик широкого спектра действия.

Вернуться

6

Район в юго-восточной части Сеула, один из наиболее густонаселенных и богатых.

Вернуться

7

Холодная лапша с водой, разбавленной соевым соусом и горчицей.

Вернуться

8

Промежуток времени после получения травмы, который позволяет наиболее эффективно оказать первую помощь.

Вернуться

9

Вымышленная страна в Европе.

Вернуться

10

Корейское национальное блюдо: жареная лепешка с зеленым луком и морепродуктами.

Вернуться

11

Корейский традиционный алкогольный напиток крепостью от 6,5 до 7 %.

Вернуться

12

Перевод первой части Л.А. Михаэску.

Вернуться